БОЛЬШЕВИК

№ 12—13

20 ОКТЯБРЯ

1924

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Главлит № 26422 Москва. Тираж 85000

Типо-литография „Искра Революции“ (б. 7-я) Мосполиграф, Филипповский п., 11.

В. Молотов.

О производительности труда.

За последний год в центре нашей экономической политики, стоял вопрос о снижении цен на промышленные товары. Осенний кризис прошлого года превратил эту задачу из экономической в основную политическую задачу Советской власти и нашей партии. Вопросы торговли и, прежде всего, снижение цен на промышленные товары стали центральным вопросом смычки города с деревней, смычки пролетариата с крестьянством. Борьба за смычку, за ее укрепление должна была усилиться по этой линии. Так и было сделано.

Советская власть взялась за меры по руководству рынком. Исправление низких сельско-хозяйственных цен и снижение во что бы то ни стало цен на промышленные товары, — так стояла задача. Труднее была вторая часть этой задачи, поэтому она и требовала к себе исключительного внимания.

За истекший с осени прошлого года хозяйственный год мы уже достигли некоторых результатов. Общее снижение промышленных цен за это время достигает 25—30%. На отдельные товары снижение цен достигнуто значительно больше. Но это, конечно, только начало. Борьба за снижение цен требовала, требует и будет еще требовать всяческого улучшения нашей торговли и, в первую голову, улучшения работы кооперации. Так важнейшей задачей в области торговли и, в частности, в работе кооперации является уменьшение разницы между оптовыми и розничными ценами. Необходимо во что бы то ни стало добиваться снижения розничных цен и максимально возможного приближения их к оптовым ценам. В этом (да и не только в этом!) направлении нам еще нужно очень и очень много поработать. Но борьба за снижение цен по линии торговли привела нас к новым задачам уже в области производства, к проблеме поднятия производительности труда.

Борьба за снижение цен должна теперь вестись не только за счет торговли, но и за счет производства. Иначе говоря, нам необходимо не только снижение торговых расходов, но нам необходимо также снижение стоимости производства товаров. Дальнейшие серьезные успехи в деле снижения промышленных цен упираются в производство, в проблему повышения производительности труда.

Экономическая сторона этого вопроса заключается в том, что в последние годы у нас рост производительности труда отставал от роста заработной платы. Здесь, однако, нужно добиваться ясности и правильности в постановке вопроса. Нам кажется, что экономически (и, тем более, политически) правильнее ставить вопрос не так, что рост заработной платы опережает рост производительно-

сти труда, а наоборот, — что рост производительности труда отстает от роста заработной платы.

В самом деле, проблема не в том, что у нас заработная плата высока. Заработная плата не достигает даже жалкого довоенного уровня. Поэтому нельзя ставить вопрос в плоскость снижения заработной платы. Как известно, и директивы партии за последние годы были другие. Партия стояла и твердо стоит за сохранение реального уровня заработка рабочего и за возможное дальнейшее повышение его. За предшествующий период значительное повышение заработка рабочего было не только неизбежно, но и необходимо, как первое и важнейшее условие оздоровления промышленности. И, тем не менее, теперь остро стоит вопрос о несоответствии роста производительности труда с ростом заработной платы. Теперь проблема заключается в том, что за ростом, за поднятием заработной платы в эти последние годы не поспевали рост и поднятие производительности труда. Таким образом, проблема состоит не в том, чтобы итти назад в определении уровня заработной платы, — а в том, чтобы итти вперед в повышении производительности труда.

В самые трудные месяцы перехода к твердой денежной валюте, партия неуклонно стояла на точке зрения сохранения реального заработка рабочего и дальнейшего увеличения его путем снижения цен и т. п. Этот курс партии не может быть изменен и теперь. Коммунистическая партия, партия рабочего класса, не может не понимать основного экономического и политического значения этого курса в вопросе о заработной плате.

Но руководящая партия пролетарской диктатуры не может не считать также своей задачей и дело поднятия народного хозяйства в целом. Здесь перед партией теперь во всей остроте встали новые задачи, и в первую очередь поднятие производительности труда.

Если за пятнадцать месяцев (с октября 1922 года по январь 1924 года) рост заработной платы достиг 90%, а рост производительности труда только 23 процентов, то такое расхождение между этими двумя линиями развития может или, вернее, могло продолжаться лишь в течение определенного, сравнительно непродолжительного периода. Ибо в дальнейшем, это повело бы к подрыву самой основы экономической системы. Следовательно, итти дальше по этому пути мы не можем. Мы должны добиваться и добьемся такого роста производительности труда, который не только не отставал бы, но обеспечивал бы и был бы основой для дальнейшего под'ема заработной платы. Такая задача нам была непосильна в предшествующий период. Теперь она стоит перед нами во весь рост. В этом заключается основная экономическая задача настоящего времени.

Какими путями мы можем и должны поднимать производительность труда? Здесь можно ответить общим указанием на необходимость использовать все пути. Поднятие производительности труда, иначе говоря, — увеличение количества производимых продуктов на одного рабочего должно опираться как на увеличение продуктивности индивидуального труда рабочего, на увеличение интенсивности его труда, на улучшение использования установленного рабочего времени, так в неменьшей мере на улучшение организации его труда, на улучшение техники производства, на усовершенствование методов работы предприятия в целом, на упорядочение всей организации государственного производства. Хозяйственник будет иной раз сосредоточивать главное внимание на росте интенсивности труда. Профессионалист нередко будет подчеркивать, главным образом, недостатки организации производства. Партия, представительница интересов пролетариата в целом, должна обратить внимание всего рабочего класса на наши недостатки и в том, и в другом отношении.

Рабочий класс поймет такую постановку вопроса о поднятии производительности труда, если будет смотреть на себя, как на хозяина производства, если он будет заинтересован во всяком улучшении организации производства, во всяком техническом усовершенствовании на пользу производства, во всяком новом приспособлении к поднятию производительности труда, а вместе с тем во всестороннем улучшении использования труда каждого рабочего, мастера, служащего, техника, инженера.

Сознательные рабочие должны организовать борьбу со всеми препятствиями на пути поднятия производительности труда. В это дело должны быть втянуты сами рабочие массы. Производственные совещания, производственные комиссии, вообще инициатива и активное участие самих рабочих в улучшении производства, в поднятии производительности труда должны развертываться все шире и шире. Рабочие должны ставить вопрос о производстве, о производительности труда во всем об'еме, во весь рост. Это не только единственно прочная опора и условие дальнейшего роста заработка рабочего, — но и экономического, культурного и политического развития пролетарского государства. Тем самым это вернейшая опора действительной победы пролетарской революции.

Кампании поднятия производительности труда должен быть придан характер упорной, систематической и длительной работы. От личной интенсивности труда, от трудового уплотнения рабочего времени, от поднятия индивидуальной продуктивности рабочих будет зависеть многое. Нет необходимости останавливаться на том, что попытки отдельных профессионалистов доказывать, что рост производительности труда не отстает от роста заработной платы, являются дурными попытками отрицать факты, доказывать недоказуемое. Эти попытки могут закрепить за такими товарищами только славу плохих профессионалистов и еще худших коммунистов.

Однако, поднятие производительности труда отдельного рабочего не может опираться просто на энтузиазм и стихийный порыв рабочих. Такие методы поднятия производительности труда годятся только на короткое время. Временный энтузиазм и вообще стихийность в настоящую пору не могут быть надежными помощниками в таком деле. Таким путем может быть удастся где-нибудь в отдельном месте и то, вернее всего, на непродолжительное время добиться некоторых результатов в поднятии производительности труда. Безусловно ошибочно и прямо вредно было бы рекомендовать такие методы, как общее правило. Дело поднятия производительности труда должно быть построено на правильном, систематическом, где можно научном улучшении организации производства и на сознательном отношении рабочих к необходимости систематически повышать количество производимых продуктов на отдельного рабочего и на всю рабочую массу предприятия в целом.

Кампания поднятия производительности труда, в сущности, должна только дать толчок работе, которую ни в какой обычный срок кампании уложить невозможно. Поднятие производительности труда на весь ближайший период—важнейшая и основная задача рабочего класса. Она сейчас начинается как кампания для того, чтобы в дальнейшем сделаться постоянной задачей наших хозяйственных органов, профессиональных союзов и всего рабочего класса. При такой постановке дела, расчет на временный энтузиазм, на стихийный порыв рабочих совершенно недостаточен и дает неправильный, ложный уклон самой кампании. Классовый энтузиазм пролетариата, конечно, должен быть вложен во все это дело. Но он должен претвориться в сознательную, постоянную и все развертывающуюся работу, всесторонне улучшающую всю постановку дела, все производство промышленных продуктов, тем самым повышающее количество и качество их в нашей государственной промышленности.

У нас имеются все основания расчитывать на то, что рабочий класс и его организации сознательно и активно принимаются за поднятие производительности труда. Но мы не должны забывать, что кампания производительности труда накладывает серьезнейшие обязанности не только на рабочих, но и на наши хозяйственные органы. В работе наших хозяйственных органов еще очень много недочетов. Недостаток опыта и умения в руководстве крупнейшими хозяйственными организациями, недочеты в организации производства на самом предприятии, недостаточно правильное использование труда специалистов, не всегда достаточно внимательное отношение ко всем сторонам и деталям производства, — все это не может еще не быть препятствием к росту производительности нашей промышленности. Кампания за поднятие производительности труда, пред'являет сейчас к нашим хозяйственникам повышенные требования в деле улучшения организации и техники производства. Необходимо, чтобы хозяйственные органы принимали все меры к действительному устранению организационных недочетов в производстве. Рабочие, активно участвующие в поднятии производительности труда, вправе требовать от наших хозяйственников, чтобы их непосредственные усилия в поднятии производительности труда не уничтожались и не стирались из за недостатков в организации производства. Рабочий вправе требовать, чтобы хозяйственник также повысил требовательность к самому себе, к своей работе в деле организации производства, как он, рабочий, пред'являет к себе повышенные требования в деле интенсификации труда. Кампания за поднятие производительности труда должна таким образом, вести к улучшению всей работы наших хозяйственных органов, к борьбе с бесхозяйственностью в наших промышленных органах, к выработке лучших методов организации производства и труда, к подбору на руководящие хозяйственные посты более опытных и умелых хозяйственников. Само собой разумеется, что не только хозяйственные и профессиональные органы, но также и советы и партийные организации, и вообще все организации пролетарского государства должны всячески помогать и участвовать во всей кампании поднятия производительности труда.

«Рабочий, улучшай работу, добивайся роста производительности труда, заботься об увеличении промышленных продуктов на твоей фабрике, в твоем заводе!», — эти лозунги должны сделаться понятными, не только рабочим. Они должны пойти в деревню, дойти до самых крестьянских глубин и должны быть правильно поняты нашим крестьянством.

Здесь должно раскрыться крупнейшее политическое значение этих лозунгов в настоящее время.

В самом деле. Лозунг увеличения производительности труда в настоящее время должен на практике найти свое выражение в дальнейшем снижении промышленных цен. Каждый действительный успех в производстве, в производительности труда помогает практическому осуществлению этой задачи. Практические успехи в этом деле будут обозначать удешевление промышленных товаров, увеличение их доступности крестьянству. А это и есть тот главный путь, по которому сейчас может и должна быть закреплена смычка города с деревней, смычка пролетариата с крестьянством.

Таким образом, каждый факт улучшения производства, каждый шаг в деле поднятия производительности труда имеет не только экономическое, но и громадное политическое значение во взаимоотношениях двух основных социальных сил в нашей стране. Чем больше будут наши успехи в экономической области и, прежде всего, в поднятии производительности труда, тем больше укрепится экономическая и политическая смычка крестьянства с пролетариатом.

Поэтому кампания поднятия производительности труда должна быть поставлена как важнейшая политическая кампания. А для этого она должна быть широко и правильно раз'яснена в деревне.

В крестьянскую среду нередко просачивается недоверие к рабочим. Это недоверие искусственно подогревается нашими врагами. Деревенское кулачье, в особенности, любит говорить о привилегиях и преимуществах городских рабочих. Оно нередко старается подчеркнуть, что Советская власть заботится, якобы, только о рабочих. Кулачье видит одну из своих задач в противопоставлении крстьянина рабочему, в сеянии между ними розни и вражды.

Вести, проникающие в деревню о кампании производительности труда на фабриках и заводах, оно также постарается использовать в целях противопоставления крестьянина «лодырю» — рабочему. Кое-где попытаются отдельные газетные заметки о бесхозяйственности на наших предприятиях использовать против самой Советской власти. Но эти попытки не оставят и следа в крестьянской массе, если партия и все сознательные рабочие и крестьяне обратят серьезное внимание на истинное значение и правильное проведение кампании поднятия производительности труда. Не только практические успехи этой кампании должны опровергать попытки противопоставления крестьян рабочим, но и само широкое раз'яснение крестьянам смысла и значения этой кампании имеет громадное политическое значение. Это раз'яснение должно убедить крестьянина в том, что рабочий Советской республики сам сознательно и самоотверженно борется за улучшение производства, за увеличение продуктивности государственной промышленности. Это раз'яснение должно показать, что рабочий сам пред'являет к себе большие требования, требует от себя и своих товарищей по труду

усиления интенсивности, содействия улучшению организации производства и всемерному росту производительности государственной промышленности. Наше раз'яснение должно убедить крестьян, что рабочий использует победу революции не в своих узких цеховых целях, не только в целях улучшения своего экономического положения, но и в целях улучшения экономической мощи всего рабоче-крестьянского государства. Таким образом, лозунг поднятия производительности труда в настоящих условиях должен служить закреплению смычки, увеличению спайки, выковыванию надежного обруча для союза рабочих и крестьян. Рядом с теми требованиями, которые Советское государство пред'являет к крестьянству, стоит теперь важнейшая задача пролетарской власти — поднятие производительности труда. Это — вопрос, который нужно рассматривать в настоящих условиях не только в смысле наших непосредственных экономических нужд, но и в свете основных задач смычки рабочего класса с крестьянством.

Наконец, остановимся на связи теперешней задачи поднятия производительности труда с дальнейшим этапом нашего хозяйственного развития.

Пролетарская революция лишила собственности и власти помещиков и капиталистов. Прежние богатства их перешли в руки рабочих и крестьян. Но много ценностей, много богатства пострадало и прямо уничтожено за годы тягчайшей гражданской войны. Все это нам необходимо теперь восстановить. И еще больше труда нужно положить на то, чтобы создать условия для дальнейшего общего роста рабоче-крестьянского государства.

Кампания поднятия производительности труда, являясь, как сказано, началом длительной, упорной и все развертывающейся работы, закрепляет экономический фундамент диктатуры пролетариата. Нам нужен этот фундамент для того, чтобы перейти к новым, более крупным и еще более важным задачам. Но мы не можем двигаться вперед иначе, как поднимая производительность труда, увеличивая количество производимых нашей промышленностью товаров, улучшая их качество и снижая цены на них, что в свою очередь, возможно лишь на основе перешедших к нам средств производства; совершенно очевидно, что хозяйственное развитие не может пойти иначе, как через и при помощи наличных производственных средств и экономических рессурсов. Поэтому наша задача в настоящее время — добиться при наличных средствах производства и при нашей новой системе организации производства и труда максимума хозяйственных результатов. На этой задаче мы должны сейчас сосредоточить наибольшее количество наших сил. Чем упорнее, чем систематичнее, чем продуктивнее мы будем работать по линии поднятия производительности труда, тем быстрее мы подойдем к следующему этапу нашего хозяйственного развития.

Этот следующий этап хозяйственного развития — новая организация производства на основе электрификации.

К перешедшим к пролетарскому государству средствам производства Советская власть прибавила новую организацию производства и новую организацию труда. Правильное соединение этих новых элементов хозяйства со старыми, закладывает основу для действительно могучего развертывания социалистического хозяйства. Такое могучее развертывание экономических возможностей

социализма, однако, будет возможно только на основе электрификации промышленности и сельского хозяйства. Поэтому, повторяем, поднятие производительности труда имеет в настоящее время не только непосредственное экономическое и политическое значение для рабочего класса и крестьянства, но является также необходимым этапом, через который мы должны пройти для того, чтобы создать основу для развития всех хозяйственных возможностей социализма.

Наш путь — через поднятие производительности труда к социализму, на основе электрификации.

Ян Стэн.

Наша партия и вопросы теории.

Та обстановка, внутренняя и международная, в которой приходится действовать нашей партии, требует от нас весьма внимательного и серьезного отношения к вопросам революционной марксистской теории, этого компаса пролетарской революции. Но эта обстановка, выдвигающая значение теории, не только ставит препятствия на пути удовлетворения этой теоретической потребности, но и порождает тенденции и настроения противоположного характера.

Перегруженные партийно-организационной работой партийцы сплошь и рядом не имеют возможности заняться общетеоретическими вопросами марксизма, не могут теоретически осмыслить свой богатый практический опыт. На почве такой оторванности практики от теории начинает выростать теоретическая беззаботность, представляющая величайшую опасность для партии. Эта теоретическая беззаботность подчас переходит в активное отрицательное отношение к революционной теории. Любимым выражением товарищей, проникнутых такого рода настроением, является утверждение: «одно дело—теория, а совсем другое—практика». Отказ от революционной теории в области практической политики неизбежно влечет на путь «ползучего эмпиризма», на путь преклонения перед стихийностью и отказа от последовательной революционной политики; головы товарищей, лишенных твердых устоев марксистского мировоззрения, готовы подпасть в любую минуту под влияние всякой последней теоретической моды. В наше время большого урожая на всякого рода упростителей и извратителей марксистской теории, теоретическая беззаботность составляет благоприятную почву для распространения теоретического ревизионизма. По этому вопросы марксисткой теории должны быть поставлены перед вниманием как партийного актива, так и перед широкими массами партии.

Теория и практика с точки зрения марксизма.

Одной из основных особенностей современного буржуазного мышления является противопоставление теории и практики. Единственно истинной и достойной человека деятельностью является деятельность теоретическая. На практике может иметь место одно, в теории совершенно другое. Теория не сростается с практикой, а проверяет сама себя, исходя из собственных оснований. Немецкий философ Г. Шульце, стоящий по дороге от Канта к Фихте, защищая скептицизм, сомневающийся в существовании внешнего мира и отрицающий возможность об'ективного познания, восстает против доводов, заимствованных из человеческой практики и опровер-

гающих точку зрения скептицизма. Имея в виду такого рода доводы, Шульце говорит: «Подобные доводы годятся только для черни, ибо мой скептицизм не затрагивает жизненной практики, оставаясь в пределах философии.

Практика у большинства буржуазных мыслителей отделена от теории глубокой пропастью. Практика не переходит в теорию и не является питательным материалом для развития теории. Диалектический материализм враждебен подобного рода противопоставлению теории и практики. Восставая против дуализма теории и практики, он защищает точку зрения их единства.

Указания на единство теоретического и практического действия мы находим уже у Гегеля. Но Гегель, будучи идеалистом, не мог говорить о единстве живой, непосредственной, материальной человеческой практики с теорией, являющейся лишь отражением и выражением в человеческой голове материально-практического отношения общественного человека к природе. Как идеалист, он мог говорить только о единстве теоретической и практической идей. Но Гегелю принадлежит та заслуга, что в решении вопроса о возможности об'ективного человеческого познания, он отказался от пути абстрактного теоретизирования и логических спекуляций, заявив, что этот коренной вопрос всей теории познания может быть решен только на основе всемирно-исторической практики человечества.

Этот новый подход к решению о возможности об'ективного человеческого познания был воспринят от Гегеля уже Фейербахом. Маркс, а вслед за ним и Ленин основным критерием об'ективности нашего знания и правильности наших действий также признают практику, понимаемую материалистически в широком общественно-производственном смысле. Ленин пишет: «Что точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1]).

Диалектический материализм в противовес старому механическому материализму отвергает созерцательное и требует активного, практического отношения к миру. Мало мир об'яснять, его надо изменять. В отношении нашей общественной практической деятельности отсюда следует вывод: «материализм включает в себя... партийность, обязывает при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [2]).

Итоги нашей деятельности всегда проверяются практикой. Все политические и тактические лозунги находят свою окончательную проверку только в практике.

Диалектический материализм, ставя общественную практику в основу человеческого познания, не растворяет теорию, науку в практике, а признает их диалектическое единство. Для того, чтобы изменять мир, чтобы с успехом развернуть свою общественную историческую деятельность, мы должны знать направления общественного развития, нам должна быть известна основная закономерность той общественно-экономической формации, над превращением которой в другую, высшую формацию, мы работаем.

Для практически-политического действия мало знать общую закономерность капиталистического общества. Нужно еще суметь разобраться в каждой, особой полосе исторического разви-

[1]) Ленин „Материализм и эмпириокритицизм" стр. 159.
[2]) Ленин. Собр. сочинен. Том II, 65 стр.

тия,—суметь верно понять экономическое и политическое положение и правильно определить тактическое поведение партии. Для того, чтобы не оставаться на поверхности политических и общественных явлений, чтобы не принять внешней видимости за сущность явления, а раскрыть их внутреннюю закономерность, надо прекрасно владеть методом материалистической диалектики и уметь им исследовать текущую действительность. Одним словом, для того, чтобы иметь успех в революционной практической деятельности, надо твердо стоять на почве революционной марксисткой теории. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории» [1]).

Задачи тактики как Маркс, так и Ленин определяли в соответствии с посылками своего диалектически материалистического миросозерцания. О том, что, только пользуясь методом материалистической диалектики, мы можем наметить правильные тактические пути, свидетельствуют следующие слова Ленина: «Лишь об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений, всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет об'ективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношения между ними и другими обществами, может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и при том не в пошлом понимании эволюционистов, видящих лишь медленное изменение, а диалектически: «двадцать лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, писал Маркс Энгельсу, хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по двадцать лет». На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так наз. «мирного» развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении конечной цели движения данного класса и создания в нем способностей к практическим решениям великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по двадцать лет» [2]).

Мы привели эту длинную цитату потому, что она ясно показывает, как глубоко Ленин понимал связь постановки тактических вопросов с диалектическим материализмом. Эти требования диалектического материализма Ленин гениально осуществлял на практике, вырабатывая стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата. Ленин насквозь диалектичен. Он—живое воплощение единства теории и практики. Он умел пользоваться диалектическим методом не только в общем теоретическом анализе, но и в повседневной практической работе. Всем известны знаменитые ленинские «перегибы палки». Выставляя какое-нибудь новое тактическое положение, выдвигая какую-нибудь новую важную задачу

[1]). Сборн. „Против течения“ Стр. 274.
[2]) Сб. „Теория и практика диалектического материализма“. Стр. 325—32.

в области строительства советского государства, Ленин всегда заострял, «перегибал» постановку вопроса. Это заострение об'ясняется тем, что Ленин, как диалектический материалист, понимал, что новая постановка вопроса не упадет в пустое пространство, а встретится и должна будет вступить в борьбу с противоположной, старой постановкой вопроса. Поэтому новую точку зрения надо снабдить некоей дополнительной энергией, направленной к преодолению старых настроений.

Ленин всегда подчеркивал огромное значение диалектического материализма, марксистской теории для революционной практической борьбы. Вслед за Энгельсом, он признает не две формы борьбы (экономическую и политическую), но на-ряду с ними выдвигает и третью форму—борьбу теоретическую. Ленин признает чрезвычайную важность защиты позиций ортодоксального марксизма. Он издевается над теми, кто бросается фразами «об окостенении мысли, о догматизме», и провозглашает лозунт свободы критики, означающей не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории.

Роль партии и теория.

Важность и исключительное значение теории для партии выдвигается той ролью партии, которую она призвана играть в историческом развитии и в общей системе организаций рабочего класса.

Деятельность партии представляет собою сознательное выражение бессознательного исторического процесса. Партия является сознательным руководителем и организатором масс рабочего класса, стихийно поднимающихся на борьбу с капитализмом. Партия защищает общие интересы всего класса, она борется за осуществление всемирно-исторической задачи рабочего класса. Роль передового авангарда партия может играть только при том условии, если она вооружена передовой теорией, дающей ей возможность понять динамику общественного развития и уловить «главный интерес» своего класса на каждом новом этапе борьбы. В идеологии партии, в революционной теории находит сознательное выражение стихийной тенденции исторического развития, и рабочий класс в лице партии достигает своего самосознания. Только через партию рабочий класс существует не только «в себе», но и для «себя».

Синдикалисты, не понимающие роль партии, не понимают и важного значения революционной теории. Для синдикалистов естественной и основной формой организации рабочего класса является синдикат, строящийся на основе общности экономического положения. Партия же, как говорят синдикалисты, есть союз идеологический, в который входят не только рабочие, но и члены других классов. Поэтому основной организацией, по мнению синдикалистов, должен быть профессиональный союз, построенный на экономической предпосылке, а не партия, покоящаяся на общности идеологии. В такой постановке сказывается неправильное понимание природы идеологии. Идеология не падает с неба, а вырастает из определенного общественного бытия, появляется на основе определенной экономической предпосылки, связана с определенным общественным классом. Поэтому совершенно нелепо считать идеологию каким-то внеклассовым или межклассовым явлением. Революционная марксистская теория является ни чем иным, как

концентрированным выражением основных, исторических интересов рабочего класса. Этим сказано, что идеология не есть что-то постороннее, не связанное с революционной борьбой рабочего класса, а является активным и необходимым орудием в этой борьбе. «Определенное бытием мышление, в свою очередь, является силой, необходимой для дальнейшего развития бытия. И чем больше развивается бытие, чем выше та ступень, на которую оно поднимается в своем историческом движении, тем необходимее становится для его дальнейшего развития им же определяемое мышление. Особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму» [1]). Поэтому правильное представление об общественном развитии, т.-е. революционная теория играет активную, важную роль в освободительной борьбе рабочего класса.

Всякое теоретическое извращение и «критика марксизма» неизбежно влекут за собой вредные практические политические последствия. Отказ от революционной теории ведет к тому, что партия сворачивает с пути революционной борьбы и уводит на путь «хвостизма». Без революционной марксистской теории, вместо последовательной коммунистической, существует лишь политика трэд-юнионистская.

Важность теории в настоящий момент.

Кроме разобранных выше причин, сейчас действует еще целый ряд особых причин, усиливающих важное значение революционной теории.

Новейшая историческая эпоха есть эпоха умирающего империалистического капитализма, своим крахом подводящего нас к периоду всемирной социалистической революции. Тот факт, что в историческом развитии обозначилась новая эпоха, должен был иметь сильное влияние на дальнейшее развитие марксистской теории. Основу для дальнейшего развития материализма составляют не только великие открытия, составляющие эпоху в естествознании, но «с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития» [2]). Новая историческая эпоха должна была быть об'яснена с точки зрения диалектического материализма. Но этого мало. Охватывая методом диалектического материализма новую эпоху всемирной истории, необходимо было, вместе с тем, выработать стратегию и тактику пролетарской революции, ибо в эту эпоху более, чем когда-либо недостаточно только об'яснять мир, а необходимо заняться его изменением.

Ленин отстоял и защитил метод диалектического материализма от извращений, порождавшихся глубоким кризисом современного естествознания и оппортунистической эпохой II Интернационала. Пользуясь методом диалектичского материализма, очищенным от извращений, типичных для теоретиков II Интернационала, Ленин создал последовательную марксистскую теорию и практику эпохи краха капитализма и социалистической революции. Это дальнейшее развитие марксизма, перерастание марксизма

[1]) Плеханов. „От обороны к нападению“ Стр. 347.
[2]) Энгельс. „Людвиг Фейрбах“ 15 стр.

в ленинизм, есть ни что иное, как диалектически-материалистическое выражение об'ективно-материального процесса перерастания одной исторической эпохи в другую.

Когда история начинает давать богатый питательный материал для развития революционной теории, вместе с тем, возникает и почва для всякого рода «упрощенства» и вульгаризации. Сколько, например, говорится и пишется вздора о ленинизме и соотношении ленинизма к марксизму. Некоторые думают, что ленинизм есть простое осуществление марксизма на практике. Такая постановка вопроса, противопоставляющая теорию практике, совпадает с настроениями наших «упразднителей теории». У нас существует целая группа товарищей, которая, под предлогом «педагогических новшеств», всеми силами старается растворить теорию в практике. Это ни что иное, как непонимание диалектического единства теории и практики. Уничтожив марксистскую теорию, им приходится хвататься за голые факты эмпирической действительности и отказаться от понимания внутренней закономерности явлений. Вместо раскрытия внутренней сущности явлений, они останавливаются на их внешней видимости [1]).

На Западе, где сейчас коммунистические партии проходят период обобщения и осознания революционного опыта 1918—19—20 г.г. и укрепления своих организационных основ, мы замечаем явления обратного порядка.

Понимание взаимоотношения теории и практики, которые мы находим у Лукача и Корша, выражается в растворении практики в теории. Лукач основной категорией диалектического метода считает единство теории и практики. Диалектика по Лукачу приложима только к общественной исторической действительности, но ни в коем случае не к природе.

Единство теории и практики понимается Лукачем в смысле гегелевского единства теоретического и практического, дающего абсолютную идею. Поэтому у Лукача получается уклон в сторону суб'ективизма, идеализма. Лукачизм есть философское выражение «левого» коммунизма. Это становится понятным, если статью тов. Лукача, написанную им в 1921 г. в № 6 журнала «Интернационал» (центр. орган германской компартии) на тему «Стихийность массы и активность партии», поставить в связь с его философскими взглядами. В этой статье тов. Лукач ставит вопрос об обосновании особой «наступательной тактики». Вопрос о стихийности и сознательности Лукач решает не диалектически, как это делает Ленин, а впадает в суб'ективизм. Для Лукача соотношение экономики и идеологии в эпоху краха капитализма принципиально отличается от их соотношения в период нормального капиталистического развития. В период краха капитализма мы, по мнению Лукача, начинаем делать прыжок из царства необходимости в царство свободы, в том смысле, что идеология начинает господствовать над экономикой. Стихийное массовое рабочее движение показало свою границу и оказалось неспособным свалить капитализм, и поэтому партия, независимо от этого движения, должна начинать революционное наступление. К этому в сущности сводится вся «теория наступательной тактики» Лукача, которая и получает философское обоснование в его философских построениях. Замена практики

[1]) См., напр., книгу Гожанского „Очерки политической экономии“.

теорией, отрыв закономерности развития самосознания рабочего класса от общей закономерности исторического развития, что имеет место у Лукача, является суб'ективистским философским основанием, суб'ективистской тактики «левого ребячества».»

С подобного рода теоретическим ревизионизмом, возникающим из неверного обобщения и осмысливания революционного опыта рабочего движения, необходимо повести самую решительную борьбу, иначе он может причинить много практического вреда. Вместе с тем, надо подойти к последовательному обобщению этого практического опыта с точки зрения ортодоксального марксизма-ленинизма. Это ставит перед нашей партией, как авангардом Коммунистического Интернационала, трудные и большие теоретические задачи. Вопросы теории получают особенное значение для нашей партии еще потому, что беззаботность в теории к непониманию общих тенденций нашего развития, к утрате перспективы. Копание в голых эмпирических фактах, не освещаемых светом марксистской теории, дает основу для того, чтобы поскользнуться в своей практической работе и покатиться в сторону классового врага.

Борьба с теорией, растворение ее в стихийности практики, в наших условиях имеет только один социально-классовый смысл: содействие внедрения в наши ряды мелко-буржуазной и буржуазной идеологии. Только диалектическое единство «практической теории» и «теоретической практики» дает возможность предвидеть все изгибы и повороты на пути нашего движения к коммунизму и предохраняет нас от опасностей идеологического перерождения.

Вооружить партийный актив методом Маркса и Ленина, возбудить активность коллективной теоретической мысли—это важная практическая задача, которую партия поставила перед собою и которую мы во что бы то ни стало должны решить достаточно энергично и решительно.

———

А. Панкратова.

Проблема профдвижения в Германии.

«Мировое Шумахерство» и трудности борьбы за единство в разных странах.

В ряде этапов, пройденных Профинтерном в борьбе за единство (Гаагский конгресс, Берлинская, Франкфуртская, Эссенская конференции и другие международные выступления Профинтерна за единый фронт), встречалось не мало трудностей и принципиальных возражений не только справа, но и слева. Оппозиция, в виде так называемого, «международного шумахерства» (по имени недавно исключенного из германской компартии руководителя профсоюзной оппозиции в Германии — Шумахера), определилась не только ко времени последних конгрессов Коминтерна и Профинтерна. Она имеет свою давнюю и достаточно поучительную историю и свои глубокие корни в прошлом и настоящем профдвижении к а ж д о й страны, потому что основные трудности при разрешении проблемы единства в каждой отдельной стране как раз и заключаются в чрезвычайном разнообразии, пестроте и сложности мирового профессионального движения, обусловленных, в свою очередь, глубоким различием социально-экономического развития каждой страны.

Во всем об'еме проблема единства в отдельных странах не может быть нами поставлена в рамках настоящей статьи.

Мы попытаемся лишь в самых общих чертах проследить, как развивалась и какие результаты дала борьба за единство, и как относятся к этой борьбе коммунисты и реформисты в таких, с точки зрения прошлой тактики и будущих перспектив, наиболее интересных и решающих странах, как Германия, Франция и Англия.

Германия.

В Германии общая линия борьбы за единство встречала и до сих пор встречает наибольшие возражения и отклонения. Проблема единства профдвижения осложняется не только упорным сопротивлением немецких амстердамцев, но и сильной оппозицией со стороны революционного крыла.

К сущности принципиальных и фактических разногласий мы подойдем дальше. Сейчас попытаемся проанализировать соотношение сил организованной буржуазии и пролетариата, а затем учесть

силы реформистов и революционных рабочих, для того, чтобы убедиться, нужна ли в Германии и какие результаты дает тактика единого боевого пролетарского фронта.

Наступление капитала в Германии отмечается особенной остротой.

Мощь об'единенного капитала, — и количественная, и качественная, — очень велика. Все предприниматели об'единены в союзы, и все союзы входят в об'единения союзов. Таких центральных предпринимательских организаций в Германии имеется две: существующий с 1919 г. «Союз Германской Индустрии» и «Об'единение германских союзов работодателей». Последнее охватывает 100 тысяч предприятий с 8 мил. рабочих, первый является политическим диктатором Германии.

Этой мощи целиком организованного и сплоченного крепкой внутренней дисциплиной капитала германский пролетариат противопоставляет очень немного. Сильно возросшие в числе членов в первые годы после войны и революции профсоюзы, с 1922 г., со времени наиболее горького разочарования масс в политике и силе профсоюзов, опять сильно понизились.

К концу 1922 года в Германии насчитывалось 18 мил. рабочих и служащих и около 3 мил. государственных муниципализованных чиновников. Из этого числа 13½ мил. было организовано в профсоюзы и распределялось между ними таким образом:

А. Л. Г. Б. *) — 8 мил. рабочих, 600.000 служащих и 350.000 чиновников. Гирш — Дункеровские союзы — 250.000 рабочих, 3 мил. служащих и 150.000 чиновников. Христианские и национальные союзы — 1 мил. рабочих, 500.000 служащих и 400.000 чиновников. Остальные желтые — 25.000 рабочих, 50.000 служащих и 6.000 чиновников. Синдикалистские — около 250.000 рабочих. Самостоятельные революционные — 190.000 рабочих. Самостоятельные нереволюционные (стоящие вне об'единений) — 200.000 служащих и 1 мил. чиновников (в том числе Всегерманский союз чиновников).

К началу 1924 года немецкий пролетариат мог противопоставить организованному капиталу еще более уменьшившиеся и дезорганизованные силы.

Официальный отчет Профинтерна за 1923—1924 г. констатировал, что к 1924 году в производстве осталось едва 13—14 мил., вместо 21 мил. в период 1919—1921 г.г.; количество же профессионально-организованных снизилось с 13½ мил. до 7 мил.; в том числе в «свободных» союзах осталось до 5 мил. рабочих, 400.000 служащих и не более 250.000 чиновников. В таком же соответствии потеряли своих членов и самостоятельные (нереволюционные) союзы. Христианские союзы понесли меньшие потери, а национальные даже местами усилились. Кроме того, создались новые, чисто фашистские, союзы. Если учесть, что все эти Гирш-Дункеровские, христианские и прочие желтые союзы в огромной мере находятся под непосредственным, а иногда почти исключительным влиянием и руководством капитала, то отсюда ясно, каким безоружным, сравнительно с мощно организованным капиталом, должен был предстать немецкий пролетариат перед лицом наступающего капитала.

*) От немецкого названия „Allgemeiner Deutscher Gewerkschafts-Bund". „Всеобщее Германское об'единение профсоюзов"—всегерманский центр т. н. „Свободных" профсоюзов.

Наступление капитала, усилившееся после октябрьского поражения германского пролетариата в октябре 1923 года, чрезвычайно тяжело отразилось на экономическом и правовом положении рабочего класса, еще более ослабив его силы.

Стинесовская «рабочая программа», после поражения осенью 1923 г., при содействии реформистских союзов, осуществилась на все 100%.

Заработная плата резко снизилась, достигая для наиболее хорошо оплачиваемых категорий, в лучшем случае, 60—65% довоенной. В месяцы финансовой катастрофы, осенью 1923 г., она достигла, в среднем, едва 25%, кроме того, заработок немецких рабочих понижается значительной дороговизной и налоговыми обложениями (10% заработной платы — госуд. налог, 7% — в больничную кассу, 7% — на социальное обеспечение, 1½% — на безработных, итого 25,5%, не считая взносов в профсоюзы). На понижение заработной платы оказала давление и все усиливающаяся безработица.

К началу декабря 1923 г. число пользовавшихся пособием безработных и полубезработных достигло 6 мил., в начале 1924 г. оно сократилось почти на половину.

Под угрозой закрытия предприятий, предпринимателям удалось почти повсюду отменить 8-часовой рабочий день. Как правило, прежняя 48-часовая рабочая неделя почти во всех отраслях производства заменена, в среднем, 60-часовой. Одновременно наступление капитала отразилось и на правовых, и политических завоеваниях рабочих: на ухудшении социального законодательства, в особенности на законах о социальном страховании, на сокращении прав фабзавкомов, на обессиливании рабочих рядов и их организаций, путем массовых увольнений, арестов и т. п.

И едва ли не главным фактором, ослабляющим сопротивление пролетариата наступающему капиталу, являлось то, что его органы борьбы — профсоюзы, руководимые реформистами, все больше перестают быть ими, из боевых пролетарских организаций превращаются в послушное оружие в руках буржуазии.

Фабзавкомы в борьбе за единый фронт в профдвижении.

Руководимая коммунистами оппозиция против реформистской линии профсоюзной бюрократии нашла свою организационную базу в лице созданной ноябрьской революцией новой производственной организации — фабзавкомов (вернее фабрично-заводских советов — Betriebsräte).

Стремлению определить роль и задачи новых организаций, в духе «делового сотрудничества» с капиталом, т.-е. роль охранителей интересов капиталистического хозяйства со стороны реформистских верхов, коммунисты противопоставили фабзавкомы, как новые органы пролетариата, созданные для революционных задач и экономической и политической борьбы пролетариата.

Борьба вокруг фабзавкомов и за влияние в них вскоре приняла самые серьезные размеры.

Движение фабзавкомов, особенно в связи с экономическим кризисом и наступлением капитала, приняло явно революционный характер. Влияние коммунистов в фабзавкомах росло. Фабзавкомы

вступили в решительную борьбу с профсоюзной бюрократией, добиваясь, вопреки им, установления единого фронта снизу, об'единяя для борьбы с капиталом и фашистами широкие массы, в том числе социал-демократические и профсоюзные, вокруг не только фабзавкомов, но и вокруг созданных ими контрольных комиссий и пролетарских сотен. Всегерманский конгресс фабзавкомов, состоявшийся после упорной борьбы с профсоюзной бюрократией, не желавшей допускать организации оппозиционных сил, в Берлине 23 ноября 1922 года, является одним из ярких моментов борьбы за единство.

Таким образом, давние и систематические измены реформистской профсоюзной бюрократии и ее раскольническая тактика в профсоюзах вызвали в рабочем классе Германии сильную оппозицию, получившую свое оформление и руководство после некоторых колебаний и отклонений в лице Германской коммунистической партии.

Деятельность и силы революционной оппозиции развернулись в трех направлениях:

а) в стремлении овладеть движением фабзавкомов;

б) в усилении влияния оппозиции внутри профсоюзов, с целью их революционизирования и завоевания, и

в) в создании и руководстве работой самостоятельных революционных профессиональных об'единений.

Фабзавкомы, как организации низовые и непосредственно отражающие настроение рабочих масс, гораздо легче поддавались революционизированию, и влияние в них коммунистов стало возрастать гораздо быстрее и ощутительнее, чем в профсоюзах.

Вот несколько характерных иллюстраций, рисующих успехи оппозиции в начале 1923 года. На выборах фабзавкомов в концерне Сименса, в Берлине, получили:

оппозиция — 56 мест (в прошлом году — 32);
об'ед. с.-д. — 46 мест (в пр. году — 64);
желтые и христианские союзы — 2 (вместо 3).

В заводах «Адлер»:
оппозиция — 10 мест (вместо 8):

об'ед. с.-д. потеряли 3 места.

Предприятия акц. общества «Лоренс»:
оппозиция — 10 (вместо 5);

об'ед. с.-д. — 3 (вместо 7).

В фабзавкомы предприятий Круппа прошли 62 ком., из об'ед. с.-д. 11 синдик., 2 униониста и 18 беспартийных.

В 1923 году в общей сложности до 5.000 крупных завкомов были почти целиком завоеваны оппозицией.

В 1924 году во время выборов в фабзавкомы (март—май) результаты получились еще более благоприятные для оппозиции, тем более, что выборы проводились в период самого ожесточенного наступления капитала после осеннего поражения пролетариата в 1923 году.

Центральный совет революционных фабзавкомов из 1.000 предприятий, имеющих свыше 1.000 рабочих (а всего предприятий

в Германии имеется до 300.000), сумел охватить в своем отчете лишь 358 крупнейших заводов, 146 шахт и 6 заводов в Руре и все шахты в Саксонском угольном районе — Эльзниц-Люгау, в общей сложности 3,110 членов фабзавкомов. Они распределяются следующим образом:

Компарти и революц. оппозиция получила	1.629	гол.
Социал-демократия	802	»
Группа Гаммера в Унионе	74	»
Христианские профсоюзы	336	»
Польские	21	»
Синдикалисты	77	»
Гирш-Дункеровские	28	»
Неорганизованные	3	»
Желтые профсоюзы	3	»
Фашистский Веркбунд	1	»
Фашистские националистические	5	»
Беспартийные (сочувств. компартии)	132	»
Демократы	2	»

Особенно благоприятными оказались результаты выборов в Рурском районе, где из 1.149 членов фабзавкомов насчитывается 600 коммунистов. При чем самый крупный успех имел Унион, выступавший самостоятельно в Рурском, Саксонском и Силезском угольных районах.

Этот успех был бы гораздо значительнее, если бы не реформистский и предпринимательский нажим на революционных рабочих, исключаемых из профсоюзов и выбрасываемых из предприятий, как только они выставлялись в списках оппозиции. Фабзавкомы в течение 1922—1923 г.г., освободившиеся в значительной степени от влияния реформистских профсоюзов, все больше становились в центре движения, оттесняя профсоюзы. Но целиком завоевать фабзавкомы оппозиции далеко еще не удалось. Кроме того, компартия Германии, в частности ее прежний руководящий центр, не учли и не использовали в достаточной мере своего влияния в фабзавкомах и не развили в них соответствующей революционной работы. В решающих и важнейших отраслях промышленности фабзавкомы пока в большинстве реформистские. Их еще компартии предстоит завоевать.

Но как ни велико было значение фабзавкомов и сила коммунистического влияния в них, все же они не могли и не могут заменить профсоюзов.

Центром тяжести работы компартии попрежнему остается работа внутри свободных профсоюзов. И лишь по мере укрепления коммунистических позиций внутри профсоюзов возможно их завоевание.

Каковы же силы оппозиции внутри реформистских союзов?

Их можно учесть по результатам выборов в правления и другие руководящие органы профсоюзов и по выступлениям оппозиции на с'ездах и конференциях. И здесь, как при выборах в фабзавкомы, мы не имеем вполне точных статистических данных. Но сведения, представляемые профсоюзной прессой, все же дают нам представление о соотношении сил внутри свободных профсоюзов. Наиболее

сильное влияние имеет оппозиция в союзах: металлистов — около 200.000 членов, транспортников — около 200.000 членов, железнодорожников — около 150.000 членов, деревообделочников — около 150.000 членов, строителей — около 70.000 и т. д. Количество всех сторонников оппозиции в 1919 году на конгрессе в Нюренберге определялось в несколько сот тысяч человек, в 1922 г. на конгрессе в Лейпциге — 1½ мил., а в июне 1923 г. — 2½ мил. По данным 3 сессии Центрального Совета Профинтерна (25 июня — 2 июля 1923 г.), во всех свободных профсоюзах к этому времени имелось 2.688 коммунист. фракций и 2½ мил. членов, об'единяемых А. Д. Г. Б., которые находились не только под влиянием, но и общим руководством компартии. В 494 местных отделениях союзов коммунисты имеют большинство, в 731 отделении силы коммунистов или находятся в меньшинстве, или вовсе не имеют своих представителей.

Наибольшего влияния коммунисты достигли внутри свободных союзов ко времени Веймарской конференции 25 ноября 1923 года, на которой из общего числа 1.138 картелей было представлено свыше 200 картелей с коммунистическим большинством; на самом деле, их было в это время больше, но многие по финансовым и другим причинам не могли прибыть на конференцию.

Однако, в 1924 году положение изменилось в сторону ухудшения.

Начавшееся массовое бегство из профсоюзов, быстрое сокращение средств и аппаратов союзов, с одной стороны, и усилившаяся раскольническая тактика реформистов, исключивших за это время гораздо большее число членов и целых проморганизаций, чем во все предшествующие годы, с другой стороны,—привели к сильной дезорганизации профсоюзов, вообще, и рядов оппозиции, в частности.

Количественное влияние оппозиции, достигавшее в период наибольшего под'ема, осенью 1923 года, 3 мил., в 1924 году уменьшилось почти вдвое, главным образом, потому, что германская компартия на 50%—60% в настоящее время состоит из рабочих, выброшенных из производства и из профсоюзов.

Это об'ективное положение германской компартии, загнанной сначала в подполье, а сейчас существующей в полулегальных условиях, конечно, должно было отразиться и на результатах выборов в правления союзов и выборов делегатов на с'езды профсоюзов, происшедшие за это время. И все же эти результаты являются весьма показательными для усиления роста оппозиции, несмотря на крайне неблагоприятную общую обстановку.

Так, на с'езде германского союза металлистов, состоявшемся в Касселе в феврале 1924 года, несмотря на всяческие предвыборные ухищрения реформистов, присутствовало 400 делегатов, из которых 145 принадлежали к оппозиции, а 250 делегатов — к реформистам, при чем около 100 из них отнесли себя к «левым», сторонникам Диссмана.

По сравнению с прошлым с'ездом, число сторонников оппозиции увеличилось (с 15% до 35%), несмотря на то, что число членов союза во время кризиса, в конце 1923 г., уменьшилось с 1½ мил. до 1 мил. человек, и что, по заявлению Диссмана (в «Betriebsräte-Leitschrigit», февраль 1924 г.), около 25% членов союза совершенно безработные и 50%—работают не полное время. Точно так же можно

отметить рост влияния оппозиции и у текстильщиков. Этот союз — самый крупный после союза металлистов — пережил еще более тяжелый кризис. В начале 1923 года он насчитывал 700.000 членов, в сентябре 1924 года — 540.000, в начале 1924 г. — не более 250.000.

Организационное влияние оппозиции в начале 1924 года выражалось в следующих цифрах: из 350 местных отделений союза текстильщиков оппозиция имела в 220 свои фракции, в 50—60 правлениях местных отделений оппозиция находилась в большинстве, а 25 местных отделений и их правления были целиком в руках коммунистов. Но перед с'ездом (16—18 апреля 1924 года) целый ряд местных коммунистических отделений союза был исключен, большое количество мандатов оппозиции аннулировано, и в результате из 119 оппозиционных делегатов (30% всех делегатов) на с'езд было допущено только 54.

На с'езде союза горняков (16—19 июня 1924 года) выяснилось, что из 467.000 членов в 1921 г. на 1 апреля 1924 г. осталось 250.000. Они были представлены 146 делегатами, из которых около 40 делегатов (25—30%) примыкали к оппозиции.

Приблизительно с аналогичной картиной мы знакомимся и по данным других с'ездов крупных союзов *).

Всей работой оппозиции руководит созданный при Ц. К. Германской компартии профессиональный центр, подразделявшийся на 14 производственных секций, называвшихся после Веймарской конференции «комитетами спасения профсоюзов», а после января 1924 года — «комитетами защиты профсоюзного единства»; таким образом, в противовес обвинениям в раскольничестве со стороны амстердамцев, оппозиция определенно стала под знаменем единства профдвижения. Такую же роль взяли на себя фракции оппозиции и в межсоюзных местных об'единениях, так называемые «красные картели».

Силы оппозиции в самостоятельных революционных союзах.

Самый значительный из оппозиционных профсоюзов — Унион — работников физического и умственного труда, насчитывал в сентябре 1922 года 140.000 членов, при чем ядро его сил (80—100 тысяч) составляют, преимущественно, рурские горняки. Его влияние весьма сильно в Рурской области (там Унион сильнее реформистов) и значительно слабее в Силезии и Саксонии, где с 1923 года стали усиливаться самостоятельные синдикалистские организации.

В Унионе насчитывается 10—20% коммунистов, но фракции там не создавалось, пока Франкфуртский с'езд компартии, в апреле 1924 года, не постановил создать комфракцию в Унионе. Силы Униона ослаблялись также и постоянной внутренней борьбой, которая является следствием синдикалистски настроенной части членов Униона, не желавшей признавать руководства компартии и Профинтерна. В феврале 1924 года произошел в Унионе раскол, при чем большинство (80—85%) пошло за Профинтерном (Бохумский Унион).

*) Все цифровые сведения нами взяты из архива Профинтерна и из его информационных бюллетеней: „Межд. Раб. Движ.“ №№ 11, 18—19, 24—25, за 1924 г.

Значительным влиянием (особенно в Гамбурге) пользуется оппозиционный союз моряков (Шиффартобунд), насчитывающий до 20.000 членов, затем союз исключенных строителей (главным образом в Хемнице, где он имеет около 20.000 членов), производственный союз химиков, возникший в декабре 1924 года в результате раскольнической политики амстердамцев, и насчитывающий теперь до 15.000 член., свободный союз железнодорожников, образовавшийся из нескольких оппозиционных отделов реформистского союза железнодорожников в начале 1923 года и имеющий также до 15.000 членов, союз работников земли и леса, создавшийся также в начале 1923 г. из исключенных реформистами членов союза сел.-хоз. рабочих, об'единившихся с батрацкой секцией Униона, наконец, небольшие местные союзы, создавшиеся б. ч. в результате их исключений реформистами в Лимбахе и Губене (текстильщики), в Гамбурге (портовые рабочие), в Берлине (переплетчики, портные и т. п.). В каждом из них насчитывается не свыше нескольких тысяч, к ним нужно присоединить также и исключенные картели (Ремшейд, Золинген, Эссен и др.).

Но в общем силы всех этих самостоятельных революционных профсоюзов не велики; создаются они, главным образом, для того, чтобы легче было организованным порядком вести борьбу за обратное вступление исключенных в общие профсоюзы.

Разногласия в Германской компартии по вопросу о тактике в профсоюзах.

а) Тактические разногласия в компартии до Лейбцигского конгресса.

Разногласия по вопросу о тактике в профсоюзах, существовавшие в рядах компартии с первых месяцев революции, в большой степени способствовали ослаблению и без того количественно и организационно довольно слабых профсоюзных революционных сил.

Постановление майского (1922 г.) пленума ЦК К. П. Г. от обязанности всех членов партии оставаться и работать в профсоюзах в духе решений Профинтерна и Иенского партейтага Германской компартии, встретило довольно серьезную оппозицию в лице, так называемого, «левого крыла» и особенно работников Униона.

Вопрос о «завоевании профсоюзов» встречает, прежде всего, принципиальное возражение, основанное на сомнении «завоевать» и «революционизировать» старые союзы без революции, в процессе обычной борьбы против реформистов и повседневного маленького дела. Оппозиция выдвигает свой план разрушения старых и создания подлинно-революционных производственных союзов, об'единяющих пока только революционно настроенных рабочих *).

Однако, конференция, а затем и состоявшийся расширенный пленум ЦК К. П. Г. (15—16 октября 1922 года) приняли резолюцию, в которой констатировалось:

1) правильность прежней тактики в отношении завоевания профсоюзов и необходимость ее решительного продолжения;

*) Дискуссию по этому поводу см. „R. F.“ № 251 от 1/IV и № 261, от 8/VI 1922 г.

2) необходимость углубления политической работы в союзах, в духе постановлений Иенского партийного с'езда;

3) необходимость борьбы с течением, высказывающимся за разрушение старых и организацию новых союзов и т. п. мнений, вырастающем на почве недовольства методами амстердамцев, а также из-за революционного нетерпения и недовольства медленным развитием работы компартии в профсоюзах *).

б) Веймарская конференция.

Отвращение масс к профсоюзам, оказавшимся бессильными перед лицом хозяйственной катастрофы и перед усилившимся наступлением капитала, повело к массовому бегству из профсоюзов и к их полному разрушению.

Под лозунгом «спасайте профсоюзы», Германская компартия созвала в декабре 1923 года Веймарскую конференцию, на которой, благодаря работе компартии в профсоюзах, присутствовало 271 делегат, хотя в это время чисто коммунистических картелей было не более 60.

Веймарская конференция в принципе решила сохранить прежнюю тактическую линию — «спасения профсоюзов» и «единства профдвижения». Но одновременно, под напором яркой оппозиции против профсоюзов, конференция приняла ряд практических предложений, направленных к радикальному преобразованию профсоюзов и выдвижению и укреплению фабзавкомов, в качестве основы революционного, перестроенного по производственному принципу, профдвижения.

Но даже это постановление Веймарской конференции не встретило полного сочувствия в «левой» части компартии, считающей, что профсоюзы, как они есть, гибнут, и что оставаться в них бесцельно. Тенденция создания новых революционных союзов усилилась. Намеченная Веймарской конференцией практическая программа наткнулась на сильное противодействие и почти не проводилась в жизнь.

в) Московская конференция в январе 1924 г.

Разногласия по вопросу о профсоюзах в Германской компартии достигли такой остроты, что Коминтерн и Профинтерн должны были вмешаться и созвать в январе 1924 года, в Москве, конференцию Германской компартии для пересмотра вопроса о тактике в профсоюзах. Конференция нашла некоторый средний путь, отказавшись от лозунга «спасения профсоюзов», но настаивая на сохранении лозунга «борьбы за единство» и против раскольнической политики амстердамцев. После конференции руководящий центр К. П. Г. дал общую директиву в этом направлении, указав, что лучшим средством завоевания профсоюзов является активное участие коммунистов в жизни профсоюзов, с целью превращения их в органы борьбы. Что же касается наиболее острого пункта разногласий — о роли и взаимоотношениях фабзавкомов и профсоюзов, то руководящее положение было таково: фабзавкомы должны стать фундаментом революционных производственных союзов, но не могут и не должны заменять собою профсоюзы. Если бы на фабзавкомы сейчас переложить обязанности профсоюзов, это означало бы

*) „Rote Fahne“ 10/X и 19/X 1922 г.

создание новых союзов и только усилило бы реформистов, ибо новые союзы в настоящее время оказались бы бессильными улучшить положение рабочего класса.

г) Оппозиция в компартии до Франкфуртского партейтага.

Однако, сомнения в возможности завоевания союзов не исчезли и после январской конференции.

Резолюция «левых» о профсоюзах была принята на ряде заседаний окружных комитетов и конференций.

И только на Франкфуртском партейтаге и на последующей затем конференции профработников-коммунистов (в апреле 1924 г.) удалось провести решения, обязывающие членов партии не выходить из профсоюзов и не допускать личной политики, учитывая, что борьба за единство — в период усилившейся реакции — является политической и исторической необходимостью.

Что касается вопроса о рабочем конгрессе, то Франкфуртский партейтаг наметил его основной задачей—сохранение единства и сплочения революционного профдвижения, а самый срок созыва конгресса отодвинул до июня.

Лозунги оппозиции в отношении рабочего конгресса определяли его задачи более широко:

— «Рабочий конгресс должен продолжить и последовательно развернуть все то, что начал всеобщий конгресс фабзавкомов еще в конце 1922 года. Его задача—это организация настоящего движения рабочих советов. Он должен вернуть рабочее движение Германии к лозунгам ноябрьского переворота, к лозунгам января 1919 года, — «Вся власть советам».

Но удалось созвать только два окружных рабочих конгресса: 25 мая — окружный конгресс Берлина—Бранденбурга, 1 июня — в Хемнице — окружной конгресс Саксонии.

Однако, решения конгрессов, вследствие их слабой, подготовки, большого практического значения не имели, а созыв Всегерманского рабочего конгресса пришлось отсрочить на более долгий срок.

На июньском конгрессе Коминтерна и июльском конгрессе Профинтерна тактика борьбы за единство вызвала противодействие, особенно сильное со стороны немецкой делегации, «левое крыло» которой, защищавшее крайнюю позицию создания новых профсоюзов, возглавлялось Шумахером.

Постановлениями конгрессов, шумахеровская тактика была решительно осуждена. Но даже после таких категорических решений конгрессов тактическая линия Коминтерна в Германии была усвоена не сразу. И пленум ЦК Германской компартии, состоявшийся 20 июля, принял по поводу V конгресса Коминтерна в вопросе о профсоюзах довольно неясную и двусмысленную резолюцию, гласившую, с одной стороны, о том, что германская компартия целиком принимает и приветствует решения конгресса о профсоюзах, а, с другой, — одобряя в принципе поведение своей делегации и об'ясняя ее сомнения и предостережения на конгрессе, — «раз'яснявшую», как сам ЦК К. П. Г. понимает решения конгресса Коминтерна при проведении их на практике.

Резолюция подчеркивала, что «все стремления, явные и тайные, которые ведут к ликвидации Профинтерна, ЦК решительно отвергает», и что соглашение с амстердамцами возможно только на почве принятия ими революционной программы Профинтерна *).

Однако, под руководством исполнительных органов Коминтерна и Профинтерна, линия Германской компартии в вопросе о борьбе за единство профдвижения за самое последнее время снова выпрямилась, доказательством чего является исключение из рядов компартии наиболее непримиримых «шумахеровцев», во главе с самим Шумахером, продолжавшим свою агитацию против решений конгрессов Коминтерна и Профинтерна по вопросу о единстве профдвижения.

С ожесточением и упорством реформисты противодействовали всякой попытке установления единого фронта с коммунистами. Когда последние выдвинули лозунг «единый фронт снизу», амстердамцы ответили сильнейшей кампанией исключений, расколом целых организаций и т. п. репрессиями.

АДГБ и целый ряд картелей вынесли постановления, призывающие всех членов и все органы АДГБ к твердому и решительному противодействию против всякой коммунистической работы внутри профсоюзов. Принадлежность к Профинтерну ведет к исключению из профсоюзов. Все общегерманские с'езды реформистских профсоюзов в течение 1923—1924 г.г. прошли под этим знаком раскола.

Решение Коминтерна и Профинтерна о единстве профдвижения было амстердамцами провозглашено, как «банкротство московской профсоюзной политики», с одной стороны, и как замаскированная новая попытка разбить профдвижение. Но в противоположность вождям, встретившим тактику единого фронта в профдвижении с прежним отпором, широкие профсоюзные массы Германии встретили решения конгрессов Коминтерна и Профинтерна весьма сочувственно. Кампания за единство в Германии, конечно, встречает и встретит еще очень большие трудности и препятствия, может быть даже бóльшие, чем где-либо в другой стране. Но два основных фактора, определяющих успех кампании: готовность к ее проведению и понимание ее исторического значения, со стороны компартии, а также сочувствие и содействие широких партийных и беспартийных рабочих масс, — уже в Германии имеются налицо. А именно они-то и заставляют считать перспективы борьбы за единство профдвижения в Германии в настоящее время достаточно благоприятными.

---

*) „Rote Fahne" № 75, 22 июля 1924 г.

М. Рубинштейн.

„Колонизация“ Европы американским капиталом.

(Итоги лондонской конференции)

Неумолимые законы капиталистического развития в его империалистический и монополистический период толкают концентрированный капитал за пределы национальных рамок, к домпингу (бросковому экспорту) и займам, колониальным авантюрам и подготовке войн. Мощный концентрированный капитал Соединенных Штатов не мог быть в этом отношении исключением. В 1917 г. интересы американских трестов толкнули Америку к вмешательству в европейскую войну. В поставку союзникам военного снаряжения, в займы и кредиты были вложены слишком большие капиталы, чтобы Морган и Рокфеллер могли примириться с угрозой потери дивидендов в случае победы Германии. Они решили «спасать» Европу, благо это спасение стоило довольно дешево, вернее, даже само по себе приносило новые прибыли. По мановению руки финансового капитала был пущен в ход гигантский аппарат воздействия на массы. Тысячи американских Джимми Хиггинсов одели винтовки и отправились «спасать цивилизацию от гуннов».

Наиболее видная роль во вмешательстве Америки в европейскую бойню принадлежала Рокфеллеру... В одном из самых критических моментов войны, в конце 1917 г. и начале 1918 г. Стандарт-Ойль предоставил Франции свои огромные запасы нефти, с помощью которых маршал Фош стремительными автомобильными переброссками целых дивизий отбил атаки немцев. Как заявил Керзон тотчас после перемирия, «союзники пришли к победе на волнах нефти», притекавшей из источников Рокфеллера, разумеется, не из-за его бескорыстной любви к прекрасной Франции. Мировая роль его треста в результате войны значительно выросла. Но в то же время и Морган, сосредоточивший значительную долю военных поставок и займов союзникам (в том числе и русскому царю) вышел из войны с новыми огромными богатствами.

После войны и Версальского договора крупный американский капитал временно несколько отдалился от европейских интересов, как бы переваривая внутри страны грандиозные военные прибыли. Капиталистическое развитие шло за счет внутреннего рынка и похода капиталов в Среднюю и Южную Америку, отчасти в Восточную Азию. Большинство стран Центральной Америки стали фактической колонией Соединенных Штатов, державших на откупу президентов и министров, назначающих чиновников, держащих в своих руках железные дороги, пошлины, государственные банки.

Но это «воздержание» Соединенных Штатов от империалистической политики в Европе было только кажущимся. Все время

шло накопление интересов крупных американских трестов и финансовых групп во всех уголках мира, европейские долги властно напоминали о процентах. И когда внутри страны начал все более обозначаться кризис, в частности все более углублявшийся и затяжной кризис сельского хозяйства, сокращавший емкость внутреннего рынка, иностранные интересы финансового капитала и трестов выступили на передний план. И вот концентрированный американский капитал вновь вышел на большую дорогу колонизации Европы еще с большим размахом и мощью, чем во время войны.

Морган и Рокфеллер, с Америкой у их ног, делают на этот раз попытку создать капиталистический интернационал под своим руководством. Они снова готовы финансировать европейских капиталистов для борьбы с подымающим голову рабочим движением, для «научного» повышения эксплоатации европейских рабочих масс и нового передела прибылей.

Снова, как в 1917 г., европейская мелкая буржуазия, вкупе с реформистской рабочей аристократией и бюрократией, приветствуют американских «спасителей». Реформистская пресса всех стран и в первую очередь германская, захлебывается от лакейских восторгов, приветствуя нового хозяина, несущего «новую эпоху длительного мира и всеобщего хозяйственного процветания».

В Америке снова пускается в ход мощный аппарат воздействия на «общественное мнение», чтобы призвать широкие слои еще раз спасать Европу, пока еще не винтовками, а подпиской на облигации германского займа.

В Европе этот аппарат заменяют II и Амстердамский Интернационалы, на роли которых мы остановимся в дальнейшем.

В Европу опять польются американские доллары (выкаченные оттуда же во время войны), а затем, как полагается, в случае какой либо опасности процентам и дивидендам, за ними пойдут и солдаты.

Несколько переменились фигуры капиталистической трагикомедии. Первое место занял вместо Рокфеллера Морган. Переменились подставные куклы финансового капитала — вместо Пуанкаре — сладкоречивый Эррио. Имперская тога Ллойд-Джорджа очутилась на Макдональде. Но классовое содержание гигантской империалистической авантюры осталось то же.

Присмотримся к отдельным персонажам Лондонской конференции — долженствующей к десятилетию после начала войны принести, наконец, народам «мир и благоденствие» путем нового издания Версальского договора.

На лондонской конференции с небывалой ясностью проявилась одна из особенностей современного капитализма — безраздельное подчинение государственных аппаратов — королей, президентов, правительств — концентрированному финансовому капиталу. Все официальные участники конференции были как бы конторскими мальчишками на побегушках у финансовых королей. Официальные заседания были простой комедией для отвода глаз, так как вопросы решались не на них, а в гостинницах американских банкиров, приехавших в Европу для охоты за куропатками в Шотландии.

Хозяином конференции была, разумеется, американская делегация — представители Моргана и Рокфеллера, для которых министры европейских государств были только агентами должников, вымаливающих новые кредиты. 15—20 миллиардов долларов, которые Европа должна Америке, были тем весом, который делал американских банкиров повелителями гордой Антанты, несмотря на то, что формально они в конференции не участвовали.

Официальным агентом Моргана был Келлог — один из тех адвокатов Волстрит, которые представляют тресты на всех правительственных постах Соединенных Штатов. Он был фактическим послом Моргана в Англии для связи Волстрит с Сити и, несмотря на свое полное безличие, оказался пригодной для официальных ролей марионеткой.

Другой представитель Моргана — Оуен Ионг — назначен теперь «генеральным агентом по репарациям» с огромными полномочиями, данными ему лондонской конференцией и превращающими его как бы в директора «акционерного о-ва Германия». Он был последние годы председателем General Electric C° — моргановского электрического треста, стоящего во главе связанных в международном масштабе электрических обществ, разделивших весь мир на сферы влияния. Его германским разветвлением является известная Вс. Комп. Электр. (A. E. G.) и Ионг является поэтому старым сотоварищем крупнейших германских капиталистов, совместно с которыми он будет обделывать теперь новые крупные дела.

Наконец, ставший неожиданно столь популярной личностью Дауэс — также трестовский адвокат и интендантский «генерал» — является последнее время руководителем Illinois Central Trust C° — одного из многочисленных звеньев моргановского концерна.

Помимо этой теплой компании полуофициальных представителей заатлантической республики, на конференции и особенно на сопровождавших ее негласных совещаниях присутствовал ряд представителей других капиталистических групп Америки, во главе которых надо поставить «государственного секретаря» (министра иностранных дел) — являющегося представителем Стандарт-Ойль (трест Рокфеллера) в американском правительстве. Этот правительственный ходатай по нефтяным делам, игравший такую роль в Генуе (борьба за русскую нефть), и в Лозанне (турецкая нефть) на этот раз об'езжал европейские правительства, как своих наместников. В европейских делах Рокфеллер, повидимому, спелся на время с Морганом и американский финансовый капитал выступал на конференции едино, причем специальной задачей Юза было давление на некоторых французских должников.

Другим агентом Рокфеллера был Меллон — «хранитель казны» (министр финансов) Соединенных Штатов. Бывший директор крупного нефтяного общества, он и на новом посту остался «хранителем казны» Стандарт Ойль, усердно освобождая нефтяные общества от налогов и представляя в то же время стальные, угольные и водочные компании, а также 20 банков, в которых он играет видную роль. Присутствовали в Лондоне и представители более мелких групп, вроде Отто Кана из банкирского дома Kuhn and Loeb, руководящего международным «еврейским» финансовым капиталом, связанным в Германии с банком Варбурга (связи с Виртом, франкфуртскими банками и т. д.).

Все они на этот раз спелись с Морганом и попытки французов играть на их противоречиях оказались неудачными.

Наконец, в один из моментов, когда в связанных с лондонской конференцией закулисных переговорах наступила какая - то заминка, в Европу изволил отплыть для отдыха сам верховный повелитель — Пирпонт Морган, против обыкновения даже не на своей яхте, а на обыкновенном пароходе.

Представители Англии на конференции были золотой цепью связаны с американским капиталом, играли роль его рычага. Несмотря на огромные противоречия во всех частях света (правда, основное из них — борьба Стандарт Ойль с Шелл-Ройяль-Доч временно устранено их сговором) в основных европейских делах у них оказались важные общие задачи — помешать германской и французской конкуренции и отнять у французов распоряжение германскими репарациями.

Действительными представителями Англии на конференции были, разумеется, не Макдональд и Сноуден, выполнявшие совершенно другую роль, на которой мы остановимся в дальнейшем, а непосредственные агенты так называемой большой пятерки (big fives) — об'единения банков, всосавшего основной финансовый капитал Англии. Виднейшим из этих агентов был Мак-Кенна.

Делегат Франции Эррио — когда-то представитель «мирного» торгового и текстильного капитала, наглядно иллюстрировал в Лондоне железную закономерность современного капиталистического развития. Придя к власти, он перешел в руки всемогущего Comitee des Forges, использовавшего его так же, как и Пуанкаре. Им вертел на конференции Пино и крупные французско-американские банки, контролируемые Рокфеллером. Небольшого давления Юза и Моргана было достаточно, чтобы выравнять неровную линию французской делегации и заставить ее маршировать под американской командой.

Нечего и говорить о представителях более мелких стран, вроде Италии, делегатом которой был Стефани — агент Banca Commercale Italiana, финансировавшего фашизм, победившего с помощью правительства конкурентов (группа Ansaldo) и ставшего центром хозяйственной и политической жизни страны.

Все они, как и делегаты Бельгии, послушно повиновались указаниям Америки и Англии.

Наконец, Германия, шкуру которой собрались делить в Лондоне, была представлена (к концу конференции) делегатами всех основных капиталистических групп. Маркс представлял «католическую» тяжелую промышленность (тресты Клекнера и Тиссена), Штреземан среднюю промышленность, министр финансов Лютер— концерн Стиннеса, Шахт — большие банки (б. ч. отделения американских). Как мы увидим позднее, в основных вопросах все эти группы сошлись, так как план экспертов давал и им долю участия в прибылях и неограниченные возможности эксплоатации внутри страны.

Мы видим таким образом, во всех делегациях банкиров и их непосредственных агентов, подлинный конгресс капиталистов, собравшихся на один из очередных переделов мира. Власть концентрированного капитала —трестов и банков над современным капиталистическим миром нигде, пожалуй, не сказалась с такой откровенно циничной ясностью, как на этом биржевом торжище, где

на официальных заседаниях занимались рассказыванием анекдотов, а в приемных банкиров решали судьбы Европы.

О чем же толковали в Лондоне банкиры и их агенты? На чем они сговорились?

Официальное содержание принятых решений довольно широко известно, и мы можем на нем остановиться лишь вкратце.

План экспертов был принят лондонской конференцией с несколькими, относительно несущественными изменениями. Его основой является установление ежегодных репарационных взносов Германии (2½ миллиарда марок в год с 1919 г. До этого переходные годы с меньшими взносами). Срок окончания этих взносов на конференции не обсуждался и остается неопределенным. В случае повышения хозяйственного благосостояния Германии, определяемого по особому индексу, соответственно повышаются и взносы. Взносы получаются из четырех источников: 1) из промышленных облигаций, 2) ж.-д. облигаций, 3) транспортных налогов и 4) непосредственных взносов из государственной казны.

Для обеспечения взносов с промышленности, получаемых посредством специально выпускаемых облигаций, залогом служат основные средства производства страны. Распоряжения ими поступает в руки антантовского комиссара, имеющего право продажи облигаций и являющегося, таким образом, как бы агентом по дальнейшему переплетению германского капитала с международным.

2-й источник репараций — железные дороги, является самым лакомым кусочком плана экспертов. Железные дороги Германии превращаются в грандиозное частное общество (около миллиона рабочих), руководство которым, посредством продажи облигаций, переходит к международному капиталу и назначенному им комиссару. Последний имеет право устанавливать тарифы и методы управления, а также передавать в аренду и продавать отдельные части железнодорожной сети. Это даст международному капиталу, помимо непосредственных доходов, возможность воздействия на все германское народное хозяйство, ключ к его командным высотам. По существу это тот же метод колонизации, который применялся европейским капитализмом в Африке и Китае, а американским в потерявших тень своей независимости государствах центральной Америки. Германия полностью превращается в промышленную колонию *), так как посредством жонглирования железнодорожными тарифами комиссар может поощрять или останавливать целые отрасли производства, в зависимости от интересов своих доверителей. Транспортные налоги дополнительно повышают ж.-д. тарифы, возлагая новое бремя на плечи широких масс, ощущающих его в виде повышения дороговизны.

Наконец, 4-й источник репараций—непосредственные взносы казны — получается целиком из косвенных налогов на основные предметы массового потребления. Для контроля над их получением опять-таки назначается специальный комиссар с подкомиссарами, имеющий право и самостоятельно от государственной власти вводить новые косвенные налоги.

Если принять во внимание, что и до введения плана экспертов из общей суммы германских государственных доходов более

*) Мы не можем здесь входить в теоретическое обоснование этого факта, являющегося как бы наглядным практическим опровержением теории накопления Розы Люксембург.

¾ падало на плечи широких трудящихся масс, ясно, что эти новые «моргановские» налоги несут новую волну дороговизны, голода, чрезмерную работу одним и безработицу другим.

К международному финансовому капиталу переходит распоряжение всей валютой страны посредством особого банкнотного банка, в конечном счете непосредственно подчиненного комиссару по репарациям. Германский государственный банк становится одним из отделений банкирского дома Моргана.

За все эти прелести Германия получает заем в 800 миллионов марок, служащий для уплаты первых репарационных взносов и обеспечения валюты. Заем этот приносит международному капиталу хорошие проценты (номинально 8%, фактически больше) и в то же время золотой цепью связывает Германию по рукам и ногам.

По существу значительная доля плана экспертов сводится к обеспечению этого займа, о котором Макдональд торжественно заявлял, что основная задача лондонской конференции — гарантировать подписчиков на заем.

Лондонская конференция внесла в план экспертов несколько изменений, устанавливающих на неопределенное время поставки натурой — Франции — углем, красками, азотистыми веществами и специальную 26% отдачу с германских товаров, ввозимых в Англию.

Действительное экономическое и классовое содержание лондонской конференции гораздо глубже всех параграфов плана экспертов и официальных протоколов, являющихся только прикрытием закулисных сделок.

Основной ее смысл и содержание — это выход широким фронтом американского концентрированного капитала на европейскую арену, начало ее систематической колонизации. Американский финансовый капитал дает Германии заем, обеспечивает себе хорошие проценты (во всяком случае гораздо более высокие, чем на денежном рынке внутри Соединенных Штатов, где они не превышают теперь 2—3%) и для обеспечения этих процентов берет в свои руки контроль всей хозяйственной жизни страны. Делается это, отчасти, при сотрудничестве английского и французского капитала, которым обеспечивается солидная доля доходов, по существу посреднических, так как самостоятельные их действия связаны по рукам и ногам их собственной финансовой зависимостью от Америки.

В частности, распоряжение репарациями попадает под контроль американцев. Методы получения репараций — подчинение иностранным комиссарам финансов, ж. д., пошлин, государственных монополий и промышленности Германии, как мы уже упоминали, всецело напоминает довоенную практику европейских империалистов в Турции (знаменитый dette publique) или хозяйничанье Соединенных Штатов в центральной и южной Америке.

Одной из сторон этого создания международного акционерного общества по эксплоатации Германии является допущение в

него и германского концентрированного капитала, в частности, соглашение его с французской тяжелой промышленностью для совместной эксплоатации рурского угля и химической промышленности Бадена. Вопрос об очищении Рурской области (как известно, официально даже не обсуждавшийся в Лондоне и отложенный пока на один год) гораздо меньше интересует германские тресты, чем вопрос о «квоте» (доле участия) в среднеевропейском угольно-металлургическом тресте и международном финансовом «об'единении интересов». Многие из них определенно предпочитают защиту французских штыков суверенитету слабого и нерешительного правительства Германии. Многие частности плана экспертов, напр., денационализация ж. д., являются по существу выполнением того, к чему уже годы стремился Стиннес. И если союзники, в частности Франция, получают возможность не только контроля, но и полной приостановки целых отраслей германской промышленности, поскольку это соответствует их интересам, германский капитал это мало тревожит. Сращение его с международным финансовым капиталом зашло уже так далеко, что он имеет основания надеяться на полюбовное разрешение таких вопросов в общих интересах кучки международных капиталистов, да и отечественная промышленность вообще интересует его лишь постольку, поскольку она даст возможность большей эксплоатации, чем за границей.

Классовое содержание плана экспертов тесно связано с его экономическими следствиями. Американский капитал стремится в Европу, на этот раз прежде всего в Германию, в погоне за более высокой нормой прибыли. Вслед за официальным займом уже начался поток частных кредитов отдельным отраслям германской промышленности и отдельным концернам, — все с гораздо более высокими процентами, чем в задыхающемся от избытка золота денежном рынке Соединенных Штатов. Более высокие прибыли в Германии получаются в конечном счете из более высокой эксплоатации германских рабочих масс. Так же, как одной из основных пружин колониальной политики было стремление к использованию на месте дешевой и неприхотливой рабочей силы колоний, так американский капитал овладевает теперь Германией для превращения ее 30-миллионного пролетариата в мировых кули. Он хочет превратить Германию в гигантскую промышленную мастерскую, эксплоатируемую по научным методам массовой эксплоатации. Вследствие низкой покупательной способности германского населения, международный капитал получает в свое распоряжение громадный экспортный фонд дешевых товаров, благодаря которому он имеет возможность оказывать давление на рабочий класс, как других стран Европы, так и Соединенных Штатов. Этому содействует интенсификация труда в Германии, являющаяся одной из основных предпосылок плана экспертов и неизбежно отражающаяся на условиях труда в других странах. Недаром еще до введения плана экспертов в жизнь, усилилось наступление капитала на условия труда в Чехо-Словакии, Австрии и др. странах Средней Европы, неизменно мотивируемое невозможностью иначе бороться с возрождающейся германской конкуренцией. Ярким международным отражением этого положения явились также характерные прения по вопросу о 8-часовом рабочем дне на последней конференции Женевского Бюро Труда.

В самой Германии техническое проведение интенсификации труда международный капитал предоставляет крупным германским капиталистам, государственному аппарату и... германской социал-демократии. Оно должно состоять в окончательной отмене 8-часового рабочего дня, дальнейшем понижении заработной платы и уровня жизни, ограничении социального страхования, которое германские предприниматели хотят заменить своими милостивыми подачками, вернув, таким образом, Германию в социально-политическом отношении на 50 лет назад. Германские капиталисты лелеют и дальнейшие надежды, вроде плана создания назначаемых предпринимателями завкомов, воспитания узкой рабочей аристократии по американскому образцу и т. д.

На одном удлинении рабочего дня на 2 часа капиталисты могут заработать гораздо больше всей суммы репараций. Немудрено, что предпринимательские организации и тресты Германии, допущенные к участию в прибылях международного «об'единения интересов», ревностно принялись за выполнение этой основы плана экспертов — превращения промышленного сердца Европы в мощное орудие «социального домпинга».

Все решительно перечисленные выше взносы Германии союзникам тем или иным путем перекладываются на плечи трудящихся, оставляя солидные прибыли и промежуточному агенту— германскому концентрированному капиталу. Подчиненная роль германского капитала выражается при этом лишь в том, что американские хозяева и их антантовские агенты могут все время держать германский домпинг в желательных для себя рамках, подавляя там, где это им нужно, развитие целых отраслей германского народного хозяйства.

Было бы глубочайшей ошибкой думать, что этот хитроумнейший план создания капиталистического интернационала, долженствующий подчинить борющиеся группы капиталистов разных стран гегемонии Моргана, может устранить или хотя бы ограничить капиталистические противоречия. Правда, в борьбе против рабочего класса капиталистические тресты едины. Спор о том, как лучше проделать и охранить производимый над германским пролетариатом новый эксперимент — с помощью французских штыков или «мирным» путем, при помощи германской полиции и социал-демократии, является относительно незначительным эпизодом. Но в самом переделе добычи соглашение всегда будет кратковременным. Оттесненный Морганом на второй план и временно с ним столковавшийся Рокфеллер, несомненно, будет готовиться к новой борьбе. Капиталистические концерны отдельных стран всегда будут стремиться перегрызть друг другу глотки из-за «квоты» (доли участия) в международном об'единении. Обострение империалистических конфликтов во всех уголках мира не только не будет приостановлено, но еще более усилится на новой расширенной основе.

А поэтому еще более усиленным темпом пойдут подготовка войн, вооружения, колониальные авантюры. Очередной передел мира, произведенный в Лондоне капиталистическими трестами и финансовыми группами, не является первым и последним. Борьба за эти переделы будет продолжаться все с большим ожесточением и остротой и положить ей конец может только победа пролетарской революции. Хитроумный план капиталистического интернационала так же способен начать «эпоху пацифизма», как европейская война и Версальский договор. Рассказывать басни об этой «эре» могут лишь, помимо непосредственных агентов крупного капитала, либо сознательные обманщики (вроде Гильфердинга и К-о), либо туполобые реформисты, не видящие дальше своего носа.

Роль международного реформизма в лондонской конференции чрезвычайно характерна.

Недавний официальный (а фактически и нынешний) руководитель II Интернационала Макдональд выступал в роли председателя конференции и примирителя враждующих групп. Весь аппарат II и Амстердамского Интернационала, с.-д. партийных и реформистских профессиональных организаций был приведен в движение, чтобы обеспечить устранение всяких препятствий к проведению в жизнь плана экспертов. Реформистская пресса буквально захлебывалась от восторга, славословя лондонских миротворцев. Рекорды лакейства были побиты германскими с.-д., всеми средствами пытавшимися уверить рабочих Германии, что их ждет спокойствие, рост заработной платы и всеобщее благополучие. «Форвертс» рисовал на первой странице американский доллар в виде солнца, восходящего над измученной страной, уверял, что лондонская конференция является «триумфом с.-д. политики выполнения» и план экспертов лишь воплощает в жизнь старые предложения с.-д.

Помимо непосредственной связи реформистской верхушки с международным капиталом, эта политика с.-д. имеет и другие основания. Отдельные стороны плана экспертов (стабилизация германской валюты, заем и т. д.) дают им возможность хотя бы на некоторое время поддержать пацифистские иллюзии рабочей аристократии, возродить надежды на возможность задержать социальную революцию.

Переживавшийся реформизмом глубокий кризис заставляет его жадно схватиться за эту соломинку, найти хотя бы на время новый лозунг для одурачивания рабочих масс и в то же время снова доказать концентрированному капиталу свою полезность для него. Лондонская конференция как бы дает реформистской рабочей бюрократии надежды косвенно принять участие в доходах международного концерна по эксплоатации Германии (а затем и всей Европы), возобновить ставшую было ненужной для капитала политику «делового сотрудничества», и тем продлить и замедлить процесс капиталистического распада и свою собственную агонию.

Отношение к плану экспертов с такой ясностью показало неразрывную связь международного реформизма с концентрированным капиталом, что лондонскую конференцию можно в этом отношении сравнить с днем голосования герм. социал-демократии за военные кредиты и вступления антантовских социалистов в «военные» министерства.

Коммунистические партии всех стран оказались единственной общественной силой, об'явившей плану экспертов, а с ним капиталистическому интернационалу решительную борьбу. Им еще не удалось увлечь на эту борьбу большинство пролетарских масс. Волю и решимость этих масс сковывает еще одна иллюзия, еще один мираж, но сама практика плана экспертов, развитие заключенных в нем неумолимых противоречий помогут разбить и эти иллюзии, заставить рабочие массы выйти на бой с концентрированным капиталом, освободить человечество от железной пяты Моргана и Рокфеллера.

Бор. Штейн.

Наступление англо-американского финансового капитала.

Как ни разнородны вопросы международной политики сегодняшнего дня, ни один из них не может быть правильно понят без учета и оценки того явления, которое следует назвать наступлением англо-американского финансового капитала. Это наступление вовне выражается в различных и, как будто бы не связанных друг с другом, явлениях международной политики. Только внимательный марксистский анализ обнаруживает во всех этих явлениях нечто общее, при чем это общее оказывается выступлением, и притом весьма бурным и активным англо-американского капитала.

В чем его сущность и в чем она выражается?

Как известно, основными кон'юнктурными факторами народного хозяйства Америки в этом году являются: золотое переполнение, с одной стороны, и исчерпание емкости внутреннего рынка— с другой. Количество золота, накопленного в настоящий момент в Америке, проф. Кассель определяет цифрой около 5 миллиардов долларов. Эта огромная масса давит и понижает процент на капитал. Исчерпание емкости внутреннего рынка оставляет огромные товарные массы, которые вызывают общую депрессию народного хозяйства. Выходом из создавшегося положения могут быть о т л и в з о л о т а н а в н е ш н и е р ы н к и, п о в ы ш е н и е с п о м о щ ь ю з о л о т ы х в с п р ы с к и в а н и й п о к у п а т е л ь н о й с п о с о б н о с т и в н е ш н и х р ы н к о в и п р и н у ж д е н и е и х к п о г л о щ е н и ю а м е р и к а н с к о г о э к с п о р т а. Этот последний значительно растет, но все же не в такой мере, в какой это необходимо американскому народному хозяйству.

План Дауэса является попыткой, при помощи экспорта в Европу значительного количества золота, поднять покупательную способность средне-европейских рынков и заставить их поглотить избытки американских товаров. Однако план Дауэса разрешает только часть европейской проблемы между тем, размах народного хозяйства Америки в настоящий момент значительно перерос даже и ту покупательную способность, которую средне-европейское народное хозяйство сможет приобрести в результате проведения проекта Дауэса.

Таким образом, совершенно очевидно, что Америка принуждена силой своего капиталистического развития к овладению новыми рынками. Это овладение американский капитал производит различными способами.

Первым плацдармом для наступления американского капитала явилась Германия.

Решение Лондонской конференции, представляющее собой видоизмененный проект Дауэса, имеет двоякую цель, долженствующую удовлетворить двойные притязания, пред'являемые международным капиталом к народному хозяйству побежденной Германии.

Трудно сказать, какая из этих целей превалирует над другой. Одна из них — извлечение систематического дохода из германского народного хозяйства, систематическая его эксплоатация по титулу репараций. В угоду этой цели германское народное хозяйство должно быть «восстановлено» с помощью англо - американского кредита, при чем «восстановленное» таким образом хозяйство Германии должно будет уплачивать ежегодную дань в 2.500 мил. зол. марок. Эти 2,5 миллиарда золотых марок вместе с процентами по займу, равно как и по ипотекам на германскую промышленность, должны будут составить денежную повинность Германии.

Второй целью лондонского соглашения является овладение реальными ценностями германского народного хозяйства. Не считая перехода под фактический контроль союзного капитала германских жел. дорог, с одной стороны, и той части германской промышленности, ипотечные обязательства которой будут находиться в руках генерального комиссара по ипотекам, — третья резолюция трансфертной комиссии (комиссии по переводам ценностей) лондонской конференции д а е т п р а в о г е н е р а л ь н о м у к о м и с с а р у п о п л а т е ж а м п р и о б р е т а т ь з а с ч е т р е п а р а ц и о н н ы х с у м м, п е р и о д и ч е с к и с к о п л я ю щ и х с я у н е г о, п р е д п р и я т и я, з а в о д ы, ф а б р и к и и р у д н и к и. Э т и м с а м ы м и н о с т р а н н ы й к а п и т а л п о л у ч а е т л е г а л ь н о е п р а в о о в л а д е н и я р е а л ь н ы м и ц е н н о с т я м и г е р м а н с к о г о н а р о д н о г о х о з я й с т в а.

Выше мы указали, что денежные обязательства Германии выражаются в ежегодной сумме в 2,5 милл. зол. марок, а если сюда присчитать проценты по займу и по ипотекам, то указанная сумма еще более возрастет. Если при этом принять во внимание, что сумма всего экспорта в Германии в 1923 г. составляла 5.350 милл. марок, что торговый баланс Германии резко пассивен, и что эта пассивность не покрывается, как до войны, значительной активностью ее платежного баланса,—нельзя будет не притти к выводу, что для удовлетворения хотя бы одной денежной повинности Г е р м а н и я в ы н у ж д е н а б у д е т с т р е м и т е л ь н о р а з в и в а т ь с в о й в ы в о з з а г р а н и ц у.

Казалось бы, что «оздоровление» германского народного хозяйства допускает и иной путь для покрытия репарационной повинности.

Вспрыскивание в народно-хозяйственный организм Германии американских кредитов должно будет повысить экономическую жизнеспособность Германии и развить производительную силу ее хозяйства. Но именно здесь и заключается основное противоречие капиталистического «планирования».

Развитие германского народного хозяйства неизменно повлечет за собой увеличение конкурентной способности Германии на мировом рынке. Лондонская конференция недаром приняла постановление о праве комиссара по платежам скупать германские предприятия. Капиталистическая пресса союзников не скрывает уже сейчас той мысли, что н е з а м е д л и т е л ь н о н а ч н е т с я

скупка именно тех германских предприятий, которые конкурируют с союзными. Эта скупка будет иметь непосредственной целью приостановку конкурирующих предприятий. Исполняя задания союзного капитала, в Германии будут особенно усиленно работать сырьевые предприятия, поставляющие союзной промышленности необходимые ей первичное сырье и полуобработанные фабрикаты, и притом по ценам, установленным репарационной комиссией.

Отсюда следует, что проведение в жизнь плана Дауэса явится не началом общего расцвета германского народного хозяйства, а лишь приспособлением этого хозяйства к потребностям народного хозяйства победителей.

Лишь в той мере, в какой позволит та или иная вывозная отрасль союзной промышленности, союзный капитал будет давать возможность развиваться соответствующей ветви народного хозяйства Германии.

Достаточно вспомнить, что английское правительство уже восстановило 26-процентную пошлину с цены ввозимых в Англию германских товаров для того, чтобы убедиться в правильности высказанной мысли *).

Помимо целей перевода валюты, которые преследуются этой пошлиной, последняя должна будет служить заградительным оплотом против проникновения в Англию фабрикатов «восстановленной» германской промышленности.

Таким образом, не успевши еще подписать лондонского соглашения, направленного на «развитие» германского народного хозяйства, Англия ставит первую плотину на пути этого развития.

Вряд ли можно сомневаться, что такие же плотины будут поставлены всеми прочими союзниками, уничтожающими, таким образом, одной рукой то, что они делают другой.

Если развитие германского экспорта в сторону союзных стран обречено на систематическое и планомерное урезывание и сокращение, а в ряде случаев и на удушение со стороны союзного капитала, то тем более вырисовывается проблема развития этого экспорта в сторону Советского Союза, о чем мы будем говорить ниже.

Однако даже полное превращение народного хозяйства Германии в колониальное не может удовлетворить размаха наступления американского капитала. Только что закончив подготовительные работы, связанные с планомерным овладением европейским народным хозяйством, англо - американский капитал перебросил свою деятельность на Дальний Восток, для того, чтобы завершить дело колониального охвата сырьевых территорий и рынка Китая.

Вряд ли можно сомневаться в том, что начавшаяся интервенция союзных военных и морских сил в Южном Китае является не случайным эпизодом, а началом осуществления широко задуманного и давно подготовлявшегося плана.

Достаточно вкратце вспомнить дипломатическую историю Китая за последние несколько месяцев, чтобы убедиться в правильности этого заключения. При этом нельзя не отметить, что планомерная подготовка колониального захвата Китая соединенными

*) То же самое на-днях сделала и Франция.

силами международного капитала совпадает, тесно переплетаясь, с борьбой его против Советского Союза. Можно утверждать, что колониальный захват Китая и борьба против Советского Союза являются для иностранного капитала двумя сторонами одной и той же задачи. Такая постановка вопроса совершенно понятна и ясна, если учесть, что наиболее активным препятствием—для полного порабощения Китая иностранным капиталом является Советский Союз.

Эта роль Советского Союза и его дипломатической работы во внешней политике Китая понятна иностранному капиталу и учитывается им в качестве одного из серьезнейших элементов борьбы.

Этапы осуществления колониального плана международного капитала и этапы его борьбы с Советским Союзом за последние несколько месяцев находятся в тесной и постоянной зависимости друг от друга.

Достигнутое в марте 1924 г. соглашение между Китаем и СССР и подписанный тов. Караханом и представителем китайского правительства д-ром Ваном договор были немедленно учтены англо - американско - французской дипломатией, как удар по их влиянию в Китае. Соединенными усилиями они вынудили у китайского правительства отказ от состоявшегося соглашения и дезавуирование д-ра Вана.

Это давление на китайское правительство было одновременно актом борьбы против Советского Союза. Однако, международный капитал немедленно перевел этот успех в борьбе против Советского Союза в одну из форм осуществления своего колониального плана. Так, не прошло и трех недель после вынужденного отказа китайского правительства подписать договор с СССР, как созванное Макдональдом совещание послов Америки, Франции, Италии и Японии постановило пред'явить Китаю следующие требования.

1. Китай должен немедленно прекратить гражданскую войну.
2. Необходимо организовать специальную комиссию для консолидации внешних и внутренних долгов Китая с участием в комиссии представителей государств подписавших вашингтонское соглашение.
3. Эти государства образуют совещательный орган, который поможет Китаю реорганизовать его запутанные финансы и будет содействовать развитию внешней торговли.
4. Китайское правительство должно улучшить состояние своих железных дорог.

Как видно из только что перечисленных требований, иностранный капитал уже в мае этого года пытался навязать китайскому народу своеобразный «план Дауэса», направленный, как и его позднейший европейский набросок, в сторону колониального подчинения китайского народного хозяйства.

Нет никакого сомнения в том, что если бы союзному капиталу удалось исторгнуть согласие китайского правительства на осуществление вышеизложенных требований, Китай «мирным путем» превратился бы в колонию иностранного, главным образом, англо-американского капитала.

Однако, проведение этого плана путем простого пред'явления требований китайскому правительству не удалось.

Широкая волна возмущения, охватившая китайскую общественность, принудила слабое, колеблющееся пекинское правительство пойти на подписание соглашения с Советским Союзом. Оно было подписано непосредственно после того, как китайскому правительству стал известен план «мирного» превращения Китая в колонию.

Подписание советско-китайского договора нанесло серьезный удар идее дипломатического метода колониального охвата Китая.

Быстрый рост влияния Советского Союза в Китае, последовавший за подписанием соглашения, показал иностранному капиталу, что его дипломатическая работа должна быть на время оставлена и смениться работой штыка.

На долю дипломатов осталось нанесение мелких уколов как Советскому Союзу, так и китайскому правительству, в роде отказа дипломатического корпуса передать здание российского посольства его законному хозяину и т. д.

В то же время началась серьезная и планомерная подготовка вооружённого вмешательства в китайские дела для одновременного выполнения двусторонней задачи: устранения влияния СССР в Китае и превращения последнего в колонию иностранного капитала *).

То, что не удалось, при помощи «мирной» дипломатической работы, должно было удасться с помощью военного нажима.

Само собой разумеется, что капитал выбирает тот метод работы, который в данное время и в данном месте является наиболее эффективным и целесообразным.

Экономический смысл колониального похода англо-американского капитала на китайский рынок имеет глубокие корни в кон'юнктуре как американского, так и английского народного хозяйства. О кон'юнктуре американского капитала, вызвавшей его нападение на Китай, мы говорили выше. Необходимо отметить, что к проблеме овладения китайским рынком американский капитал подготовляется уже давно. Проведя на Вашингтонской конференции 1921—1922 г. принцип «открытых дверей», американский капитал сломил этим самым сопротивление Японии и открыл для себя свободную дорогу к китайскому рынку.

По этой дороге он и пошел в 1924 г. в союзе с английским капиталом.

Для того, чтобы понять, почему американский и английский капиталы сделались союзниками в деле овладения Китаем, необходимо отметить, что хозяйственная кон'юнктура Англии в 1924 г. совпадает с таковой же кон'юнктурой Америки, отличаясь от последней лишь меньшей резкостью и общими размерами кризиса.

Как и Америка, товарный рынок Англии в 1924 году стоит под определенным знаком депрессии и необходимости всяческого увеличения экспорта. Не следует забывать, что английский экспорт в первой половине 1924 г., продолжая оставаться пассивным, составляет лишь 70% импорта.

С другой стороны, накопление денежных капиталов в Англии довольно остро ставит вопрос об их приложении.

Таким образом, как и американскому капиталу, английскому необходимы внешние рынки.

---

*) Английская печать разоблачила эту совместную подготовительную работу г.г. Юза и Макдональда.

Империалистические цели Америки и Англии в китайском вопросе совпадают *).

Для дорисовки общей картины нападения иностранного капитала на Китай необходимо отметить несколько резервированную позицию Франции. Последняя обеспокоена возможностью англо-американского проникновения в южные области Китая, находящиеся в непосредственной близости от ее индокитайских владений.

Вот почему далеко еще не ясна та позиция, которую Франция займет в этой общей свалке. На фоне грандиозной борьбы, которая разыгрывается в Китае, борьбы двусторонней, имеющей целью колониальное овладение китайским рынком и оттеснение Советского Союза на запад от китайских границ, сравнительное небольшое и исторически малоценное значение имеют фактические данные начальной стадии борьбы.

Вопросы о южно-китайском правительстве Сун-Ят-Сена, о восстании купеческой организации и поддержке иностранным капиталом этой организации иллюстрируют лишь борьбу, но не совпадают с ней. Это лишь аксессуары колониальной интервенции.

Смысл и значение ее заключается в попытке вооруженного захвата англо-американским капиталом необходимых для его временного спасения внешних рынков.

Устранение влияния СССР и насильственный разрыв связи между СССР и Китаем являются для иностранного капитала наиболее серьезным условием его победы.

Сохранение связи между Китаем и СССР и отражение иностранной интервенции также тесно связаны между собой, как и разрыв этой связи и превращение Китая в колонию англо-американского капитала.

Но ни Германией, ни Китаем не ограничивается наступление американских финансовых групп на остальные части мирового хозяйства.

В течение последних нескольких недель как американская, так и французская печать обсуждает — первая спокойно, а вторая с возрастающей тревогой — проект, предложенный председателем американской правительственной комиссии по погашению междусоюзнических военных долгов Герли.

Этот план, детали которого не в достаточной мере еще освещены, заключается в двух основных положениях: первым из них является обязательство Франции начать выплату своего военного долга Америке, чего Франция не делала в течение всего времени, прошедшего с окончания мировой войны, а вторым положением— возврат обратно половины уплачиваемой каждый раз суммы, причем этот возврат должен происходить в виде покупки Америкой французских промышленных акций. Таким образом, ежегодно на определенную сумму французские промышленные акции будут переходить в собственность американских капиталистов и, значит, французская промышленность будет постепенно сосредоточиваться в американских руках.

---

*) Координация действий английского и американского капитала в Китае тем более осуществима, что между ними вполне возможно разделение „сфер влияния“ и характера инвестирования капитала.

Американские официальные круги пока отказываются комментировать приведенный выше план, но, судя по всем данным, принадлежность его лицу, специально занимающемуся междусоюзными долгами, не оставляет сомнений в его огромном политическом и экономическом значении.

Особенно убеждает нас в серьезности этого плана та тревога, которой об'яты французские деловые круги. Они не скрывают своего беспокойства по поводу назревающего разрешения вопроса о французских долгах Америке в связи с планом погашения, разработанным Герли. Французский капитал прекрасно отдает себе отчет в том, какую опасность представляет осуществление этого плана для финансового и общеэкономического положения Франции.

Наступление американского капитала, подготовленное как золотым полнокровием Америки, так и кризисом перепроизводства, носит чрезвычайно бурный и стремительный характер. Вслед за началом осуществления плана Дауэса в отношении Германии и грандиозной колониальной авантюрой в Китае, американский капитал приступает к регулированию вопроса о междусоюзных долгах.

Само собой разумеется, что это регулирование отнюдь не имеет целью приток новых денежных средств в Америку, приток, от которого американское народное хозяйство могло бы только пострадать.

Регулирование вопроса о военных долгах делается для Америки исходной точкой финансово-промышленного проникновения в Европу.

Подобно тому, как соглашение об уплате английского долга Америке, заключенное в феврале 1923 г., сделалось отправной точкой для координирования совместных действий американского и английского финансового капитала, подобно этому план Герли намерен использовать вопрос о французских долгах Америке для овладения последней промышленными ценностями Франции.

Таким образом, Франция делается после Германии и Китая третьим участком фронта, на котором развертывает свое широкое наступление американский капитал.

В настоящий момент нет уже никаких сомнений в том, что на Лонодонской конференции французский капитал потерпел поражение и вынужден был сдать свои основные позиции капиталу англо-американскому.

Основная сдача позиций произошла в виде отказа Франции от плана создания франко-германского промышленного об'единения, представляющего угрозу как для Англии, так и для Америки.

Ни отсрочка военной эвакуации Рура, ни 16 миллиардов золотых франков, которые Франция должна будет получить в течение 35 лет от Германии в качестве своей доли репарации, ни, наконец, германские поставки натурой, которых Эррио удалось добиться на Лондонской конференции, не смогут компенсировать французскому капиталу провал его грандиозного плана промышленного об'единения в самом центре Европы, об'единения, гегемоном которого он мечтал сделаться.

Это поражение Франции произошло под влиянием сопоставления финансовых требований Америки и Англии, с одной стороны, и внутреннего финансового положения Франции, с другой.

Как известно, статья внешних военных долгов Франции составляется в основных цифрах из ее долгов Америке в 4 миллиарда долларов и Англии — в 500 миллионов фунтов стерлингов.

Если даже не считать процентов на эти долги, то и основная сумма составляет колоссальную цифру. Пред'явление требований об уплате этой суммы является одним из наиболее эффективных рычагов воздействия, как Америки, так и Англии на поведение Франции. Независимо от этих основных долговых обязательств Франция, еще при кабинете Пуанкаре, приняла на себя новые, получив от группы Моргана заем в 100 милл. долларов. Эта сумма была необходима Пуанкаре для спасения начавшего свое стремительное падение франка. Благодаря этому золотому вливанию франк был на некоторое время стабилизирован, но результатом этой помощи явилось обязательство, данное Пуанкаре, принять план Дауэса, против которого он первоначально восставал.

В сентябре этого года истек срок указанного займа, но финансово-бюджетные рессурсы Франции отнюдь не дали ей возможности уплатить занятую сумму. Группа Моргана постановила отсрочить Франции уплату этого займа. По непроверенным, но достаточно вероятным сведениям, эта же группа дала Эррио на Лондонской конференции обещание предоставить новый заем в 150 милл. долларов.

Трудно думать, чтобы, как отсрочка уплаты первого займа, так равно и получение второго — не были обусловлены серьезными обязательствами со стороны Франции по отношению к американскому капиталу.

Недаром целый ряд органов французской печати обвиняет Эррио в том, что он подчинил экономическую жизнь Франции влиянию американских финансовых кругов.

Эта констатация, несомненно, правильна. Остается лишь прибавить что подчинение французской экономики американскому капиталу является ценой за возможность осуществления попытки покрыть 8-миллиардный дефицит (в бум. франках) Франции в 1924 г., равно, как и залатать наиболее насущные и первоочередные ее финансовые нужды.

Будет ли осуществлен «план Герли» в отношени Франции, или финансовые круги Америки (в соглашении, очевидно, с таковыми же кругами Англии) выдвинут какой-либо иной вариант,— остается несомненной потеря надежд, питаемых французским промышленным капиталом на утверждение своей гегемонии в Европе.

Кульминационным пунктом этих надежд явился момент захвата Рура и Рейна в январе 1923 г.

Лондонская конференция августа 1924 года констатировала нисходящую линию мечты французского капитала о промышленной гегемонии в Европе. Вместо нее он стоит перед собственным подчинением англо-американскому капиталу.

Конечно, в ближайшее время французский промышленный капитал попытается отвоевать хотя бы некоторые позиции у своего соперника. Предстоящие в октябре этого года переговоры о торговом договоре между Францией и Германией дадут возможность французскому капиталу испытать свои силы и попробовать добиться непосредственно от Германии в той или иной форме осу-

ществления хотя бы укороченной программы франко-германского промышленного об'единения.

С другой стороны, поворот французской политики в сторону сближения с СССР диктуется теми же соображениями о «выпрямлении» своего экономического положения.

По этим двум направлениям и будет пытаться французский капитал отыграться и тем самым смягчить опасность, грозящую ему от применения плана Герли.

Какие последствия может иметь для СССР это наступление англо-американского капитала? Как мы указали выше, план Дауэса имел своей конечной целью направление германского экспорта на Восток. Когда в эпоху Каннской и Генуэзской конференций Ратенау выдвигал проект концерна для «оздоровления» России, думая с помощью этого концерна или, вернее, его прибылей уплачивать репарационные платежи, Германия еще почти не имела доступа на советскую территорию и могла указывать союзникам лишь на свой старый опыт и старые связи.

Теперь, когда после Раппальского договора прошло 2½ года, Германия имеет в своем активе серьезное развитие торговых связей с Советскими Республиками.

Недавно ликвидированный конфликт показал, насколько значительно то положение, которое занимает во внешней торговле Германии Советский Союз.

Развитие экспорта в Советский Союз делается, таким образом, одной из основных задач германской торговой политики.

К осуществлению этой задачи Германия, несомненно, и приступит с свойственной ей методичностью и организационной постановкой вопроса.

Поскольку это так, мы не можем не остановиться на предпосылках поставленной задачи.

В германской печати с некоторого времени утвердилось мнение, что Раппальский договор не оправдал возлагавшихся на него экономических задач. Бурного расцвета советско-германских торговых отношений не наступило.

Мы неоднократно указывали, что на пути этого бурного расцвета существовало два серьезных препятствия. Одним из них было отсутствие свободных капиталов на германском рынке в период 1922—1924 г.г. Вторым препятствием было нежелание германского народного хозяйства приспособиться и помириться с монополией внешней торговли Советского Союза. С большим трудом и величайшими организационными перебоями германские промышленники и торговцы уживались с новыми формами внешней торговли, созданными Октябрьской революцией.

С проведением в жизнь лондонского плана первое препятствие, как-будто бы, падает. Свободные капиталы на германском рынке появятся и их приложение в сторону советского народного хозяйства будет в известной мере обеспечено вышеуказанными особенностями проекта Дауэса.

Наоборот, второе «препятствие» — монополия внешней торговли — не только не исчезнет, но будет проявлять тенденцию к значительно большей сопротивляемости, нежели это имело место до последнего времени.

Проекты, направленные в сторону наводнения Советского Союза германским экспортом во славу союзного капитала, встретят на советской границе организованную плотину, в виде монополии внешней торговли.

Если германское народное хозяйство на опыте 2½ лет, прошедших с момента Раппальского договора, убедилось, что монополия внешней торговли является незыблемым законом народной хозяйственной жизни Советского Союза, то еще в большей мере оно должно будет помнить об этом законе после англо-американских кредитных вспрыскиваний.

Указав на то, что на советской границе германский экспорт неизбежно встретит монополию внешней торговли, и что следствием этой встречи явится стремление так или иначе преодолеть эту преграду, мы оставили открытым вопрос о том, кто же будет эту преграду одолевать.

Исходя из того обстоятельства, что активным проводником в жизнь плана Дауэса будет, несомненно, не германский, а англо-американский капитал, нельзя было не притти к выводу, что этот последний начнет планомерное наступление на этот органический институт советского народного хозяйства.

Представители англо-американского капитала дали доказательство правильности этого суждения.

Почти одновременно декларация Юза и меморандум исполнительного комитета «Ассоциации британских кредиторов России» открыли наступление по экономическому фронту против СССР.

Мы не будем останавливаться на декларации Юза. Ее оценку в части, касающейся СССР, дала уже наша общая печать. Однако, мы не можем пройти мимо того факта, что устами Юза американский капитал заявляет о своем нежелании вступить в деловую связь с СССР до тех пор, пока последний не примет его условий.

Таким образом, Юз формирует лишь негативную сторону вопроса, оставляя в стороне перечисление тех конкретных условий, принятие которых обеспечило бы, с точки зрения американского капитала, восстановление экономической связи с СССР.

Эту положительную формулировку дает меморандум английских банкиров.

Наиболее интересным местом указанного меморандума является абзац о монополии внешней торговли. Мы считаем его наиболее интересным пунктом всего меморандума, как потому, что открытое нападение на монополию внешней торговли является новым пунктом требований иностранного капитала, по сравнению с обычно повторяющимися в течение 7 лет (уплата царских долгов и возвращение национализированной промышленности), так и потому, что новое требование пред'является именно теперь, когда монополия внешней торговли СССР является одним из серьезнейших препятствий к проведению в жизнь плана Дауэса.

Несмотря на то, что иностранный капитал в продолжение всего существования монополии внешней торговли неоднократно при самых различных переговорах поднимал свой голос против этого института, он никогда еще так открыто не формулировал своих требований.

Меморандум британских кредиторов заявляет, что «признание монополии советского правительства на внешнюю торговлю в торговом и навигационном договоре, а также присвоение советским коммерческим представителям дипломатического иммунитета абсолютно исключает возможность, в случае ратификации договора, возвращения в Россию коммерсантов, прежде имевших дела с Россией, для возобновления там своей коммерческой деятельности. Не принято никаких мер, которые облегчили бы британским коммерсантам от'езд в Россию для открытия экспортной торговли из Англии, но эта торговля сделана монополией советского правительства».

Таким образом, первый рейд экономического наступления на СССР начался.

Разделяя задачу на отрицательное и положительное резюмирование вопроса, англо-американский капитал вступил в бой.

Не может быть никаких сомнений в том, что за этой первой рекогносцировкой последует более глубокое продвижение к аванпостам противника.

Вне всякого сомнения, наступление англо-американского капитала имеет в качестве одного из «эвентуальных фронтов» и СССР. Наступая на последний, американский капитал, выполняет одновременно двойную задачу: экономическую и социальную.

Удвоенную бдительность и удесятеренную энергию в подготовке отпора должен проявить СССР.

Г. Войтинский.

Интервенция в Китае.

За последние несколько недель Китай становится центром внимания борющихся сил мира. Коммунистический пролетариат Европы и Америки все больше и больше начинает сознавать значение подымающихся многомиллионных народных масс Китая, Индии и других колониальных и полу-колониальных стран. Империалистические державы, управляющиеся в настоящей исторической полосе через посредство либеральной буржуазии и оппортунистической верхушки рабочего класса, вынуждены всем ходом мировых событий, вопреки своим программам и заявлениям, обнажать свои захватнические стремления в колониальных странах. События в Китае, бурно развернувшиеся за последнее время, открывают страницу того фазиса империализма, когда он, облеченный в христианско-демократически-пацифистскую тогу, вынужден в этом облачении огнем и железом покорять массы трудового народа Востока власти финансового капитала.

Почти одновременно с Лондонской конференцией империалистов Европы и Америки, проходившей под знаком столь давно обещанного «умиротворения» Европы, и на которой штык Франции был заменен тяжелыми цепями американского капитала, началось наступление этих же империалистов на Дальнем Востоке.

Какие условия заставляют империалистов развертывать в настоящее время наступательные действия по отношению к колониальным и полу-колониальным странам, и, в частности, к Китаю? Почему осенью текущего года свершилась целая цепь событий, начиная с Судана и Марокко, Персии, Афганистана, и кончая выступлением империалистов в важнейших портах Южного, Центрального и Северного Китая, выступлением, характеризующим агрессивный импульс империалистов?

Три причины, по нашему мнению, являются основными в этом вопросе.

Во-первых, неудержимое стремление части группы победительниц после мировой войны — Англии и Америки — окончательно и всецело подчинить своему влиянию не только разбитые во время войны империалистические державы, но и своих бывших союзников. Если Лондонская конференция в конечном итоге означает усиление англо-американского влияния в Европе за счет французского, то происходящая в настоящее время борьба китайских милитаристов на Дальнем Востоке, ведется за ликвидацию влияния другого «союзника» Англии и Америки — Японии.

Такое стремление еще до сих пор не дало окончательную победу одной группы империалистов и окончательную ликвидацию влияния другой. Во всяком случае, такие результаты достигаются

не «мирными» конференциями. Но эти конференции, нарушая бывшие соотношения сил, еще больше обостряют противоречие между империалистами и приближают время вооруженных конфликтов. Мы имеем пример «мирной» Вашингтонской конференции в начале 1922 года, которая, расторгнув англо-японский договор, создала еще более обостренные отношения между основными противниками на Тихом океане — Америкой и Японией — и первым следствием Вашингтонской конференции была вооруженная борьба в Северном Китае между милитаристами японской ориентации, с одной стороны, и американской, — с другой.

Другая причина теперешнего наступления и интриг империалистов в странах Востока, — это рост освободительного движения в этих странах, каковому в немалой степени способствуют противоречия между самими империалистами.

И, наконец, третья причина, — это все больше растущая популярность СССР среди широких народных масс всего Востока. В данной статье остановимся на первой причине.

Борьба империалистов за Китай после мировой войны.

К моменту окончания мировой войны империалистическим гегемоном в Китае была маленькая островная Япония.

Незаинтересованный непосредственно в происходившей свалке на материке Европы, молодой, полнокровный японский капитализм устремился в Китай, обладающий углем и железом, в которм так сильно нуждалась Япония, не имеющая этих основных элементов сырья в производстве. Но не только эти богатства влекли Японию в Китай. Расцвет японского капитализма после японско-китайской войны в 1894 г., когда Япония получила Формозу и влияние в Корее, увеличивает аппетит японской бюрократии и монопольного капитала, находившегося под протекцией правящей клики крупных землевладельцев и милитаристов. И это ведет к борьбе между царской Россией и Японией в 1905 году, в которой, как известно, Англия помогла Японии. Русско-японская война, несмотря на вмешательство Америки в лице Рузвельта в пользу России, все же дала Японии огромные преимущества на Тихом океане. Япония получает Ляодунский полуостров, который был арендован на 25 лет, начиная с 1898 года, царской Россией у Китая. Вследствие этого, в руки Японии переходит Порт-Артур и Дайрен,— два важных порта в Пичилийском заливе, создающих непосредственную связь с богатейшей Шаньдунской провинцией и главной провинцией Северного Китая — Чжили. Беглый взгляд на карту Азии достаточен, чтобы понять, какие огромные возможности развертывались перед Японией в результате русско-японской войны. Из Мукдена, главного города Маньчжурии, Япония получает возможность построить железнодорожную ветку до Порт-Артура и, таким образом, вывозить земледельческие продукты из Маньчжурии через свой порт Дайрен. Одновременно она строит дорогу Мукден-Сеул и соединяет центр Маньчжурии с центром Кореи, соединив свою сферу влияния в Китае со своей колонией — Кореей.

Имея такие «преимущества» в Китае до мировой войны, Япония воспользовалась ослаблением империалистического нажима в Китае; присоединившись к английской группировке, как бла-

годаря своему договору с Англией (1902 г.), так и понимая стоящие перед ней возможности поживиться за счет Германии, Япония отхватывает Шаньдунскую провинцию с прекрасным портом Циндао и с железной дорогой Циндао—Цзинань-фу.

Япония, однако, не удовлетворяется и такой сферой влияния. Ее надежды окрылены слабостью сопротивления Китая и затяжным характером мировой войны, и она уже в 1915 году, путем угроз, подкупов, провокаций, заключает тайный договор с китайским президентом Юань-Ши-Каем, по которому Китай должен был бы превратиться в полуколонию Японии. В этом договоре, известном под названием 21 требования, имеются пункты, согласно которым китайское правительство обязуется иметь японских инструкторов в армии, японских начальников полиции, японских советников в министерстве иностранных дел, не говоря уже о преимуществах для японских банков в угольной промышленности, в текстильной и т. д.

После нашей Октябрьской революции японские империалисты совершенно теряют чувство меры и всерьез начинают думать о захвате не только Китая и Маньчжурии, но и Монголии, и нашей Сибири, вплоть до Урала.

Под предлогом защиты пробиравшихся через Сибирь контрреволюционных легионов чехо-словаков, свергавших по дороге советскую власть, японцы высаживают десанты во Владивостоке, свергают там вместе с чехами в 1918 году советскую власть, пополняют свои десанты армией в 70—80 тысяч штыков, и посылают отряды на Кит.-Вост. жел. дор. в Харбин и другие станции этой дороги; одновременно они направляют свои отряды в Амурскую область, в Забайкалье (Читу), Иркутск и военную миссию в Омск к Колчаку.

Имея самое сильное влияние на центральное правительство в Пекине, Япония через племянника тогдашнего президента Китая Сюй-Ши-Чана, генерала Сю, проводит свою политику в Монголии, впоследствии (в 1920—21 г.г.) помогает бандам барона Унгерна совершать налеты в районе Троицко-Савска и в Иркутской губернии.

В таком положении, с такими планами застает Японию «мирная» Версальская конференция. Само собой разумеется, что разбойничья политика Японии по отношению к нашему государству, как и по отношению к Китаю, мало тревожила империалистов других держав, тем более, что по отношению к нам Япония действовала в рамках общеимпериалистического плана. Но ни Америка, ни Англия, ни другие «союзники» не могли мириться с тем, что Япония, воспользовавшись мировой войной, захватила исключительное влияние в Китае. И с этого времени начинается между империалистами борьба за Китай, вернее, за ликвидацию японского влияния в Китае.

Главным противником Японии в Китае выступают Соединенные Штаты Америки. Такое положение становится понятным, если вспомнить, что Америка ни до, ни после мировой войны не имела в Китае территориальных сфер влияния.

Америка рассматривала Китай, главным образом, как рынок сбыта, она стала ценить Китай, как место применения капитала лишь после мировой войны, когда миллиарды накопленного капи-

тала душили американскую промышленность в рамках Соединенных Штатов.

Но не меньшее значение, чем непосредственная торговля с Китаем и непосредственное помещение в нем капиталов, играли роль и стратегические соображения Америки.

С юга Китая, откуда на расстоянии двух дней езды, расположены Филиппинские острова (колония Америки с 1898 г), Америка лучше всего может контролировать эти свои владения и также наблюдать за базами английского империализма на Тихом океане— Гонконгом и Сингапуром. Из Южного Китая Америка лучше всего может сноситься с островами Голландской Индии, где находится нефть и резина, разрабатываемые англо-голландским капиталом, и куда устремляется за последнее время также американский капитал. Наконец, подобный способ сношения с Австралией из Южного Китая в перспективе также должен прельщать Америку, стремящуюся играть роль первенствующей державы на всем Тихом океане. Уже теперь огромные американские теплоходы регулярно плавают по Тихому океану, устанавливая торговые связи с важнейшими центрами на Тихом океане. Рейсы Сан-Франциско, японские порты Шанхай, Гонконг, Филлипинские острова и обратно, с этого года прочно устанавливались, и Америка ищет возможности заходить в китайские порты, минуя Японию.

Чтобы иметь свободные пути в Китае для наивыгоднейшего использования его, как рынка сбыта, места приложения капиталов и места, откуда лучше всего протянуть лапы на южную часть Тихого океана, Америка после мировой войны должна была раньше всего умалить значение там Японии.

И на пути к достижению этой цели Америка раньше всего стремится бить Японию в Китае рублем.

Весной 1920 года представитель американских и английских банков Ламонд прибывает в Китай с планами учредить банковский консорциум, т.-е. единый интернациональный финансовый центр для эксплоатации природных богатств в Китае и индустриализации страны по общему для всех империалистов плану. Америка, как самая богатая страна, понятно, играла бы в консорциуме первую скрипку. Эта попытка «мирного» разрешения американо-японских противоречий в Китае с самого же начала потерпела крушение. Японское правительство, повидимому, давшее на Версальской конференции принципиальное согласие на такого рода консорциум в Китае, в 1920 г., не смогло совладать с «общественным мнением» монополистов и военщины и повело ярую атаку против Ламонда в Китае, разоблачив перед китайскими массами угрожающую им опасность со стороны об'единенного выступления империалистов. Выяснилось, например, что, в виде залога под займы, которые консорциум будет давать китайскому правительству, или отдельным милитаристам, консорциуму будет предоставлено право взимания земельных налогов с китайских крестьян, и ему будет предоставлено, кроме того, монопольное право на взимание косвенных налогов с некоторых предметов потребления первой необходимости.

И так как в то время в Китае было правительство, составленное после борьбы между армиями Дуань-Ци-Чжуя, ориентировавшегося на Японию, и отражавшими интересы Англии и Америки Цао-Куня и У-Пей-Фу, победившими японо-фильскую группировку и поэтому некоторое время игравшими более или менее самостоятельную роль, то разоблачения Японии вынудили пекинское правительство, в лице тогдашнего министра иностранных дел В. В. Иен, написать открытое письмо Ламонду с требованием опровергнуть сведения захватнических планов консорциума. Ответ последовал в такой форме, что китайская общественность не имела ни малейшей причины сомневаться в истинных намерениях империалистов.

После срыва плана консорциума Америка выступает в Китае с требованием «открытых дверей», с одной стороны, и защиты китайского суверенитета, — с другой.

«Мирная» Вашингтонская конференция, о которой шла речь в продолжение всей второй половины 1921 года, собиралась Америкой под знаком защиты китайской суверенности и сокращения морских вооружений, а на самом деле с целью расторжения англо-японского договора, дабы изолировать Японию на Дальнем Востоке, и с целью ослабления ее влияния в Китае.

Известно, что Америка добилась своей цели лишь отчасти. Вашингтонское соглашение в феврале 1922 года, действительно, ослабило японское влияние в Китае, но далеко не настолько, как формально было поставлено на конференции.

Чтобы создать такое положение в Китае, которое соответствовало бы фактически формальной победе Америки на Вашингтонской конференции, необходимо было разгромить реальную силу в Китае, поддерживаемую Японией, и создать такое центральное правительство в Пекине, которое слушалось бы Вашингтона и Лондона, а не Токио. И, действительно, через несколько месяцев после Вашингтонской конференции в северной части Китая разыгрывается кровавая борьба между У-Пей-Фу (англо-американская ориентировка) и Чжан-Цзо-Лином (японская ориентировка). Эта борьба продолжалась до тех пор, пока не получил известный перевес У-Пей-Фу над Чжан-Цзо-Лином, перевес, достаточный, чтобы увеличить влияние в Китае Англии и Америки, однако, не настолько, чтобы ликвидировать влияние Японии. Такое положение отражало настоящее соотношение сил между Америкой и Японией в то время.

С лета 1922 г. политическая жизнь Китая по настоящее время полна борьбой между этими империалистами. Малейшее ослабление Японии в национальном или интернациональном отношениях немедленно вызывало выступление Америки.

Успешная борьба наших партизанских отрядов и Красной армии против японских ставленников на русском Дальнем Востоке — меркуловцев, дидерихсов, капелевцев и проч., и окончательная ликвидация белых и черных правительств в Приморской области, вынуждает Японию убраться окончательно с нашей территории, и это отражается на японо-американских отношениях в Китае. Америка становится более агрессивной, и в 1923 году она изгоняет китайского президента Ли-Юн-Хуана и ставит на его место орудие американского капитала — Цао-Куня.

Прошлогоднее землетрясение в Японии, сделавшее ее во много раз беднее и слабее, чем раньше, вызывает в Америке новые стремления быстрее ликвидировать японское влияние в Китае. И она ищет повода, чтобы начать эту ликвидацию.

События, развернувшиеся в Китае несколько недель тому назад, являются завершением борьбы в Китае между англо-американским и японским империализмом. Снова принимают участие в борьбе те же китайские милитаристы — Чжан-Цзо-Лин и У-Пей-Фу. Снова они дерутся у Шанхай-Гуаня, там, где территориально граничат сферы влияния Японии со стороны Маньчжурии, Америки и Англии, со стороны Чжилийской провинции.

Но в настоящее время антогонизм между империалистами в Китае более обострен, чем в 1922 году, хотя бы потому, что одна сторона много слабее другой, в то же время сами китайские милитаристы более вооружены и располагают большими армиями, чем раньше. Таким образом, настоящая борьба чревата, несомненно, большими опасностями, чем все столкновения, которые бывали в современном Китае до настоящего времени.

Пойдут ли империалисты в своей борьбе в Китае так далеко, чтобы вызвать такое обострение отношений между Америкой и Японией, которое предполагало бы уже теперь непосредственное столкновение между ними? Можно полагать, что борьба такого оборота не примет. Япония будет стремиться при напряженнейшем отстаивании своих интересов, избегнуть, однако, столкновения с Америкой. Американское правительство, которому предстоит через два месяца пережить президентские и общие выборы в стране, вряд ли захочет испытать теперь на вопросе о войне отношение к себе широких рабочих масс и фермерства.

Возможный исход настоящей борьбы в Китае нам рисуется в вооруженном перемирии в Китае, с некоторым перевесом в сторону интересов англо-американского империализма. Причем все перемирие делается за счет перекраивания сфер влияния, за счет интересов трудовых масс Китая и отчасти СССР, поскольку мы соприкасаемся с Китаем.

С каждым годом для империалистов все больше исчерпываются возможности изживать свои внутренние противоречия путем мирных конференций, вооруженных перемирий, группирования и балансирования политических сил на мировой арене.

События в Китае обнажат перед лицом мирового пролетариата, как истинные стремления империалистов, так и огромные опасности новой мировой войны на Тихом океане, где интересы мирового империализма перекрещиваются, запутываются больше, чем где бы то ни было. Малейшее ослабление одной из сторон, балансирующих теперь равновесие на Дальнем Востоке, неминуемо вызовет невиданную еще до сих пор свалку мировых империалистов.

Коммунистический пролетариат Запада и трудовые массы Востока должны зорко следить за событиями на Дальнем Востоке и быть готовыми к борьбе с империализмом.

С. Тимов.

Финансовый кризис и национально-освободительная и классовая борьба в Румынии.

Румынская буржуазия проходит через тяжелую полосу своего существования. Финансовый кризис, переживаемый страной, достиг в настоящее время таких чудовищных размеров, что грозит весьма серьезными последствиями. Одними из таких последствий являются, несомненно, и крестьянские восстания, которые, начавшись на юге Бессарабии, нашли себе отклик и в других частях страны. И совершенно права была одна видная буржуазная румынская газета, когда только на этих днях писала, что два момента определяют всю политическую ситуацию страны; 1) финансовый кризис и 2) отношение Румынии к СССР в связи с бессарабским вопросом.

1. Финансовый кризис.

Румынская буржуазия, стоящая на высоте своего положения в деле порабощения чужих национальностей и подавления рабочего и коммунистического движения, оказалась банкротом в области экономической консолидации страны. Нефтяной промышленности ей до сих пор не удалось восстановить. Экспорт упал, несмотря на то, что страна, увеличившаяся в результате войны в $2\frac{1}{2}$ раза, располагает большими рессурсами, чем до войны. В то время, как в 1913 г. было вывезено 4.568.740 тысяч тонн, в 1922 г. вывезли только 3.881.156 т. т. Подвижной состав жел. дор. также находится в неудовлетворительном состоянии: по данным на 1924 год, он на 50% дефективен. Сельское хозяйство определенно пошло на убыль и даже, по официальным источникам, производительность его упала на 18,5%.

За то, если мы обратимся к данным об эмиссии Национального банка, то мы увидим, что в то время, как в 1914 г. количество выпущенных кредитных билетов равнялось 400 миллионов лей, в середине сентября текущего года эта сумма достигла 18.841 миллионов лей. Рост эмиссии привел к сильному обесценению румынской валюты, с одной стороны, и еще большему росту цен, с другой. В этом обстоятельстве крылась опасность к р и з и с а с б ы т а, который и начал себя давать чувствовать несколько времени тому назад. Кризис сбыта привел к сокращению производства, которое

выразилось в закрытии фабрик и заводов и увольнении рабочих. В настоящее время безработица господствует во всей стране. Увеличение безработицы, еще больше уменьшило покупательную способность масс, следовательно, увеличило кризис сбыта. В Румынии 82% населения составляет крестьянство, но покупательная способность его еще ниже покупательной способности городского пролетариата. Это об'ясняется тем обстоятельством, что в росте цен на продукты промышленности и сельского хозяйства существует определенная диспропорция. Если мы, сравнивая цены, примем за сто цены, существовавшие 1-го августа 1916 г., то увидим, что к 20-му августа 1924 г. цены на сельско-хозяйственные продукты увеличились в 41,55, а цены на промышленные—в 48,05. В сентябре разница еще больше увеличилась. Эта диспропорция беспрерывно уменьшала покупательную силу деревни и увеличивала кризис сбыта отечественной промышленности, работающей, главным образом, на крестьянский рынок.

Правительство, для того, чтобы приостановить падение леи и рост цен, сильно сократило эмиссию. Сокращение же эмиссии создало сильные денежные затруднения кредитующейся промышленности. Банки оказались неспособными притти на помощь ей потому что, крупные из них, сросшиеся после войны с промышленными предприятиями, вложив в них все свои капиталы, сами оказались в весьма затруднительном положении. В результате, страна очутилась перед лицом *сильного денежного кризиса*, подобного которому Румыния еще никогда не знала.

2. Революционное движение крестьянства.

Первым, кто реагировал на этот кризис, явилось *крестьянство*. Мы уже указывали выше на диспропорцию (несоответствие), существующую в ценах на продукты сельского хозяйства и промышленности. Эта диспропорция растет беспрерывно. На основе этого несоответствия цен создался *разрыв между городом и деревней*. По сообщению газет, в некоторых местах крестьяне начинают отказываться принимать бумажные деньги и переходят на натуральный обмен.

Для того, чтобы спасти государственный бюджет, румынское правительство увеличило все тарифы. Железнодорожный тариф увеличен на 25%, некоторые таможенные пошлины на целых 100%. Это привело к новому сокращению вывоза, что, в свою очередь, вызвало новое падение цен на сельские продукты. Например, в Ардяле только за одну неделю стоимость ржи упала с 70—71 тысячи лей за вагон на 67—66 т.; картофель с 25 на 15 т. лей и т. д. В области животноводства, благодаря высоким таможенным ставкам и стоимости перевозок по жел. дорогам, начала удачно конкурировать с Румынией на международном рынке Юго-Славия. Америка, Аргентина и СССР выступают конкурентами Румынии на хлебном рынке. Таким образом, румынское крестьянство оказалось в весьма невыгодном положении. Финансовый кризис ударил, прежде всего, по его интересам.

Налоговый пресс в Румынии давит с особенной силой. Внутренний долг ее, по вычислениям одного румынского банкира, достигает в настоящее время 35 миллиардов, а внешний 5½ миллиардов золотых франков. Румынское правительство выкупило у помещиков земли, выдало им за них 15 миллиардов государственных обязательств и крестьянству приходится теперь расплачиваться за эту «экспроприацию». Но крестьянство ни в какой мере не удовлетворено земельной реформой. Прежде всего, не все крестьяне еще наделены землею. Лучшие участки земли отдаются чиновникам и ставленникам правительства. В Трансильвании правительство фаворизирует венгерским магнатам, в ущерб крестьянству. При этом в некоторых местах само крестьянство прогонялось из своих владений, а экспроприированная земля передавалась промышленным предприятиям. В старом королевстве землею наделялись лица, не имеющие на то права. В Буковине наделенные землею крестьяне, были вновь экспроприированы, при этом специальным законом были возвращены бывшим собственникам леса. Злоупотребления на этой почве происходили, понятно, и в Бессарабии; все это служит источником недовольства и возмущения крестьянства. В старом королевстве крестьянские частичные вспышки происходили часто, но они быстро подавлялись. За то широкий характер крестьянские волнения принимают в новоприсоединенных провинциях. Здесь к источникам общего недовольства прибавляется недовольство на почве национального и политического гнета. В силу своих центробежных стремлений, режим угнетения великодержавной румынской буржуазией здесь особенно силен, администрация здесь особенно подкупна, произвол жандармерии, господствующей в деревне, более велик, чем где бы то ни было. *Социальный гнет в новоприсоединенных провинциях является одновременно и национальным*, а крестьянское движение, вырастающее: 1) на почве обострения отношений между городм и деревней в связи с финансовым кризисом и 2) на почве недовольства способом разрешения аграрной проблемы и с целью, поэтому, захвата и раздела земли и инвентаря,—*вырастает из чисто социального движения в движение за национальное освобождение от господства иностранной буржуазии.*

Крестьянское движение началось в *Бессарабии* и носило глубоко социальный характер. Крестьяне *провозгласили советскую власть*, которая, например, в Татар-Бунарах просуществовала три дня. К движению, прежде всего, присоединился сельский пролетариат, в то время, как против восставших крестьян выступила армия и местное немецкое кулачество, что сообщило движению характер *гражданской войны между различными классовыми группировками*, с одной стороны, и *национальной борьбы против иностранных оккупантов*, с другой.

Несмотря на то, что революционное движение крестьянства было подавлено в крови, на него, спустя немного времени, откликнулось крестьянство *Добруджи*. Добруджа—это бывшая болгарская провинция, в которой революционные традиции четничества еще не изжиты. Добруджскому крестьянству живется не лучше бессарабского. Румынское правительство особенно сильно восстановило против себя эту часть крестьянства, так называемой, колонизацией. Румынская олигархия, не чувствуя под собой сильной почвы на периферии, населенной чужими национальностями, старается заселить эти провинции румынами. Но так как румынские крестьяне также не представляют сильной гарантии для румынской

буржуазии, то она предоставляет землю на границе, отбирая ее у местных крестьян, так называемому «национальному элементу», т.-е. бывшим солдатам, офицерам, отличившимся в последнюю войну, чиновничеству и пр. Эта колонизация особенно практикуется в Добрудже, вызывая недовольство местного крестьянства. Судя по телеграфным сообщениям, именно на этой почве и возникло крестьянское движение в Добрудже.

3. Обострение классовой борьбы и пролетариат.

Крестьянское движение является, конечно, признаком обострения классовой борьбы в Румынии. К сожалению, разрыв между городом и деревней, пробуждающий отсталые массы крестьянства к борьбе, происходит в тот момент, когда городской пролетариат менее всего способен притти на помощь крестьянству. Реакция, существующая в стране, не дает возможности компартии проявить какую бы то ни было легальную деятельность. В настоящее время, наиболее крупные промышленные центры находятся на осадном положении, которое ставит фактически нашу партию вне закона. В Бухаресте, например, существуют два приказа: № 1 и № 2, на основании которых можно предать суду любого человека, неугодного правительству. Вот некоторые выдержки из них:

> «Ст. 1. Будут подвергнуты наказанию, предусмотренному ст. 78 уголовного кодекса (заключение в тюрьму на 5—10 лет, а при смягчающих вину обстоятельствах, минимум на один год):
>
> а) Всякий, кто будет проповедывать письменно или устно изменение формы правления или уничтожение, или изменение силою законов и основ государства. b) Всякий, кто присоединится к агитации за какой-нибудь из перечисленных поступков. Существующие общества, преследующие подобные цели, будут распущены. c) Всякий, кто примет участие на каком-нибудь собрании, преследующем пропаганду этих поступков. d) Собственники, которые по доброй воле предоставят залы для устройства собраний и лекций. e) Всякий, кто напечатает на машине, шапирографе, напишет, издаст или распространит книги, брошюры, газеты, афиши или какой-нибудь другой материал, имеющий целью распространение вышеуказанных идей. f) На всякого, кто окажет какую бы то ни было помощь виновнику, будет возложена ответственность за один из вышеуказанных поступков, независимо от того, живет ли он в зоне осадного положения или нет. g) Всякий, кто будет вывешивать, выставлять или носить знаки или эмблемы, выражающие призыв или убеждения, противоположные законом и основам государства. h) Предусмотренные в этом приказе наказания, будут применены и к тем лицам, которые совершили поступки вне зоны осадного положения, но которые живут в этой зоне». (Приказ № 1).

Это настоящий кодекс белого террора в Румынии. Он издан специально для коммунистов и на его основании, в конце сентября месяца, в Бухаресте, военный суд судил 21 товарища за то, что они собрались создать кооперативное рабочее издательство. 16 из них были приговорены в общей сложности к 44 месяцам тюремного заключения.

При таком положении вещей, понятно, не может быть речи о какой-нибудь широкой деятельности. Партии приходится действовать подпольно. В последнем воззвании, нелегально выпущенном к крестьянству, партия раскрывает смысл происходящих сейчас в Румынии событий и предлагает свою программу в аграрном и национальном вопросе.

4. Перспективы классовой и национальной борьбы.

Однако, сколько бы буржуазия не загораживала себя драконовскими законами, ей не избежать своей судьбы. По всем видимостям, в ближайшем будущем классовая борьба еще больше должна будет обостриться. Румыния не так скоро выйдет из финансового кризиса, а когда выйдет, то только ценой уступок иностранному капиталу. Румынская буржуазия создала ряд ограничительных мер против иностранного капитала. Для того, чтобы получить у иностранных капиталистов заем и, таким образом, выйти из критического положения, румынская буржуазия вынуждена будет сговориться, в конце-концов, с иностранцами относительно их доли участия в деле эксплоатации румынского крестьянства и пролетариата. Сейчас намечается перспектива создания делового министерства из банкирских деятелей, которые и должны будут эту сделку произвести. Но новые займы—означают новые налоги, а усиленная эксплоатация отечественным и иностранным капиталом масс, вызывает нужду в еще более усиленном режиме, с целью подавления сопротивления этих масс. Пока буржуазия собирается это проделать в Бессарабии: увеличить жандармерию и «национальный» элемент. Поэтому, хотя, несомненно, что допущение в страну новых источников иностранного капитала, может уменьшить безработицу и вызвать экономическое оживление, все же столь же несомненно, что именно это оживление еще больше обострит противоречие классовых интересов.

Мы уже отметили, что классовая борьба в новоприсоединенных провинциях является одновременно и борьбой за национальное освобождение. В связи с событиями в Бессарабии, вопрос о последней снова всплыл на поверхность. Румынские публицисты зовут борющиеся партии забыть существующие между ними разногласия и об'единиться в общем деле «спасения» этой провинции. Румынская буржуазия уже не однажды давала пример классовой солидарности, несмотря на противоречие интересов отдельных клик,—перед лицом общего врага. Она, вероятно, не изменит себе и в данном случае. Но что характерно отметить в связи с этим вопросом, так это тот интерес, который буржуазное общество проявляет к создаваемой нами Молдавской Республике.

С точки зрения национальной политики нашей партии, выделение молдаванского населения, населяющего Приднестровье, в самостоятельную государственную единицу — не представляет из себя ничего из ряда вон выходящего. Однако, создание этой республики, в своей исторической перспективе, волей-неволей связано с бессарабской проблемой и румынская правящая олигархия сразу эту связь усмотрела. Официальные круги делают вид, что они очень довольны этим фактом, усматривая в нем косвенное признание (?) за Румынией ее прав на Бессарабию. Они выражают надежду, — устами премьера правительства, — что создание

республики будут способствовать установлению дружеских отношений между СССР и Румынией. Но неофициальная пресса не скрывает своего беспокойства и распространяют самые нелепые и чудовищные слухи о нарождающейся республике. По ее мнению, СССР, создавая Молдавскую Республику, строит козни против румынского господства в Бессарабии, мало того, стремится... присоединить к себе... всю Румынию (??). Так дословно писала одна бухарестская газета.

О чем свидетельствует все это? Да о том, что наша национальная политика, нашедшая себе осуществление и на берегах Днестра, сильно беспокоит румынских сатрапов. Ведя пропаганду на этой почве против СССР, румынская печать в то же время пропогандирует (об'ективно) идею национального самоопределения народов, за которую наша компартия в Румынии так жестоко поплатилась, когда его выкинула в русско-румынской конференции в Вене. Эта идея становится все более и более популярной, обнаруживая самую слабую сторону в господстве румынской буржуазии над чужими национальностями.

Пути социальной революции в Румынии, поэтому, будут итти по двум руслам: классовой и национальной борьбы. Оба они, в условиях современной румынской действительности, друг друга дополняют. Это обстоятельство и служит залогом победы над капитализмом на этом национальном участке мирового фронта.

Н. Петров.

Возврат к аграрному протекционизму.

В качестве подачки националистами за принятие законопроектов, связанных с планом Дауэса, германское правительство Маркса развертывает программу аграрного протекционизма. Конец 1924 года должен ознаменоваться проведением в жизнь законов об установлении высоких, «покровительственных», таможенных пошлин на ввозимые в Германию из-за границы сельско-хозяйственные продукты, в первую очередь—на хлеб (рожь, пшеница).

Подготовляемая ныне таможенная реформа восстановит, повидимому, почти во всех частях систему покровительственных пошлин, действовавшую до войны. Всем своим существом она направлена к защите интересов крупных сельских хозяев, что, конечно, торжественно именуется «защитой отечественного сельского хозяйства». Всей своей тяжестью она обрушится на широкие массы потребителей и в первую очередь—на рабочий класс, хотя продажные перья будут доказывать как раз обратное.

Сущность практиковавшейся до войны таможенной системы в Германии сводилась в отношении сельско-хозяйственных продуктов к следующему. Весь хлеб, который немцы должны были ввозить к себе из-за границы (так как собственное производство не удовлетворяло потребностям страны). при переходе через границу облагался таможенной пошлиной. Размер последней был очень высок, достигая, для пшеницы (с 1902 года) 5½ марок с двойного центнера; это составляло от 25 до 35% цены самой пшеницы.

Рожь и ячмень были обложены 5 марками дв. центнера, овес—4 м., кукуруза—3 м., мука 10 марками 20 пфен. Но эти ставки существовали лишь для продуктов тех стран, с которыми были заключены особые договоры о там. тарифе («конвенциональный тариф»). Прочие же страны, при ввозе своих хлебов в Германию, платили пошлину гораздо более высокую.

Результат был тот, что цена на хлеб в Германии поднималась выше, чем на мировом рынке, например, в Англии (где пошлины не было). В 1913 году пшеница в России (Рига) стоила 1 руб. 16 к. пуд, в Лондоне—1 р. 24 к. п., в Берлине же она продавалась по 1 руб. 50 к. п., т. е. на 34 коп. (на 30%) дороже, чем в Риге, и на 26 к. (или 20%) дороже, чем в Лондоне. Таким образом затруднялся ввоз в Германию хлеба из-за границы, и немецкие «сельские хозяева», т. е. помещики крупно-кулаческое крестьянство могли продавать свой продукт по более высокой цене, выручая дополнительную прибыль.

Эта дополнительная прибыль, конечно, не могла быть одинаковой из года в год. Когда был неурожай—она была большой,

достигла размера всей пошлины и выручалась легко: товару не хватало. «Хуже» было в годы урожая, так как вследствие сильной внутренней конкуренции цены падали; тут и пошлины недостаточно помогали. Дополнительная прибыль сельских хозяев сокращалась, они начинали вопить об угрозе сельскому хозяйству и т. д.

Германское правительство, состоявшее из юнкеров, т. е. из партии крупных земельных собственников, нашло способ еще более энергично помочь «нужде» сельских хозяев и дополнило таможенную систему особой, т. н. «системой ввозных свидетельств». Последняя дала возможность вывозить хлеб из Германии за границу, несмотря на то, что цены внутри страны были гораздо выше международных.

Достигалось это таким образом. Всякий экспортер хлеба из Германии при переходе через границу получал «ввозное свидетельство», в котором отмечалось, сколько и какого хлеба вывезено. Свидетельство давало право ввезти в Германию без всякой пошлины такое же количество хлеба из-за границы, причем закон 1902 г. разрешил беспошлинный провоз по «ввозному свидетельству» не только хлеба, но и ряда других товаров, как-то: кофе, керосина. То-есть, можно было проделывать следующую операцию: купить в Пруссии партию ржи по ценам гораздо более высоким, чем в Англии, и отправить эту рожь в Лондон для продажи по тамошним ценам; при вывозе хлеба через границу получить «ввозное свидетельство», на основании которого обратно из Англии в Пруссию можно будет провезти, не платя пошлины, кофе, керосин, или какой-нибудь другой хлеб; всякий импортер кофе и под. продуктов поэтому охотно мог купить «ввозное свидетельство», что и давало возможность экспортеру прусской ржи не только не понести убытка от продажи в Англии по ценам ниже себестоимости, но выручить прибыль.

Какой же из всего этого получался результат? Из Германии было выгодно вывозить хлеб даже тогда, когда заграницей он стоил значительно дешевле; разницу в цене можно было с лихвой покрыть продажей «ввозного свидетельства». Таким образом искусственно поддерживался усиленный вывоз хлеба заграницу, несмотря на то, что его внутри страны не хватало. Отсюда—еще более высокие цены на с'естные припасы, а для «сельских хозяев»—еще более высокие прибыли. Получалось парадоксальное положение: Германия, нуждающаяся в хлебе сама, вывозила его заграницу, при чем хлеботорговцы находили выгодным вывоз не только в страны с недостатком хлеба (Скандинавский полуостров, Великобритания), но даже и в такую страну дешевого хлеба, как Россия! Последние 6 лет перед войной через западную границу бывш. Российской империи ежегодно привозилось из Германии не менее 6—6½ милл. пудов. Эта цифра сама по себе не очень велика (наш вывоз до войны равнялся 750 милл. пуд. в год), но она показательна. Она ярко подчеркивает, как далеко ушло германское правительство в деле защиты интересов своих «сельских хозяев».

Итак, в отношении сельско-хозяйственных продуктов, так же, как и в отношении промышленных изделий, Германия перед войной отгородила себя от внешнего мира посредством стены высоких таможенных пошлин. Процессу углубления международного разделения труда были и с этой стороны воздвигнуты таким обра-

зом, препятствия. В странах, сравнительно мало пригодных для развития сельского хозяйства, последнее стало поддерживаться искусственными мерами. Благодаря «системе ввозных свидетельств», направленной в особенности к поддержанию ржаных хозяйств, дело дошло даже до того, что Германия стала экспортировать ржи больше, чем импортировать (1908—1913 г.г.).

Для нашей страны этот факт имеет очень существенное значение. Наше крестьянство преимущественно производит не пшеницу, которой питается буржуазная Европа, а рожь. Последняя же у нас ранее сбывалась в Германию, так как другие страны ее покупали слабо. Введение Германией высоких покровительственных пошлин, искусственное поощрение вывоза и препятствие ввозу ржи, суживают рынок сбыта этого нашего продукта. Поэтому вопрос о величине таможенных ставок для наших хлебов в Германии давно уже сделался предметом серьезных международных переговоров. В торговых договорах, которые придется заключать СССР с Германией и другими странами, нам придется не один раз еще возвратиться к вопросу о пошлинах на советский хлеб.—Речь идет о сужении или расширении рынка для нашего хлеба.

Защитники высоких хлебных пошлин в Германии утверждают обыкновенно, что при благоприятных условиях, т. е. при высоких пошлинах и высоких ценах, Германия может развить сельское хозяйство настолько, что оно будет удовлетворять потребностям страны. Достичь такого положения особенно признается желательным во избежание недостатка в хлебе в случае войны. Любопытно теперь отметить, оправдались ли на практике эти расчеты на достижение независимости от заграницы в области снабжения хлебом?

Несмотря на то, что за последнее десятилетие перед войной урожаи значительно повысились, усиленный ввоз хлебов, особенно пшеницы, попрежнему остается необходимостью. Рост продукции сельского хозяйства, под влиянием искусственно вздутых цен, несомненно, есть. Но он не поспевает за ростом населения страны.

Последнее увеличивалось следующим образом:

1870 г.	40.818	милл.	чел.
75 »	42.729	»	»
1880 »	45.236	»	»
85 »	46.858	»	»
1890 »	49.428	»	»
95 »	52.280	»	»
1900 »	56.367	»	»
05 »	60.641	»	»
1910 »	64.926	»	»

Увеличивающееся население потребляет все большее количество хлеба; «отечественное» производство его растет, но не менее быстро принужден расти и ввоз из-за границы. Нужно к тому же заметить, что собственная продукция зерна в Германии развивается почти исключительно за счет более интенсивной обработки земли, а не путем расширения площади посева—последнее осуществимо лишь в сравнительно узких пределах. Если мы сопоставим рост населения с увеличением собственной продукции, импорта и экспорта пшеницы, то получим очень показательную картину:

Года.	Население в милл.	Продукция.	Ввоз.	Вывоз.
		в миллионах тонн.		
1895	52.280	3.172	1.338	0.070
1900	56.367	3.841	1.294	0.295
1905	60 641	3.699	2.288	0.165
1910	64.926	3.861	2.344	0.281

Таблица, бесспорно, говорит о том, что «покровительствование» германскому сельскому хозяйству не освободило Германию от самой очевидной зависимости в деле снабжения хлебом от заграницы. За 15-летний период усиленного протекционизма собственная продукция пшеницы выросла лишь на 22%, а привоз ее из-за границы—на 80%. Правда, в отношении ржи дело обстоит несколько более благополучно: вывоз ржи на некоторую величину стал даже больше ввоза (начиная с 1908 г.),—но это об'ясняется особым премированием вывоза ржи, благодаря «системе» ввозных свидетельств». Продукция ржи и пшеницы, вместе взятых, увеличилась за период 1893—1903 г.г. на 37%, а привоз обоих этих хлебов вместе—на 71%. Хлебные пошлины не оправдали себя, как средство сделать Германию независимой от иностранного хлеба.

Тем не менее—вновь и вновь поднимается вопрос о возврате на путь аграрного протекционизма... В чем секрет этой idee fixe («навязчивой идеи»)? — германских сельских хозяев интересует самый факт высоких хлебных цен, а следовательно—высоких дополнительных прибылей и высоких цен на землю. Это их об'единяет под знаменем «защиты сельского хозяйства», это заставляет их, в блоке с финансовым капиталом, ратовать за протекционизм вообще. Речь идет о перераспределении национального дохода между различными классами при чем таможенные пошлины выступают как орудие этого перераспределения.

В особой работе, посвященной «таможенным пошлинам как фактору распределения» *), я произвел по возможности точную оценку тех переплат, к которым вынуждается потребитель той или другой страны под давлением таможенной системы своего отечества. Получились следующие любопытные цифры для Германии:

На	пшенице переплачивается	217,3	милл.	фр.
»	ржи »	315,0	»	»
»	ячмене »	328,8	»	»
»	овсе »	280,0	»	»
»	кукурузе »	30	»	марок.

А всего, таким образом, немецкий потребитель, в первую очередь, рабочий класс переплачивает на хлебе 171,1 миллиона франков, т. е. около 425 миллионов золотых рублей **). Действительная

*) Подготовляется к печати.

**) Исчисленные аналогичным способом переплаты для разных стран дали следующие суммы: Франция - 540 милл., Австро-Венгрия—366 м. фр., Италия 325 м. франк. Бельгия (3 фр. пошлина на овес)—18 м. фр., а все пять стран—2 миллиарда 394 миллиона золотых франков.

цифра переплат, вероятно, значительно выше, так как при вычислении приходилось из осторожности преуменьшать цифры. Итак, полмиллиарда рублей ежегодной дани — вот что означает германский аграрный протекционизм для германских «сельских хозяев».

Германская рабочая семья средней величины переплачивает на хлебе в среднем от 30 до 50 марок ежегодно, что при заработке около 1000 марок составит 3—5%. Таков размер того особого вида косвенного налога, который создается таможенной системой. Отличие его от прочих косвенных налогов заключается лишь в том, что только незначительная его часть поступает в казну (пошлина с ввозимого хлеба), большая же часть распределяется по карманам «сельских хозяев»—помещиков и кулачества, землевладельцев, хлеботорговцев-скупщиков и т. д.

Когда говорят, что высокие хлебные пошлины выгодны «сельскому хозяйству, то на первый взгляд кажется, что от вздорожания хлеба выигрывают все сельские хозяева. Не может быть ничего более неверного, чем подобное утверждение.

В Германии сельские хозяйства, по своей величине, на основании статистики 1895 г., могут быть разделены на следующие группы:

Разряды хозяйств по величине участка.	Число хозяйств-предприятий.		Количество годной для обработки земли.		Средний размер участка в гектарах.
	Абс. числа.	В %.	Абс. число в гектарах.	В %.	
1. От 0 до 2 гектар.	3.235.169	58,22	1.807.870	5,56	0,55
2. „ 2 „ 5 „	1.016.239	18,29	3.285.720	10,11	3,24
3. „ 5 „ 20 „	989.701	17,97	9.720.935	29,90	9,72
4. „ 20 „ 100 „	281.734	5,07	9.868.367	30,35	35,12
5. „ 100 „ и более гект.	25.057	0,45	7.829.007	24,08	313,16
	5.558.300	100	43.284.700	100	—

Первая группа имеет в лучшем случае 2 гектара на хозяйство. При урожае с гектара 20 квинталов пшеницы или 18 квинталов ржи эти хозяйства не смогут собрать более 12—15 квинталов, т. е. даже того количества, которое необходимо для собственного продовольствия и обсеменения. Всех сельских хозяев 1-й группы, три слишком миллиона человек, необходимо зачислить скорее в категорию покупателей хлеба, но уже ни в каком случае—не в категорию его продавцев. Вся первая группа прямо заинтересована в уничтожении высоких пошлин на хлеб, в понижении цен на последний; а эта группа одна составляет более половины всех сельских хозяев Германии (58,22%).

Вторая группа (1.016.239 хозяйств—18,29% всех сельских хозяйств Германии) имеет средний размер участка 3,24 гектара. Наиболее «охраняемые» культуры—пшеница и рожь—занимают

ежегодно 1—1½ гектара в среднем, что дает около 20—25 квинталов продукта. По покрытии семенного фонда (ок. 5 кв.) и фонда личного потребления (ок. 12—15 кв.), не остается для продажи почти ни одного фунта. Возможно, конечно, что хозяйства этой группы с предельным размером участка в 5 гектаров уже могут выбрасывать хлеб на рынок, но зато хозяйства меньшего размера, ближе стоящие к 1-й группе, а таких хозяйств — подавляющее большинство, этого делать не могут. Они скорее прикупают хлеб, чем продают его. Во всяком случае, группу в целом вполне можно считать нейтральной по отношению к хлебным пошлинам.

Третья группа обнимает «крепкое крестьянство», работающее на участке от 5 до 20 гектаров (в среднем 9,72). Здесь уже перед нами несомненно производство на рынок. Хозяйства этой группы ежегодно продают 30—60 квинталов хлеба и, таким образом, прямо заинтересованы в высоких ценах, так же как и следующие группы среднего и крупного землевладения. Чем выше группа по размеру своего участка, тем выше товарность ее продукта, тем в большей степени извлекает она выгоду из пошлин на хлеб. Все три последние группы обнимают 23½% всех сельских хозяйств Германии, т. е. меньше ¼; вот эта то ¼ и вопиет о «нуждах» сельского хозяйства и о необходимости для него протекционистской политики!

Итак, система аграрного протекционизма в том виде, как она практиковалась в Германии накануне войны, самым решительным образом влияла на экономическое положение двух противоположных классов страны. На одном полюсе—11¼ миллионов индустриальных рабочих с их семьями, плюс другие группы трудовых потребителей, вроде служащих, представители свободных профессий, карликовые хозяйства в деревне и т. д. Вся эта масса уплачивает ежегодную дань в полмиллиарда золотых рублей во имя поддержки и развития отечественного сельского хозяйства. Поддержки и развития большого не получается—сельское хозяйство по-прежнему не может покрыть потребностей страны. Зато получается совершенно несомненная сверх прибыль, текущая в карманы «сельских хозяев», т. е. их верхней четверти: помещиков и кулацкого крестьянства. Этот миллион хозяйств и составляет ту социальную группу, которая прямо и непосредственно заинтересована в высоких хлебных пошлинах и с интересами которой, в лице националистов и тевтонцев, ныне собирается считаться правительство Маркса-Штреземана.

Выступая против протекционизма, коммунистическая партия противопоставляет ему не программу фритредерства (свобода торговли), которая сама по себе есть политика одной из фракций буржуазии. Компартия выставит программу реальных классовых интересов—пролетариата и широких трудящихся масс. При этом она будет знать, что против нее активными защитниками аграрного протекционизма выступит лишь богатое меньшинство сельских хозяев. Германские юнкера попытаются, конечно, об'единить все крестьянство под лозунгом «защиты сельского хозяйства». Но компартия будет знать, что действительные интересы маломощного крестьянства не выигрывают от протекционизма; в классовых схватках вокруг протекционизма она постарается вывести широкие массы мелких крестьян из-под влияния кулацко-помещичьих верхов.

А. Стецкий.

Перед новым хозяйственным годом.

(Статья вторая *).

В предыдущей статье указывалось, что в связи с недородом при том строении цен и доходов, которые мы имеем теперь, нельзя надеяться на значительное, по сравнению с истекающим годом, расширение рынка для продуктов нашей промышленности. Те плюсы, которые получатся на стороне крестьянского рынка вследствие более высоких, чем в прошлом году хлебных цен, и в результате увеличения «товарности» крестьянского хозяйства, будут компенсированы уменьшением хлебных излишков крестьянства вследствие недорода и понижением спроса на продукты промышленности, в результате тех же более высоких хлебных цен, со стороны городского населения. В связи с этим остро встает вопрос о перспективах промышленности на предстоящий год.

Теперь ясно насколько пустопорожни были начавшиеся кое-где, как только выяснились перспективы неурожая, панические разговоры о том, что может быть неурожай заставит нас свернуть промышленность. О свертывании, конечно, не может быть и речи, так как емкость для промышленности товаров во всяком случае не меньше прошлогодней. *Действительная опасность заключается в том, что при данном существующем теперь соотношении цен на промышленные и сельско-хозяйственные товары сбыт первых натолкнется на пределы, которые не дадут возможности сохранить прежний темп развертывания промышленности.* С этой опасностью, которая грозит тяжелыми последствиями для всего хозяйства, необходимо прежде всего считаться и ее нужно устранить.

Даже при том темпе восстановления промышленности, какой достигнут теперь, мы не успеваем удовлетворять растущие культурные и хозяйственные потребности страны. Целый ряд этих потребностей и нужд населения и хозяйства остаются неудовлетворенными. В этом мы убеждаемся каждый день на каждом шагу. Вместе с тем, даже теперь промышленность не успевает поглощать рабочую силу, притекающую из деревень, и уменьшить безработицу.

Если промышленность останется надолго на том же уровне или темп ее восстановления серьезно замедлится — это несоответствие между потребностями страны и теми средствами, которыми она располагает, станет еще острее. Рост безработицы будет итти

*) См. „Большевик“

еще более быстро. Не только станет невозможным дальнейший под'ем заработной платы, но будет поколеблен уровень ее, достигнутый за последние годы. Вместе с тем, под угрозу будут поставлены и успехи, которых мы добились в области финансов, завоевания бездефицитного бюджета и твердой валюты. Одним словом— серьезное замедление роста промышленности грозит серьезными осложнениями для всего нашего хозяйственного организма и может сопровождаться острым кризисом всего народного хозяйства. *Основная задача экономической политики в предстоящем году будет состоять поэтому в том, чтобы обеспечить по крайней мере прежний темп роста нашей промышленности и предотвратить тем самым те болезненные последствия, которые влечет за собой остановка этого роста или замедление его темпа.*

Несмотря на трудность обстановки, эта задача не является неразрешимой и промышленность сама обладает средствами ее решения. Емкость рынка отнюдь не представляет собою какой-то абсолютной, не поддающейся изменению, величины. Она определяется строением цен и доходов и изменяется в зависимости от их изменения. Азбучной истиной является положение, что при данном уровне доходов емкость рынка, например, для предметов личного потребления будет тем уже, чем выше цены на эти предметы и тем шире, чем цены ниже. Поэтому, если при том строении доходов и том соотношении цен на сельско-хозяйственные и промышленные товары, какие существуют теперь, в той обстановке, которая создана недородом, — рынок для промышленных товаров не может быть сколько-нибудь значительно шире, чем в прошлом году—то при изменении этих соотношений, *при понижении цен промышленных товаров — емкость рынка для последних может быть расширена и сбыт промышленной продукции может увеличиться в тем большей степени, чем значительнее понижение цен.* Только при этом условии — более низких цен— крестьянство и городское население сможет пред'явить большой спрос на продукты промышленности и приобрести большую массу последних, чем это было в истекающем году. *Понижение цен промышленных товаров представляет, таким образом, в теперешних условиях единственное наиболее действительное средство расширения сбыта промышленной продукции, обеспечения в дальнейшем роста промышленности и безболезненного выхода из трудной обстановки предстоящего года.*

В действительности этого средства мы уже имеем возможность убедиться на деле. В прошлом году этим путем был не только ликвидирован осенний кризис сбыта, грозивший тяжелыми последствиями для всей нашей хозяйственной системы, но и вызван на некоторые товары увеличенный спрос в размере, превысившем их предложение, что привело к голоду на мануфактуру, махорку, сахар и другие товары массового потребления. Тем самым был дан толчек расширению производства — более значительному, чем это предполагалось составленными ранее планами — в текстильной

промышленности, например, приступлено к расширению производства на 30% выше первоначальных плановых предположений.

Необходимо заметить также, что расширение рынка для какой-либо одной отрасли промышленности, вызывающее соответствующий рост в ее производстве, означает увеличение возможностей сбыта продукции и дает толчек расширению производства в других отраслях, связанных с первой, и притом связанных далеко. Расширение производства текстильной промышленности, например, влечет за собой увеличение спроса на текстильное сырье— хлопок, шерсть, лен, на топливо, электрическую энергию, рабочую силу и проч. Эти отрасли точно также расширяют производство и пред'являют повышенный спрос другим; добавочное количество рабочих, привлекаемое на фабрики и заводы, пред'являет, в свою очередь, добавочный спрос на предметы личного потребления. Толчек, данный одной отрасли промышленности, расходится, таким образом, кругами по всей хозяйственной системе и вызывает соответствующее расширение производства и в остальных отраслях.

Укрепление советского хозяйства, которое явится в результате такой экономической политики, само по себе будет представлять большую победу рабочего класса. Однако, эта политика отвечает и более прямым, непосредственным интересам рабочих. Прежде всего, понижение цен на продукты промышленности, помимо всего прочего, представляет наиболее правильный способ компенсации рабочих за более высокие хлебные цены и сохранения прежнего уровня реальной заработной платы. Было бы тяжелой ошибкой со стороны рабочего класса отвечать на более высокие хлебные цены механическим повышением заработной платы, т. к. при настоящих условиях это вызвало бы рост цен на фабричные товары, противопоставило бы город деревне, привело бы к новому кризису сбыта и в конечном счете ударило бы по рабочему классу. *Лишь этот метод решения задачи — не путем повышения, а понижения цен — дает возможность избежать противоречий и затруднений, неизбежно возникающих при повышении цен, не только сохранить, но и укрепить, расширить связь промышленности с крестьянским хозяйством, и вместе с тем удержать достигнутый уровень реальной зарплаты, а в дальнейшем возможно и увеличить его.*

С другой стороны—расширение производства, которое явится результатом этой политики, скажется на *безработице*. Трудно сказать сейчас, возможно ли вообще будет приостановить рост безработицы в ближайшее время: это будет зависеть от темпа, каким пойдет дальше восстановление промышленности и сельского хозяйства. Ясно однако, что те условия, которые будут содействовать развертыванию промышленности, будут действовать, таким образом, и в сторону сокращения безработицы, во всяком случае, замедлять ее рост и облегчать ее бедствия. Пример той же текстильной промышленности, которая теперь при выполнении своей новой программы должна будет поглотить большую часть безработных текстильщиков, — достаточно показателен. *Замедление роста безработицы или даже ее сокращение, как результат указанного выше направления экономической политики, является вторым фак-*

том непосредственно улучшающим положение рабочего класса.

Разумеется, понижение цен нельзя провести механически, одними постановлениями или распоряжениями, так как это дало бы как раз обратные результаты: сокращение капиталов промышленности и сокращение производства. Понижение цен должно быть проведено за счет сокращения издержек производства, удешевления производства товаров — только тогда оно будет иметь реальное значение и даст все ожидаемые результаты. Здесь мы подходим к проблеме производительности труда, поставленной августовским пленумом ЦК партии. В эту проблему упираются теперь вопросы дальнейшего роста нашей промышленности, и смычки ее с крестьянским хозяйством, вопросы зарплаты и под'ема уровня жизни рабочего класса.

Проблема производительности труда не является связанной только с особенностями обстановки этих лет. Она представляет собою одну из основных проблем социалистического строительства в переходную эпоху. Осуществление социализма, особенно в такой отсталой, разоренной стране, как наша, невозможно без серьезных успехов в области производительности труда, без под'ема ее на более высокую, по сравнению с капитализмом, ступень. Социализма нельзя построить на устарелой допотопной технике, применяя первобытные способы организации труда, азиатски-расточительно расходуя рабочее время. Темп социалистического накопления, представляющего основное условие победы прогрессивных социалистических форм хозяйства над отсталыми товарно - капиталистическими, рост общественного богатства, являющийся основной базой — при диктатуре пролетариата — роста социалистической культуры — все это определяется в основном успехами развития производительности труда. Поэтому задача развития производительности труда является одной из центральных проблем экономической политики пролетариата в переходную от капитализма к социализму эпоху.

И в той хозяйственной обстановке, которая сложилась теперь, задача под'ема производительности труда становится, кроме того, неотложной, практической задачей дня. Она выдвигается со всей настоятельностью самой жизнью.

Расширение рынка, увеличение сбыта промышленной продукции возможно при сложившейся обстановке лишь путем понижения цен в результате удешевления производства. А последнее возможно лишь за счет увеличения производительности труда: общие статистические вычисления и данные конкретных обследований говорят о том, что именно низкая производительность труда является основной причиной дороговизны промышленных товаров.

Несмотря на то, что государственная власть находится в руках рабочего класса, что в его руках находится и промышленность и что рабочий класс, а не эксплоататоры, распоряжается своим трудом и продуктами этого труда, что введен восьмичасовой рабочий день — производительность труда теперь находится еще на уровне значительно более низком, чем это было до войны при помещичье-

капиталистическом строе. По чрезвычайно спорным средним статистическим данным она составляет от 70 до 75% довоенного уровня: по данным конкретных обследований отдельных предприятий — более точным и проверенным — она колеблется от 35% до 65% довоенной. Это значит, что 8-ми часовой рабочий день дает теперь меньше производственных результатов, чем давал не только 10—11-часовой дореволюционный рабочий день, но и чем давали 8 часов этого дореволюционного рабочего дня. Для получения того же самого производственного эффекта теперь приходится в общем затрачивать вдвое больше рабочего времени, чем раньше; другими словами то же количество рабочего времени, что и раньше, дает теперь в два раза меньший производственный результат. Конечно, по отдельным предприятиям имеются исключения из этого общего правила в виде более или менее значительных достижений в области производительности труда, но они не меняют общей картины. При таком состоянии производительности труда наши промышленные товары не могут быть дорогими.

Большими осложнениями угрожает также и отношение между ростом зарплаты и повышением производительности труда. Ряд бесспорных данных указывает на то, что в течение последних полутора лет рост зарплаты обгонял значительно рост производительности труда. В № 7—8 «Большевика» в статье тов. Краваля уже приведены соответствующие цифры: в то время, как средняя дневная зарплата возросла с октября — декабря 1922—23 года по январь 1924 г. на 40,7%, валовая выработка на один человеко-день возрасла за тот же период лишь на 18,8%. В течение первого полугодия 1923—24 г. никаких изменений в отношении между ростом зарплаты и производительности труда не происходило: оно продолжало оставаться прежним.

К каким последствиям приводят оба эти основные факта: низкий уровень производительности труда при сравнительно более высокой и продолжающей расти быстрее, чем производительность труда — зарплате, показывает маленький пример о взаимоотношении зарплаты и производительности труда в мартеновском производстве Надеждинского завода на Урале. В этом маленьком примере отражается целиком вся проблема *).

	1913	I кв. 1923/24 г.	II кв. 1923/24 г.	III кв. 1923/24 г.
Выработка мартена на 1 человека-час	3,06 п.	2,07 п.	1,96 п.	2,6
В процентах к 1913 г.	100%	68	64	86
Зарплата на 1 человеко-час.	13 к.	20,06 к.	22,17 к.	21,99 к.
В процентах к 1913 г.	100%	161	170	169
Зарплата на пуд мартена	5,87 к.	12,65 к.	14,11 к.	12,54 к.
В процентах к 1913 г.	100%	215	241	214

*) Данные работавшей недавно по этому вопросу на Надеждинском заводе специальной комиссии ВСНХ СССР.

Это положение ведет не только к тому, что мы вопреки завету Ильича дать деревне дешевый и доброкачественный продукт, даем ей дорогой и притом не всегда доброкачественный. Оно влечет за собою не только замедление, а возможно в некоторых случаях приостановку роста социалистического накопления, являющегося основным условием укрепления и развития в нашей стране социалистического ядра хозяйства, постепенной замены товарно-капиталистических форм. Оно, — если отношение между зарплатой и производительностью труда будет складываться и дальше точно таким образом, — может привести к тому, что ценность, вновь создаваемая рабочим классом, станет меньше той ценности, которую он получает в виде зарплаты. В таком случае рабочий класс возмещал бы часть зарплаты или за счет уже накопленных ценностей—т.-е. «проедал» бы накопленный ранее капитал, или возмещал бы часть зарплаты за счет крестьянства в виде ли налогов, через государственный аппарат, или в форме повышения цен товаров. И то, и другое означало бы не только крах новой экономической политики, разрыв союза между пролетариатом и крестьянством, но и крах всего дела строительства социализма.

Разумеется, все это пока лишь тенденция, которая не осуществилась в полной мере и не осуществится, так как ни партия, ни рабочий класс этого не допустят. Но тенденция эта чрезвычайно опасна и необходимо принять все меры к тому, чтобы ее парализовать. А парализовать ее можно в первую очередь и, главным образом, лишь путем поднятия производительности труда.

Имеется несколько основательных причин низкого уровня производительности труда. Прежде всего — устарелость и изношенность оборудования на большинстве наших фабрик и заводов. И раньше техника наших предприятий была значительно ниже, чем в передовых капиталистических странах. В течение десятка лет — за время войны и революции нормальный процесс восстановления основного капитала был прерван: замена изношенных и устарелых частей оборудования новыми более усовершенствованными почти не производилась. В результате мы имеем на многих наших предприятиях машины и технические приспособления, которые установлены иногда полсотни лет тому назад и которые давным давно нужно было бы сдать на слом. Это обстоятельство не может не отражаться сильнейшим образом на уровне производительности труда.

Необходимо дальше отметить также неполную нагрузку предприятий, при которой не всегда можно рационально и в полной мере использовать как рабочую силу, так и оборудование. Затем, — отсутствие стандартизации производства, специализации предприятий, установки их на выработку в каждом из них немногих продуктов, но зато в массовом масштабе.

Все эти причины нельзя устранить легко и в течение короткого времени. В значительной степени они связаны с общими условиями, в которых находится и работает наша промышленность и могут быть устранены лишь по мере ее роста и накопления в ней капиталов. Это не значит, однако, что улучшения в этой области теперь — невозможны. Они могут и должны проводиться по линии концентрации и увеличения нагрузки предприятий, перевода их на типовое массовое производство восстановления и улучшения оборудования.

Не менее, а, пожалуй, и более важными, чем перечисленные выше, причинами низкой производительности труда — являются недостатки организации труда на предприятиях и в связи с этим нерациональное и неполное использование рабочего времени. Обследования предприятий, произведенные по этому вопросу комиссиями ЦИТ'а, выявили в этом отношении картину, которая требует к себе самого серьезного внимания. Оказалось, что действительно затраченное на работу время составляет у некоторых групп рабочих от 20 до 30% рабочего дня. От 80 до 70% рабочего времени уходит или на совершенно бесполезную работу, которая иногда может быть устранена введением самых элементарных технических приспособлений или улучшений в организации и способах труда, или же свободное от всякой работы времяпровождение *). Нагрузка трех рабочих равна иногда нормальной нагрузке одного рабочего. Обследованием Надеждинского завода установлено по мартеновскому производству, что, например, вальцовщик барабана затрачивает в течение рабочего дня на основную работу лишь 1 час 42 мин., подручный у печи 1 час 43 минуты, кочережник у печи—1 час 6 мин. и, наконец, один из вальцовщиков барабана всего на всего сорок пять минут!

Ясно, что такое положение является в теперешних условиях, при нашей нищете и отсталости совершенно нетерпимым и что необходимо начать теперь же упорную работу — как в руководящих хозяйственных органах, так и на каждом предприятии — над тем, чтобы его изменить.

Одной агитацией, разговорами, резолюциями или административным наскоком этой задачи выполнить нельзя. Тут необходимо прежде всего тщательное деловое, всестороннее изучение условий, которыми определяется низкий уровень производительности труда и выработка деловых конкретных мероприятий по улучшению организации и способов труда, введению возможных при настоящих условиях технических приспособлений и улучшений, способствующих поднятию производительности труда. Работа в этом направлении должна вестись, как в руководящих хозяйственных органах, в ВСНХ, трестах, так и на каждом предприятии. Необходимо отмечать конкретно все деловые достижения в этой области и установить методы поощрения предприятий, организаций и групп рабочих за эти успехи и достижения.

Переход от агитации к делу — вот что необходимо теперь для того, чтобы добиться реальных результатов, которые укрепят советскую промышленность и все хозяйство нашего Союза.

---

*) См. напр. чрезвычайно интересные статьи т.т. Кутейщикова и Беспрозванного в № 2—3 „Организация Труда“ за 1924 г..

И. Краваль.

Производительность труда и перезаключение коллективных договоров.

В начале нового хозяйственного года нам предстоит большая кампания по перезаключению коллективных договоров, и от того, как будет проведена эта кампания в очень значительной степени будет зависеть тот успех, которого мы должны достигнуть в течение ближайшего полугодия на нашем хозяйственном фронте. Поэтому этой кампании должно быть уделено исключительное внимание и проведена она должна быть с полным учетом всей современной хозяйственной обстановки. Вопрос о величине заработной платы, при условии существования Советской власти, разрешается, главным образом, в зависимости от наших хозяйственных возможностей, учесть которые обязан каждый хозяйственник, каждый профессионалист и каждый рабочий.

Одним из важнейших вопросов, играющих сейчас значительную роль при характеристике нашего хозяйственного положения, является вопрос о несоответствии в темпе роста между производительностью труда и заработной платой, вопрос о расхождении между заработной платой и производительностью труда. Принципиальная сторона этого вопроса достаточно разработана и освещена в печати. По этому вопросу мы имеем совершенно точно установленную картину и как результат очень внимательного экономического анализа действительности — директиву пленума ЦК РКП(б)[1]). Должны быть приложены все усилия как со стороны хозяйственников, так и со стороны профессионалистов и всего рабочего класса в целом в сторону подтягивания производительности труда с тем, чтобы она догнала и в дальнейшем имела возможность систематически обгонять заработную плату, чтобы мы могли иметь такое положение, которое наблюдается во всяком развивающемся, двигающемся хозяйстве.

Другим вопросом, характеризующим наши хозяйственные затруднения, особенно в тяжелой индустрии, является вопрос несвоевременной выплаты заработной платы. Несвоевременность выплаты является элементов, с одной стороны, задерживающим возможность быстрого повышения производительности труда, с другой стороны, она указывает на то, что наши предприятия, особенно предприятия тяжелой индустрии, находятся в весьма тяжелых финансовых условиях. Заработная плата не выплачивается своевременно не потому, что хозяйственники не хотят этой заработной платы выплачивать, а потому, что хозяйственные возможности, столь узки, что предприятия, не имея финан-

*) См. „Правда“ № 201 от 5/IX с. г.,

совых ресурсов, принуждены ее задерживать. Это говорит за то, что простое увеличение заработной платы и накладных расходов на нее привело бы к еще большей задержке, еще большей несвоевременности в выдаче рабочим заработка.

Нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что денежной реформы мы окончательно еще не закрепили и что если-бы сейчас в большом количестве отраслей промышленности мы решили требовать увеличения заработной платы, то это с совершенной неизбежностью привело-бы при данных условиях к необходимости увеличения дотации этим предприятиям, а увеличение дотации также неизбежно должно прорвать наш бюджетный фронт и повести к срыву денежной реформы, вместо ее окончательного закрепления. Этого третьего, не менее важного обстоятельства, ни один хозяйственник, ни один профессионалист, ни один рабочий при предстоящем перезаключении коллективных договоров не должен упускать из виду.

Наконец, четвертый фактор связан с предстоящим и происшедшим снижением цен на продукты нашей промышленности. В течение последнего хозяйственного года, с октября по настоящее время, мы имеем снижение цен по всей нашей промышленности на 25,7%. В настоящее время предполагается по целому ряду отраслей новое снижение цен на продукты нашей промышленности. В этом снижении совершенно несомненно экономически заинтересован каждый рабочий, потому что оно при условии прежнего уровня номинальной заработной платы,—а на номинал заработной платы никто и не мыслит посягать,—является увеличением реальной заработной платы. Однако, здесь следует иметь в виду, что в текущем хозяйственном году снижение цен происходило не столько за счет уменьшения себестоимости продукции, сколько за счет снижения прибылей наших предприятий. Если же просмотреть по некоторым продуктам динамику их себестоимости, то мы увидим следующую картину: по данным Бюро Цен ВСНХ по Пресненскому тресту производственная обработка пуда пряжи № 32 в первом квартале стоила 20 р. 50 к., а во втором квартале уже 23 р. 10 к.—не снижение, а повышение. По Московскому Об'единению стоимость производственной обработки повысилась в те же сроки с 19 р. 4 к. до 19 р. 74 к.; по Иваново-Вознесенскому—с 12 р. 70 к. до 14 р. 32 к.; по миткалю двухпудному с 15 р. до 17 р.; по ситцу с 16 р. 65 к. до 17 р. 81 к. То же самое наблюдается и по целому ряду других трестов.

По бердичевскому, одесскому, таганрогскому и московскому кожевенным трестам в октябре 1923 года, себестомость пуда кожи была 40 р. 91 к., в марте 48 р. 20 к., мартовская себестоимость выше октябрьской себестоимости на 9,7%[1]). При таком положении, когда себестоимость продукции растет, дальнейшее снижение цен должно уже будет идти не за счет сокращения прибыли промышленности, а за счет разбазаривания основного и оборотного капитала нашей промышленности. И в настоящее время устанавливаемые хозорганами на 24—25 г. продажные цены по целому ряду отраслей промышленности ниже себестоимости продукции. Для иллюстрации приведем несколько примеров. Стоимость обработки пряжи, на 24—25 г. определяется в 14 р. 59 к., фактиче-

*) См. Выпуск Кожевен. Синдиката № 7—8.

ская же стоимость обработки для многих трестов равна была 23 р., а для некоторых выше 23 р. Те-же самые данные можно привести по Азнефти. Себестоимость пуда нефти в 23—24 г. за все первое полугодие была 34 к., а проект снижения цен исходит из себестоимости в 31,24 к. Себестоимость галош в октябре 23 г. по данным Бюро Цен ВСНХ составляла 2 р. 99 к. (Кр. Треуг-к), а в июне 1924 г. она поднимается до 3 р. 20 к. (по восстановительной калькуляции). Цена же на 24—25 г. устанавливается в 3 руб. Таким образом по целому ряду отраслей промышленности мы имеем такое установление сниженных цен, которое красноречиво говорит, что если мы не добьемся снижения себестоимости нашей продукции, то на хозяйственном фронте, в области этой важнейшей проблемы, важнейшей не только непосредственно для рабочего класса, но как проблемы, закрепляющей хозяйственную смычку между рабочим классом и крестьянством, имеющей, таким образом, колоссальное политическое значение, упремся в тупик. Если мы не добьемся перелома в смысле повышения производительности труда, в смысле сокращения накладных расходов, в смысле сбережения сырья и вспомогательных материалов, то совершенно несомненно мы или должны будем упереться в необходимость повышения сниженных цен, или поддерживать промышленность на дотационных домкратах, что, в свою очередь, в наших финансовых условиях способно подорвать твердость нашей налаживающейся финансовой системы.

Если мы не добьемся более или менее значительного снижения себестоимости продукции путем повышения производительности труда, то продажа промышленных товаров по ценам ниже себестоимости неизбежно вызовет разбазаривание основного и оборотного капиталов промышленности. А это не только подорвет всякую возможность путем постепенного переоборудования все более быстрым темпом повышать производительность труда, но способно создать угрозу подрыва основы нашего хозяйства в смысле закрепления современной системы и дальнейшего коммунистического строительства.

Эту железную необходимость снижения себестоимости продукции должен учитывать каждый хозяйственник, каждый профессионалист и каждый рабочий при предстоящем перезаключении коллективных договоров.

Наконец, последним фактором, характеризующим современное наше положение, является недород в целом ряде губерний, благодаря чему государство должно было бросить значительное количество средств на помощь пострадавшему от этого недорода населению. Эта помощь, которая в будущем, конечно, окупится сторицей, в этом году на нашем бюджете сказалась значительной тяжестью. Это указывает на то, что наше финансовое положение находится в напряженном состоянии, при котором дальнейшее требование помощи у государства со стороны кого-бы то ни было может привести к срыву нашего бюджета, к срыву твердой валюты.

Эти основные пять факторов, характеризующих современное экономическое положение, говорят нам о том, что при перезаключении коллективных договоров номинал заработной платы должен быть сохранен, но что у государства в настоящий момент нет возможности увеличить заработную плату путем увеличения номинала. Поэтому государство идет на увеличение реальной заработной платы путем снижения цен и большего требовать от него, не подрывая его экономической мощи, нельзя.

Увеличение номинальной заработной платы в настоящий момент грозило-бы тем, что фактически она не была бы увеличена, ибо оно неизбежно привело-бы к увеличению цен, к подрыву нашей хозяйственной мощи.

В связи с перезаключением коллективных договоров каждому хозяйственнику и профессионалисту необходимо хорошо продумать вопрос о системах заработной платы и о тех улучшениях, которые в этом смысле могут быть и должны быть сделаны.

То положение, при котором на целом ряде трестов, целом ряде предприятий процент приработка был строго ограничен, привело к тому, что рабочий не мог выявить и не выявлял полностью своей интенсивности.

Так, например, на Надеждинском заводе рабочие листо - прокатного цеха работали из 6-ти часов—только 4¾ час., потому что свою норму они выполняли в 4¾ часа, а последние 1¼ часа не использовались и в течение этих 1¼ часа железо в печах горело до тех пор, пока не приходила следующая смена. В результате железо перегорало и предприятие несло убытки, благодаря увеличению брака. Такие случаи, когда рабочие, ограниченные процентом приработка экономически не заинтересованы в выявлении возможной напряженности труда, очень часты.

Необходимо установление таких норм выработки, которые-бы соответствовали техническим возможностям данного предприятия. Здесь не обязательно, чтобы норма была такова, какой она была в 13 году, ибо это зависит от того, в каком положении находится данное предприятие, но максимальная норма выработки при данном состоянии предприятия должна быть назначена. После установления этих норм процент приработка по мере дальнейшего увеличения производительности систематически будет расти.

Примеров, указывающих на возможность увеличения нормы выработки, можно привести значительное количество. Для иллюстрации приведем один пример из докладной записки члена Уральского окружного комитета РКП, т. Гулина, который указывает, что в октябре месяце рабочие за сверловку ватер-жакетных кессонов получали оплату за 72 часа, а в настоящее время эта же работа выполняется тем же рабочим в 28 часов и при выполнении этой работы в 28 часов эти рабочие получают приработка 75%. Оказалось, что даже при почти в три раза увеличенной норме, приработок составляет очень значительный процент.

При использовании рабочего дня,—необходимо учесть колоссальную незагруженность рабочего дня не только основных рабочих, но главным образом, рабочих вспомогательных и здесь возможно проведение целого ряда таких же мероприятий, которые сделали бы возможным лучшее использование рабочего дня, как производственного, так и вспомогательного рабочего, путем перехода на неограниченную сдельщину. Лучшее использование рабочего на вспомогательных работах, возможно путем перехода к артельным работам, при которых рабочий получает не поденную плату, а заработную плату на всю артель за проделанную работу, независимо от того, сколько дней она будет работать. В данном

случае, подсобные рабочие, время которых загружено в очень незначительной степени, экономически будут заинтересованы в том, чтобы свое рабочее время использовать наиболее целесообразно. Между тем, современная оплата вспомогательных рабочих приводит к тому, что их рабочий день фактически сводится к 20—50% восьмичасового рабочего дня.

Такая система оплаты, даст возможность этим рабочим в большей степени выявить производительность их труда и позволит нашим предприятиям разгрузиться от того колоссального количества вспомогательных рабочих, которые часто являются тяжелым бременем для наших предприятий.

Нельзя сказать, что у нас все благополучно обстоит в смысле использования рабочего дня. В печати появилось значительное количество данных хронометража, которые говорят о том, что рабочий день не загружен в очень значительной степени. Все без исключения данные хронометражных обследований и анализ их показывают картину колоссальной незагруженности дня рабочего. Если взять на выдержку данные по Надеждинскому заводу в сорто-прокатном цехе, то там мы имеем категорию рабочих, рабочий день которых равен четырем часам. Из четырех часов рабочий фактически занят производственной работой 45 минут. Как массовое явление в сорто-прокатном цехе Надеждинского завода часть рабочего времени, фактически используемая на производство, колеблется от 1 ч. до 2 часов из 4-х часового рабочего дня. Все это говорит о том, что в смысле улучшения самой организации производства, так и в смысле увеличения интенсивности возможны очень значительные улучшения. Установленные нормы выработки далеко не всегда соответствуют технически возможным. Говорить о том, что мы имеем в настоящее время максимальные нормы выработки не приходится; нормы выработки должны быть пересмотрены. Пересмотрены в сторону приведения их в соответствие с техническими возможностями. Здесь нужно оговориться, что нормы выработки не должны быть пересматриваемы очень часто, по этому вопросу разногласий быть не может, но пересматриваться они должны, потому что закрепление раз навсегда общих норм выработки говорило бы о том, что мы вместо хозяйственного продвижения вперед будем стоять на одном месте. Сроки между пересмотрами должны быть длительными, чтобы рабочий был уверен в том, что если он приложит более усилий к тому, чтобы наиболее целесообразным образом использовать и оборудование и свою рабочую силу, то в следующем месяце успех его не будет ликвидирован новым пересмотром норм выработки.

Нельзя говорить и о, хотя бы, более или менее нормальном использовании сырья, оборудования и т. д. На целом ряде предприятий мы имеем очень непривлекательную картину. Можно привести колоссальное количество примеров, которые имеются у нас, когда небрежное отношение к оборудованию приводило к частичной, а иногда и общей остановке предприятия. А система оплаты труда не всегда соответствует тому, чтобы рабочий был заинтересован в том, чтобы использовать наиболее целесообразно оборудование, которое имеется налицо.

Очень часто рабочий получает приработок независимо от того, работает стан или стоит. Поэтому, мы и имеем целый ряд таких примеров, когда машина останавливается благодаря небрежному к ней отношению. Это говорит о том, что мы в смысле оплаты труда должны эту систему сконструировать таким образом, чтобы не только сознательные рабочие использовали свой рабочий день целесообразно, но чтобы и менее сознательные рабочие экономически были заинтересованы в максимальном использовании оборудования. Если нельзя положиться в данном случае на сознательность, то нужно чтобы сама система оплаты труда заставляла рабочего бережно обращаться с орудиями производства, потому, что мы не только терпим величайший ущерб от того, что не используем рабочую силу, но и от того, что небрежное отношение к орудиям производства приводит к колоссальным накладным расходам. На целом ряде предприятий, в качестве такой меры можно использовать систему прогрессивных расценок. Введение прогрессивных расценок имеет некоторые отрицательные стороны, но, с другой стороны имеет и ту положительную сторону, что при такой системе рабочий всегда будет стремиться к тому, чтобы в максимальной степени использовать оборудование и свою рабочую силу, чтобы получить при данных условиях максимальную заработную плату. В данном случае предприятие и государство в целом, достигает значительных успехов не только потому, что будет использовано полностью рабочее время, а, главным образом, потому, что будет полностью и рационально использовано наличное оборудование. Это максимальное использование оборудования даст нам возможность пойти гораздо более быстрым темпом к полному переоборудованию нашей промышленности. А при тех условиях, которые мы имеем в настоящее время, когда и оборудование и рабочая сила не используются полностью, процесс переоборудования будет происходить гораздо более медленным темпом, чем он мог бы происходить в действительности.

Из всей характеристики нашего хозяйственного положения и из характеристики того, в каком положении находится фактически использовывание рабочей силы и фактическое использовывание оброудования, мы должны сделать совершенно определенный вывод: в результате этой кампании по перезаключению коллективных договоров мы должны добиться такого повышения производительности труда, которое нам дало бы возможность подвести экономическую базу под дальнейшее снижение цен и при следующем перезаключении коллективных договоров перейти к увеличению заработной платы, не только путем снижения цен, но и путем увеличения номинала.

П. Александров.

К задачам партии в деревне.

(О крестьянских комитетах взаимопомощи).

Всем ходом экономического развития Советского Союза все более выдвигается на первый план наша работа в деревне, все более настоятельно требуют своего разрешения задачи руководства стихийными процессами деревенской жизни. Перед партией все более остро встает задача всестороннего охвата жизни деревни. Наряду с очередными боевыми вопросами (перевыборы советов), из поля нашего зрения, отнюдь не должны выпадать и наиболее длительные задачи по перестройке всего экономического уклада деревенской жизни; работа по кооперированию крестьянства, землеустройство и помощь в коллективизации сельского хозяйства ни на минуту не должны забываться, ибо здесь и только здесь кроется окончательное разрешение всех вопросов, связанных с особенностями экономического строя нашей деревни.

Одним из основных методов работы по регулированию возникающих в связи с НЭП'ом процессов хозяйственного расслоения крестьянства и одновременно по установлению хозяйственной связи города и деревни и под'ему производительных сил сельского хозяйства, является работа Крестьянских Комитетов Взаимопомощи. Будучи организациями, прежде всего, бедноты и среднего крестьянства и вовлекая в то же время в свою работу все население деревни, Крестьянские Комитеты Взаимопомощи помогают под'ему сельского хозяйства безболезненного обострения процессов расслоения деревни, без подчинения бедноты хозяйственной гегемонии кулачья.

Начало организации кресткомов было положено еще декретом от 14-го мая 1921 г. Тогда они получили задачу организовать в деревне, как общественную взаимопомощь, так индивидуальную помощь семьям красноармейцев, инвалидам, погорельцам, жертвам войны, сиротам; общественные запашки, поддержка школ, избчитален, яслей и т. д. XIII партийный с'езд, поставивший вопрос о расслоении деревни, не отбрасывая этих собесовских функций кресткомов, расширил их, включив в задачу кресткомов все дело усиления их влияния, организации простейших об'единений маломощных в кооперацию, путем предоставления им различных льгот, усиления их влияния, организации простейших об'единений маломощных вокруг наиболее доступных приемов общественного труда и содействия в «выдвигании маломощных на обще-деревенские, советские посты» *).

*) См. резолюцию „О работе в деревне".

Указывая на необходимость увязки работы Всеработземлеса с организациями взаимопомощи, XIII с'езд отметил необходимость всяческого содействия организации кресткомов со стороны Всеработземлеса «в целях облегчения и развития союза батрака и маломощного с середняком против растущей кулацкой верхушки». Наконец, последним документом о кресткомах является декрет от 28-го сентября с. г.

Кресткомы, бывшие до XIII с'езда по существу организациями социального обеспечения в деревне, определяются теперь, как организации маломощных слоев деревни, которые должны помогать в союзе с батраком и середняком разрешить социальные вопросы в деревне в условиях нэпа.

Вопрос о роли кресткомов и методах их работы может быть правильно поставлен и понят лишь под углом зрения общей линии крестьянской политики партии на настоящем этапе ее развития.

Прежде всего, кресткомы,—как по их задачам, так и методам работы следует отличать от комитетов бедноты периода военного коммунизма, хотя они, как комбеды, являются органами деревенских низов.

Комбеды были органами классового господства деревенской бедноты для непосредственного подавления в деревне всякого сопротивления кулацких верхушек, расширяющийся и на деревню пролетарской революции, установления в деревне пролетарской власти, которая и воплотилась в жизнь в форме деревенских советов.

После завоевания пролетариатом влияния в деревенских советах, основной задачей стала задача правильного отношения к среднему крестьянству. Это отношение было исчерпывающе охарактеризовано В. И. Лениным на VIII с'езде партии. Ленин тогда говорил: «Задача должна быть поставлена здесь совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплоататоров, победить их, низвергнуть, задача, которую мы ставили раньше... Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе... Той верхушки, которой в городе были капиталисты, здесь нет... Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры, в доказательство того, что «коммуния» лучше всего».

Нэп был целиком проектирован и построен на основе именно выдвинутого В. Лениным на VIII с'езде отношения партии к крестьянству. Основная задача — союз рабочего класса с крестьянством—делается при нэпе наиболее актуальной. Нэп, сам по себе явился ни чем иным, как системой методов и путей осуществления союза с крестьянством в области хозяйственного строительства, хозяйственной политики партии. При нэпэ мы имеем в полной неприкосновенности политическую власть пролетариата, союз пролетариата с крестьянством, единственно рациональную хозяйственную политику пролетариата, направленную своим острием в сторону укрепления союза с крестьянством — сочетание социалистического способа хозяйствования в области крупной промышленности, транспорта, крупной торговли, находящихся вместе с землей в руках пролетарского государства, со свободным развитием мелко-

буржуазного, мелкого крестьянского хозяйства, при неуклонном движении к постепенной социализации мелкого хозяйства через кооперацию, госторговлю, сельско-хозяйственный кредит, через его рационализацию и машинизацию.

Вполне понятно, что проблема расслоения деревни, борьбы с кулачеством и организации деревенской бедноты, поставленная перед партией в связи с наличием капиталистического развития в деревне, приобретает при нэпе совершенно иную постановку, нежели в период комбедов. При нэпе мы имеем классовое господство пролетариата в деревне в виде советов. Основная задача в этих условиях — правильное отношение к крестьянству в его основной массе — бедняков и середняков.

В чем же заключается проблема расслоения деревни в период нэпа и как увязывает партия разрешение этой проблемы в общей системе своей деревенской политики?

Прежде всего, факт расслоения деревни, усиление его бедняцкой и кулацкой групп, отнюдь не вносит сколько-нибудь принципиальных изменений в общее направление крестьянской политики партии, в ее ориентацию на союз рабочего класса с крестьянством. Крестьянство остается, и останется на целую историческую эпоху классом мелких деревенских хозяев, по отношению к которым единственно правильная политика пролетариата, стоящего у власти, может быть не подавление и экспроприация, а завоевание на свою сторону и перевоспитание в процессе хозяйственного строительства социализма методами нэпа.

При основном условии — сохранения союза рабочего класса с крестьянством, перспектива дальнейшего экономического развития деревни была намечена XIII с'ездом партии, как борьба двух линий этого развития социалистической и капиталистической. Первая линия — через укрепление кооперации — к постепенному увязыванию крестьянского хозяйства в русло социалистического хозяйства пролетариата.

Вторая линия — через расслоение деревни, через накопление труда и капитала — к капиталистической эксплоатации — к капитализму. Вопрос о победе того или другого направления развития решается борьбой социалистических элементов хозяйства с капиталистическими. Отсюда основная задача — укрепление и развитие деревенской кооперации, смычка госпромышленности с крестьянским хозяйством и проч. — как главное орудие в борьбе с развивающимся капитализмом. Отсюда — и решение вопроса о расслоении в общей перспективе социалистического строительства в деревне.

В соответствии с этой общей перспективой, перед партией встает задача—уже теперь приняться за регулирование хозяйственного и политического развития деревни в сторону общего под'ема сельского хозяйства, на основе самодеятельности низов деревни против капиталистических, кабально-кулацких зародышей.

Расслоение деревни, рост ее кулацких групп, быстро идет вперед. Кулак, с укреплением его экономической силы, делается активнее в своих эксплоататорских стремлениях, в нем соответственно пробуждается и политическая активность. С другой стороны, ухудшение положения бедноты, усиление ее эксплоатации вызывает ее на борьбу с кулаком. Перед партией встает задача реагировать на развивающуюся борьбу маломощных слоев деревни

с кулацкой верхушкой и, прежде всего, ввести ее в рамки общественной, советской организации. Не теряя из вида общей перспективы хозяйственного развития деревни, целиком сохраняя курс на укрепление союза рабочего класса с крестьянством, партия ставит перед собой задачу организации маломощных слоев деревни. Необходимость такой организации диктуется при этом именно интересами укрепления союза пролетариата и крестьянства. Политическая активность кулака, выражающаяся в стремлении завладеть деревенским советом и на основе своей экономической силы стать руководителем деревни, является угрозой этому союзу. Такой же угрозой смычке является беспомощное положение деревенского бедняка, подпадающего под экономическое, а наряду с ним, часто и политическое руководство кулачества, особенно понятное в условиях хозяйственного обнищания и тяжелого хозяйственного положения деревни.

Задачи кресткомов определяются сложившейся обстановкой в деревне — социально-политической и экономической. Политически важнейшим фактором здесь является наличие пролетарской классовой власти советов, обеспечивающей в общем и целом политику пролетарской диктатуры в деревне. Местами растущее кулачество, пролезая в советы, вкладывает в них свое классовое содержание и использует их в своих целях эксплоатации бедного и маломощного крестьянства. Крестком, как организация, руководимая беднотой и маломощными, является организацией, стоящей в союзе с крестьянским советом и одной из ее задач является борьба со всяческими попытками кулацкого засилья в совете. Эта задача формулирована и в декрете о кресткомах. Там говорится: для обеспечения интересов малоимущей части крестьянского населения, общество взаимопомощи ставит своей задачей выдвижение своих деловых кандидатов на советские и кооперативные посты». (Пункт 7. «и»).

Экономически, наряду с растущим кулачеством в деревне, происходит об'единение маломощных слоев, усиление эксплоатации бедноты.

Естественно, что кресткомы одной из своих основных задач должны ставить, как оказание помощи хозяйству бедняка, так и защиту его от эксплоататорских стремлений кулачества. Здесь выступает правовая помощь бедняку и маломощному, в деле распределения земли, квартирного вопроса, наблюдения за распределением различных льгот и т. п., и непосредственно индивидуальная помощь маломощному хозяйству. Но назначение кресткомов — не только собесовские функции, ибо социальное обеспечение, само по себе, еще не решает проблемы хозяйственного укрепления маломощных слоев деревни.

Совершенно ясно, что для хозяйства маломощного крестьянства, крестьянской бедноты есть лишь два пути: или к разорению, полной экспроприации кулаком, или к укреплению и развитию по руслу социалистического развития деревенской экономики. Задачей кресткомов является — ориентация на этот второй путь. Это путь вовлечения маломощных в кооперацию, организацию маломощных вокруг простейших форм общественного труда, организацию коллективных хозяйств и проч. Здесь, несомненно,—основное, главное русло, по которому должна пойти работа кресткомов. Этот путь, намеченный партией для крестко-

мов, облегчается и советским законодательством. Декрет дает кресткомам чрезвычайно широкие права: право приобретения и свободного распоряжения имуществом, право снимать в аренду землю, заключать займы. Декрет освобождает кресткомы от всех налогов, сборов и пошлин в их деятельности, направленной к поднятию хозяйства маломощных. Эта задача кресткомов, поднятие хозяйства маломощных — налагает свой отпечаток и на характер их организации, и на методы их работы.

Прежде всего, кресткомы, являясь по идее XIII с'езда партии организацией помощи и укрепления хозяйства бедняков и маломощных, по своему составу должны, в отличие от комбедов, об'единять не только бедноту, но и середняцкую часть деревни. Их задача — об'единять всю бедняцкую и середняцкую деревню против кулацкой верхушки. Такая постановка вопроса вполне оправдывается, как соображениями политическими, так и экономическими. Политически — чрезвычайно важен союз бедняка с середняком, как основной массой деревни, как тем ее слоем, союз с которым для пролетариата необходим с точки зрения политического укрепления советской власти. Экономически — бедняк маломощен, недостаточно силен для того, чтобы отказаться от совместной работы с середняком по поднятию крестьянского хозяйства. Успешность работы кресткомов по привлечению середняка, обеспечивается при этом и заинтересованностью самого середняка во взаимопомощи. В деревне дело идет о процессе расслоения, и сегодняшний середняк, завтра может стать бедняком.

Очерченная выше постановка вопроса, целиком отвечает общей политике партии по отношению к крестьянству, как к такой социальной группе, которая может быть подведена к социализму лишь методами длительного перевоспитания, убеждения и практического примера.

Таким образом, кресткомы, будучи организациями, руководимыми беднотой и маломощными, должны в то же время об'единять и середняка. Центр тяжести их работы, как мы видели, должен лежать в укреплении поднятия хозяйств маломощных, в *хозяйственной* их деятельности. Наряду с защитой маломощных крестьян от эксплоатации кулачеством, наряду с борьбой против всяких попыток этого кулачества пролезать в советы, захватывать в свои руки политическую власть в деревне, кресткомы, как мерами индивидуальной помощи, взаимопомощи, организации общественных запашек, трудовой помощи, помощи скотом и инвентарем, так и, главным образом, путем вовлечения в кооперацию, организации артелей, коллективов, машинных товариществ маломощных, должны будут занять видное место в хозяйственной жизни деревни. Это, однако, недостижимо без тесного союза бедного и среднего крестьянства. Поэтому, осторожное отношение к середняку, вовлечение его в работу кресткомов является одной из важных задач. Кресткомы должны стать организациями, которые, будучи одним концом направлены против кулака, другим должны быть направлены в сторону сотрудничества с середняком, отрыва его от кулака, привлечение его к борьбе с кулаком.

Наряду с хозяйственными задачами, в деревне перед кресткомами стоят и большие культурные задачи. Содействие в оборудовании, содержании и снабжении больниц, школ, детских домов,

очагов, яслей, столовых, изб-читален делают их центром культурной жизни деревни.

Весьма важно соблюдение правильных методов, как в работе партии по организации и руководству кресткомов, так и в работе их самих. Здесь, прежде всего, необходимо отказаться от административного давления и вмешательства советских органов в дело организации и работы кресткомов. Партия должна, завоевывая и оставляя за собой руководство кресткомами, придать работе кресткомов формы максимальной самодеятельности общественности, инициативы организованного в общество взаимопомощи крестьянства. Выборность сельских и волостных комитетов крестьянских обществ взаимопомощи и вовлечение всей массы крестьянства в дело взаимопомощи должны быть обязательно осуществляемы.

Большую роль могут и должны сыграть кресткомы и в связи с другим явлением в деревне — растущей общественно-политической активностью крестьянства. Кресткомы, наряду с другими общественными организациями в деревне (ОДВФ, Доброхим, Доброзем и проч.) должны стать точками приложения этой растущей активности, развития этой активности по советскому руслу.

Ясно, что работа кресткомов лишь в том случае будет стоять на должной высоте и отличаться гибкостью, необходимой для осуществления поставленных задач, если партия уделит им максимальное внимание.

Несомненно, что одной из больших опасностей для партии является возможность захвата со стороны кулаков руководства в кресткомах и вытекающего отсюда извращения их работы. Такая опасность существует, она неизбежна уже потому, что кулачество не может быть уничтожено в деревне, а могут быть подавляемы лишь его эксплоататорские или контр-революционные поползновения. Единственным противоядием кулацкому засилью в кресткомах может быть обеспечение в них партийного, бедняцкого руководства. Только повседневная работа партии в кресткомах, может дать это обеспечение.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

Марксизм и „Наша Заря“ [1]).

В № 4 „Звезды“ было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские кру\іи и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, „а не личной и злостной полемикой „Нашей Зари“ [2]).

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь о **ком**, а не о чем идет речь („Н. З.“ № 11, с. 47). Я возьму прямо журнал „Наша Заря“ **за год**—это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа—и постараюсь рассмотреть, **о чем идет** в нем речь.

Первый номер „Н. Зари“ вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском номере, г. Потресов провозгласил, что к числу „пустяков“ относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. „Ибо может-ли существовать, спрошу я у читателя—писал г. Потресов—в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвида-

1) „Марксизм и „Наша Заря“ была помещена в газете „Современная Жизнь“, выходившей в Баку в 1911 г. Всего вышло три номера (1—26 марта; 2—8 апреля; 3—22 апреля) в последнем и была напечатана настоящая статья за подписью В. Ильин. Газета выходила при ближайшем участии покойного Степана Шаумяна и „Авеля“—Енукидзе. В. И. написал для четвертого номера статью „о страховой кампании“ которая не увидела света (на 3-ем номере газета была прикрыта). После последовавших затем арестов и тюрьмы редакторов, архив газеты и эта статья по мнению т. Енукидзе должны были бы находиться в бумагах Шаумяна.

Примечание к настоящей статье В. И. Ленина, как и омещенным ранее в „Б-ке“, принадлежит тов. Вешкину.

2) В. И. Ленин имеет в виду заметку „Противоречие“. помещенную в указываемом 4 № „Звезды“ 1911 г. на 3 стр., в отделе „Обзор печати“.

ционное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого“ (с. 61) [3])

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по Геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что де „нет“, „на нет и суда нет“—невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая или одна сотая или какая угодно другая дробь Вопрос в том, **есть ли течение**, считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том есть-ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на **этот именно** вопрос тем, что „нет“, „ноль“. „ноль и есть ноль“, г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая „злостность“ (по меткому выражению обзора печати в № 4 „Звезды“) был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское „Возрождение“ в № 5, от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: „Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя,—мечта о восстановлении этой иерархии—в ее старом“ и т. д. „виде просто вредная, реакционная утопия“ (стр. 51) [4])

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом **виде**, а о старой **сущности**. Совершенно очевидно также, что вопрос о „ликвидировании“ нераздельно связан с вопросом о „восстановлении“. „Возрождение“ сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило **ту же** мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличать-

3) Цитата приведена из статьи А. Потресова: „О том, почему пустяки одолели „Критические наброски“. Н. З., № 2, 1910.

4) Речь идет о заметках В. Мирова „Журнальное обозрение“ в № 5 и 6 „Возрождения“.

ся не прямотой, а увертливостью, течения же, обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и может быть, продолжает считать себя таковым—в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке „Н. Зари“ он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что об'явил буквально „одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений“ „пресловутый вопрос о гегемонии (стр. 87). [5] Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос „пресловутым“, т.-е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года. Отмечаем этот факт—он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова будто о „гегемонии не будет и помину“ (стр. 88) при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень „будет достаточно радикально настроена против политических привилегий“ и т. д., „не проникнута резким националистическим духом“,— есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с „национализмом, именно очистка от него“ настроений, предположенных Базаровым и есть дело „гегемона“. Спешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, буржуазии, кстати сказать, есть такое же проявление влияния на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих,—бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие иногда годы. Бывают, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, об'являет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д., и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между „вчера“ и „завтра“. Марксизм требует ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии—в частности.

[5]) Статья В. Базарова: „О том, почему важные вещи кажутся иногда пустяками.

За Петербургом—Москва. За меньшевиком г. Потресовым—бывший большевик г. Базаров. За Базаровым—г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке „Н. Зари“ г. В. Левицкий пишет: „Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих)“ была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет **классовой** (курсив г. Левицкого) партией вступающих в свое историческое движение масс“. (Стр. 103) [6]).

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен **дух** всех писаний г. В. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего „Возрождения“, всей „Нашей Зари“—всего „Дела Жизни“. Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату В. Левицкого. Это—такая же „классическая“ фраза, как знаменитое Бернштейновское „движение—все, конечная цель ничто“, или как Прокоповическое (из credo 1900 г.): рабочим—экономическая, либералам—политическая борьба.

Г. Левицкий теоретически неправ, когда **противополагает** гегемонию—классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой **на деле** следует „Н. Заря“. Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Замарта и Бретано) понимают **классовую** рабочую партию так, как ее „понимает“ Левицкий. С точки зрения марксизма класс, отрицающий идею гегемонии или не понимающий ее есть не класс или еще не класс, а **цех** или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен „Нашей Заре“, то-есть течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности **этого** течения. В прошлом для сторонников этого течения была

[6]) Статья Левицкого „Ликвидация или возрожение“, „Н. З.“ № 7.

„гегемония“, в будущем ее не будет, не должно быть, а в настоящем. есть тот бесформенный аггломерат, который составляет круг писателей и друзей — читателей „Нашей Зари“, „Возрождения“, „Дела Жизни“ и который сейчас, в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности перехода от прошлой гегемонии к будущей бретановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой партии). Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства это прямо сказали его противники еще в 1908 году, за год до „Н. Зари“. Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое ликвидаторство [7]), то пусть он обратится к ответу, данному отрицательно ровнехонько два года тому назад. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую „Нашей Зари“, возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно. Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган.

Сказать: в прошлом гегемония, а в будущем должна быть „классовая партия“, значить наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом „гегемония“, то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно создание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до „класса“, никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не „видно“ на поверхности (г. г. Потресовы

[7]) Имеется в виду статья Маевского „Что такое ликвидаторство“, в № 11—12 „Н. З.“ 1910.

не видят или делают вид, что не видят его, потому что не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем „прошлое“, он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты обязаны, вопреки всем и всяким отреченцам отстоять ее идею в настоящем и будущем, — каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжает создавать, расширять, укреплять класс, укрепляет его отпор всем „проявлениям влияния буржуазии“.

Журнал же „Наша Заря“ за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса, но представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего нескольким классам „понятного“ потока, который свойствен всему трехлетию 1908—1910 годов и возможно, будет свойственен еще нескольким годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2—7 „Нашей Зари“. В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

Н. Ленин.

Л. Троцкий.

Избыток усердия.

В № 10-м «Большевика» тов. Вардин посвятил около пяти страниц моей книге «О Ленине». На этих пяти страницах сосредоточено столько теоретического вздора, политической фальши, нескладицы вообще, что можно говорить об установлении тов. Вардиным нового советского рекорда уплотненной путаницы. Следовало бы, пожалуй, пройти мимо этих пяти страниц, если бы не важность и значительность темы. Вот из уважения к этой последней я считаю необходимым привести важнейшие соображения тов. Вардина и показать чего они стоят.

I.

Автор цитирует мои слова: «Еслиб мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем», и заявляет, что в таком категорическом виде это утверждение не верно. «...Если партия восходящего класса данный благоприятный момент почему-либо упустила, — раз'ясняет Вардин, — то это не значит, что уже все пропало (!), что никогда (!!) более подходящая для захвата власти обстановка не повторится». Таким образом Вардин решается представить дело так, будто я считаю, что пролетариат каждой данной страны имеет возможность только один раз во всем ходе мировой истории сделать попытку захвата власти, подобно тому, как живые организмы один раз рождаются и один раз умирают. Совершенно непонятно, каким образом подобного рода чепуха может притти в человеческую голову! Может быть, однако, это просто неловкое выражение? Нет, Вардин подчеркивает, повторяет и усугубляет эту чепуху. «Троцкому кажется, — пишет он, — что один раз в жизни приходит «час» пролетариата, и если он этот «час» упустил, тогда прощай мечта о захвате власти. Это — политическая метафизика». Какая тут политическая метафизика? Тут нет материала и для метафизики, тут вопиющий вздор — и только. Но Вардин и на этом не успокаивается. «Свой метафизический «закон»,—продолжает критик, — об одном обязательном сроке для совершения переворота, тов. Троцкий применяет к Германии. Он рассуждает следующим образом. Большевики совсем не взяли бы власти, если бы не взяли ее в октябре 1917 г. Из всех (?!) его рассуждений вытекает, что немецкие коммунисты не возьмут более власти, ибо они не взяли ее в идеально благоприятный срок, — в октябре 1923 г.». Предел нелепости, как видит читатель, превзойден окончательно. Выходит, будто немецкий пролетариат, упустивший, по вине партийного руководства, классическую революционную ситуацию 1923 г., навсегда приговаривается к лишению прав на захват вла-

сти! Известно (всем тем, кому это известно), что Маркс в своей «Гражданской войне» обвинял парижский пролетариат в том, что он не сделал всех необходимых выводов из парижской коммуны и не захватил власти во Франции. С точки зрения, которую для меня так любезно, но неуклюже фабрикует Вардин, вытекает, что и французский пролетариат не может более надеяться на захват власти. Привлекши таким же методом историю чартизма, можно придти к выводу, что английскому пролетариату не видать власти, как своих ушей.

Но откуда же, откуда весь этот несосветимый вздор? Вардин пытается вывести его из единственной цитированной выше фразы: «Еслиб мы не взяли власти в октябре, мы ее не взяли бы совсем». Но о чем идет у меня речь? Я полемизирую с теми товарищами, которые теперь, несколько лет спустя, думают, что мы могли бы взять власть не только в октябре, но и три месяца или полгода спустя. Я утверждаю, что октябрь был уж, пожалуй, последним сроком, что дальше начинался отлив, и что если бы мы не взяли власти в октябре, мы не взяли бы ее ни на три, ни на шесть месяцев позже, «мы ее не взяли бы совсем». Эти последние слова относятся, очевидно, не ко всему течению человеческой или российской истории, а к той конкретной революционной ситуации, которая создана была войной и разрешилась сперва февралем, а затем Октябрем. Я спорю против того выжидательного фатализма, который считает, что если мы усиливались в августе, сентябре, октябре 1917 г., то мы еще более усилились бы к январю, февралю, марту 1918 г. Нет, говорю я, это не так. Революционная ситуация имеет свой момент высшего обострения, момент, который длится недели, но никак не годы, и после которого наступает резкое изменение соотношения сил в пользу контр-революционных классов, если революционный класс не с'умеет и не успеет овладеть властью. На эту тему, как известно, накануне Октября шла в партии ожесточенная полемика. Именно Ленин в последние недели перед Октябрем ставил вопрос так: *сейчас или никогда!* Вот несколько живых иллюстраций. 29 сентября Ленин пишет: «Не брать власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК,е, ограничиться «борьбой за орган» (Совет), «борьбой за с'езд», значит *погубить революцию*». Погубить революцию! Вечером 24 октября Ленин пишет: «Положение до нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно». Какая ужасающая метафизика! Неужели же если пролетариат не возьмет в положенный ему «час» власти, то этим самым он обрекает себя на гибель («смерти подобно»), ибо известно, что после смерти никто власти не брал. Дальше, в том же письме: «Нельзя ждать! Можно потерять все!! Как так: потерять «все»? Ведь мы слышали от Вардина, что упустивший срок пролетариат хотя и бывает бит, но зато крепко научается и тем самым становится способен к захвату власти.

Совершенно верно, что пролетариат учится из поражений, но учится он от тех именно, которые говорят ему: упущение революционной ситуации есть величайшее и опаснейшее поражение. Оно отодвигает революцию в неопределенное будущее. Два-три таких поражения в Европе, какое произошло в прошлом году в Германии, — и американский капитал может успеть на-долго приду-

шить Европу. Она и при этом когда-нибудь (например, после революции в Америке) воспрянет. Но лишь «когда-нибудь». А мы хотим, чтобы она воспряла теперь.

Против ультимативной постановки вопроса Лениным (сейчас или никогда!) решительно возражало известное письмо «К текущему моменту». «Глубокой исторической неправдой, — говорило это письмо, — будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсэров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелко-буржуазной демократией. Против этой губительной политики мы подымем голос предостережения». Письмо это было написано 14 октября, то-есть за две недели до октябрьского переворота.

Ленин вел беспощадную войну против того ложно-оптимистического фатализма, который политически означал выжидательную пассивность. Ленин ставил вопрос ребром: сейчас, немедленно, теперь же! Он, конечно, не создавал этим вардинского метафизического закона, в силу которого история на всем своем течении отпустила будто бы пролетариату каждой нации только один час на захват власти. Над таким ребяческим вздором взрослые люди вообще не останавливаются. Когда Ленин провозглашал: «сейчас или никогда», он имел в виду не исторический процесс в целом, а данную, живую, конкретную революционную ситуацию; пролетариат возьмет власть либо на данном этапе развития революции,— говорил он, — либо не возьмет ее вовсе. Если упустим момент, обстановка резко изменится к невыгоде для пролетариата, и нужно будет ждать неопределенно долгое время возрождения революционной ситуации. Та же самая мысль выражена мною в цитированной Вардиным фразе.

Еслиб я ограничился даже только этой единой фразой, и тогда ее нельзя было бы, без злой воли, понять иначе, чем она сказана. Но у меня есть к этой фразе дальнейшие пояснения, которые не только не оставляют места добросовестным сомнениям, но исключают самую возможность каких бы то ни было софистических истолкований. Я раз'ясняю далее (стр. 66), что если бы мы стали медлить и выжидать, масса отлила бы от нашей партии, потеряв к ней доверие, буржуазия получила бы передышку, и в результате «соотношение сил могло бы радикально измениться, и пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль». В неопределенную даль, т Вардин! Таким образом, здесь всеми буквами сказано, что упущение времени означало бы не то, что пролетарский переворот стал бы невозможен до окончания веков, а лишь то, что он отодвинулся бы на совершенно неопределенное время. Теперь, надеюсь, уж совершенно ясно, что весь этот великолепный «закон» насчет того, будто пролетариату один раз в истории предоставляется (господом-богом, что-ли?) возможность захватить власть, изобретен тов. Вардиным не только в противоречии со здравым смыслом, но и наперекор совершенно точному, ясному, недопускающему никаких лжетолкований тексту той самой книги, о которой наш обличитель метафизики рассуждает.

Теперь специально о Германии. Еслиб я даже совершенно нигде не высказывался по поводу перспектив немецкой революции, и тогда тов. Вардин не имел бы ни малейшего права приписывать мне те невероятные выводы, какие он разворачивает в своей статье. Но положение усугубляется тем, что я со всей точностью и конкретностью высказывался по этим вопросам в печати, и при том не раз. Я считаю необходимым привести две цитаты, которые, надеюсь, бросят необходимый свет и на вопрос о немецких революционных перспективах и на вопрос о полемических приемах Вардина.

В предисловии к своей книге: «Пять лет Коминтерна», помеченном 22 мая 1924 года, я писал: «Школа буржуазной реакции, надо надеяться довольно скоро заставит германский пролетариат в подавляющем его большинстве усвоить себе революционную ориентировку, на этот раз более определенно и крепко. Нужно всемерно помогать этому процессу. Нужно ускорять его. Но никак нельзя перескочить через его неизбежные этапы. Представлять себе дело так, будто ничего особенного не случилось, будто произошла лишь некоторая заминка и пр., было бы в корне неправильно и грозило бы величайшими ошибками стратегического порядка. То, что случилось, — не поверхностная заминка, а огромное поражение. Смысл его должен быть усвоен авангардом пролетариата... Революционный прилив, затем отлив, и новый прилив— эти процессы имеют свою внутреннюю логику и свой темп. Революции не только развертываются, — говорили мы, — революции организуются. Но организовать революцию можно только на основе ее внутреннего развития... Самая лучшая революционная партия не может по произволу вызвать новую революцию на второй день после поражения, как самый лучший акушер не может вызывать роды каждые три или каждые пять месяцев... Немецкому пролетариату нужно пройти через стадию восстановления и собирания сил для новой революционной кульминации, прежде чем коммунистическая партия, оценив обстановку, сможет дать сигнал к новому штурму...

Два величайших урока отмечают историю германской коммунистической партии: март 1921 года и ноябрь 1923 года. В первом случае партия приняла собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию; во втором случае она не узнала созревшей революционной ситуации и упустила ее. Это те предельные опасности «слева» и «справа», меж которых вообще проходит политика пролетарской партии в нашу эпоху. Будем твердо надеяться, что богатой боями, поражениями и опытом немецкой коммунистической партии удастся в нестоль отдаленном будущем провести свой корабль между «мартовской» Сциллой и «ноябрьской» Харибдой и обеспечить германскому пролетариату то, что он честно заслужил: победу»!

Примерно, через месяц после написания этой статьи, которая вошла также в мой сборник «Запад и Восток», я говорил на медицинском с'езде 21 июня 1924 года:

«После поражения 1905 года нам понадобилось семь лет, чтобы движение, под влиянием Ленского толчка, снова быстро пошло в гору, понадобилось двенадцать лет, чтобы вторая революция дала победу пролетариату. Германский пролетариат потерпел в прошлом году величайшее поражение. Ему нужен известный и при том значительный промежуток времени, чтобы переварить это поражение, усвоить его урок и оправиться от него, заново собрать свои силы, причем обеспечить ему победу коммунистическая партия сможет лишь в том случае, если полностью и целиком сама усвоит уроки прошлого года. Сколько времени понадобиться на эти процессы? Пять лет? Двенадцать лет? Никакого точного ответа на этот вопрос дать нельзя. Можно лишь высказать то общее соображение, что темп развития, в смысле радикального изменения политической обстановки, стал после войны гораздо более быстрым, лихорадочным, чем до войны... В этом и состоит глубоко революционный характер всей нашей эпохи, и этот характер заставляет нас делать тот вывод, что торжество контр-революции в Германии не может быть длительным».

Читатель, надеюсь, видит, что все это так же похоже на «метафизический закон», как литературные приемы тов. Вардина похожи на добросовестность.

Вот каким образом обстоит дело с основной, наиболее принципиальной «ошибкой», открытой в моей книге усердным критиком.

II.

В главе о Брест-Литовске я сравниваю отказ от подписания мира в начале 1918 г. с походом на Варшаву в 1920 г. И там и здесь руководящим началом было стремление дать с востока толчек европейской революции. В одном случае был расчет на то, что попытка немецкого милитаризма наступать на пролетарскую революцию, отказавшуюся от продолжения войны, чрезвычайно углубит революционные противоречия в Германии и ускорит их взрыв. В другом случае был расчет на то, что военный удар, нанесенный польской реакции, ускорит революцию в Польше и на запад от нее. Я говорю мимоходом в своей брошюре, что принципиальной разницы в подходе к вопросу в обоих этих случаях не было: и там и здесь политическая линия строилась под углом зрения международной революции. «Принципиальной разницы нет,—пишу я,—но есть разница в степени риска». По этому поводу тов. Вардин разражается олимпийскими громами: моя постановка вопроса есть, видите ли, «образчик чисто отвлеченного, формального подхода к вопросу, — без конкретного анализа, без учета конкретной обстановки». Давши свой «конкретный анализ», т. е. перечисливши кое-как условия, давно проанализированные и всем известные, Вардин приходит к тому выводу, что рисковать в условиях Бреста, значило «рисковать головой революции»; иное дело, говорит он, поход на Варшаву: «рисковать в данном случае не значит рисковать головой революции». Прекрасно, но ведь это именно и значит, что тут была разница в степени риска: в одном случае рисковали головой, а в другом только рукой или ногой (частью территории, например). Вооруженный до зубов своим конкретным анализом, Вардин лишь

пересказывает своими словами сказанное у меня в книжке на стр. 88-й: «...то, что знаменательно для Ленина в идее варшавского похода, — говорится там, — это—мужественность замысла. Риск был велик, но цель превосходила риск. Возможная неудача плана не несла с собою опасности самому существованию советской республики, а только ее ослаблению...». Таким образом, у меня совершенно ясно и точно сказано еще прежде, чем на Вардина снизошла благодать «конкретного анализа», почему риск похода на Варшаву, несмотря на обнаружившуюся несостоятельность этого похода, был законным революционным риском, и, наоборот, почему незаконным и недопустимым был риск неподписания брест-литовского мира, после того как все остальные политические рессурсы были исчерпаны. Ничего ровно тов. Вардин к моим соображениям не прибавил. Ему, очевидно, кажется, что я «ослабляю» или «смягчаю» ошибку, говоря, что принципиальный критерий был тот же в дни Бреста и в дни Варшавы. Но его опасения неосновательны. Если неправильное применение революционного критерия к конкретной обстановке грозит гибелью революции, то революции не легче от того, что критерий правильный. Разница лишь та, что человек с правильным общим критерием легче способен понять неправильность данного конкретного применения и, следовательно, научиться из собственной ошибки. Так, например, когда критик подходит к книге с маркисистским критерием, то, хотя он и не застрахован этим одним от ошибок, но с ним легче дотолковаться. Когда же критик подходит к книге с таким «критерием»: во что бы то ни стало найти ошибки, — то с такого критика взятки гладки.

Теперь самое главное. Формулу эту — разница не в принципе, а в степени риска — я даю потому, что она, как мне кажется, выдвигает вперед именно ту черту Ленина, которая в этом случае особенно ярко сказалась: не в каком-нибудь особенном принципиальном подходе Ленина к вопросу было тут дело, а в его чутье, в его глазомере, в его сметке, в его великой политической интуиции. «Доводы» вообще являлись у него в таких случаях потом. И хотя проверка «от разума» производилась глубокая и архитщательная, но первую, в большинстве безошибочную, наметку решения давала интуиция. Секрет гениальности (один из ее секретов) и состоит в гармоническом равновесии между подсознательным и разумом — при соответственной мощности обоих.

Но это вне интересов нашего критика. Он ищет не иначе, как фальшивого следа.

III.

На стр. 102 моей книги «О Ленине» рассказано:

«Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это «грабь награбленное», — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я. — или это выдумка?

— Да нет же, я как то действительно это сказал,—ответил Ленин, — сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал руками».

Негодованию тов. Вардина по поводу этого эпизода нет конца. Он напоминает, что этот рассказ уже вызвал в нашей печати «законнейший протест». Да и могло ли быть иначе? Ведь в сущности я почти — что покушаюсь — задним числом! — на экспроприацию экспрориаторов, на ликвидацию помещичьей и капиталистической собственности, на раскулачивание кулака. Вардин прямо говорит, что это есть «переоценка нашего прошлого». Так всеми буквами и напечатано! Буквально теряешься, с какого конца подступить к такого рода уплотненному вздору.

Подойдем сперва к вопросу политически. Отношение к процессу экспроприации, к ходу его, к методам его, — а ведь в этом именно и состоит «наше прошлое» — можно, казалось бы. определить на основании более положительных признаков, чем мои воспоминания о том, как Ленин в известный момент отнесся к той или другой собственной агитационной формулировке. Верно или неверно моя память передает мне весь рассказанный эпизод, — об это мы еще потолкуем, — но поистине непристойно говорить по этому поводу о «переоценке нашего прошлого». Переоценка — каким методом? Не таким ли, что я Ленина заставляю каяться в своих грехах по части экспроприации имущих? Или ваши слова о переоценке не нужно брать столь в серьез? Может быть вы не это желали выразить? Что же вы желали «выразить»? Свое невыразимое усердие?

Подойдем к вопросу психологически. Я писал свою книжку исключительно по памяти. Эпизод, который рассказан мною выше, имел для меня, как и для читателя, надеюсь, совершенно, так сказать, нейтральное значение: никакой по этому поводу полемики в партии не было, никаких разногласий, оттенков. группировок. Самый этот период и ленинская агитационная формулировка отошли давно в прошлое. Искать поэтому какой-либо политической тенденции в мимоходом рассказанном третьестепенном эпизоде — совершеннейшая бессмыслица, свидетельствующая разве лишь о том, до чего доходит у иных избыток усердия.

Подойдем, наконец, к вопросу лингвинистически *). Уже до Вардина мне пытались популярно об'яснить, что «грабь награбленное» — это тебе не латынь, а наше, настоящее революционное, большевистское и пр. Что Ленин воспользовался в известный момент фразой старика-агитатора, который, в ответ на обвинения большевиков в грабительстве, ответил: да, мы грабим награбленное, — это, конечно, в порядке вещей и целиком так сказать, входит в ленинскую методу. Однако же, делать из этого «программу» не годится. Это уж пустосвятство. Мы проводили в известный период политику красного террора. В ответ на кадетски-меньшевистские обвинения против нас в погроме интеллигенции, мы могли ответить: да, мы за красный погром против черного или белого. Допустимо ли это было? Думаю, что вполне допустимо. Но мы обошлись без такой агитационно - полемической формулировки, оставаясь при латинском терроре. Ничто не пошатнулось. Террор наш был настоящим большевистским террором...

*) Лингвистика—познание языков.

Это тебе не латынь! — вопят с запозданием на семь лет наши ух-радикалы. Но у Ленина, в подслушанной им формулировке, которая сама по себе имеет не погромный а агитационно-образный характер, нет, разумеется, ни малейшего намека на этакое ухарское отношение к латыни. Он говорит лишь, с иронией над противниками, о «переводе» с латинского языка. Да и откуда у марксиста взяться такому вот презрению к латыни, которое к лицу скорее вставшему на дыбы семинаристу или запорожцу. «Дурни были латинцы — поучал еще Тарас Бульба — не знали горилки». Экспроприация экспроприаторов — это ведь наша латынь, и при том вполне программная. Само слово программа ведь тоже латынь *). В названии нашей партии латынь играет не малую роль, ибо и коммунизм и партия латинского происхождения. Диктатура пролетариата — опять латынь. И эти выражения можно бы, пожалуй, с большим или меньшим успехом агитационно перевести на русский язык. Например, в ответ на буржуазные и меньшевистские обвинения, что у нас не диктатура, а самоуправство, что за нами не пролетариат, а чернь и пр., тот же Ленин мог, мне кажется, в какой-либо речи воскликнуть: да, мы за революционное самоуправство черни против векового самоуправства белой кости. Наши агитаторы могли бы эту фразу понести в массы, она вероятно, оказала бы свое действие. Но ни Ленин и никто другой этого выражения не употребил (не случилось), и мы обходились и обходимся при помощи латинского (латынь!) термина (латынь!) диктатура (латынь!) пролетариата (латынь!). Поменьше усердия! Поменьше пустосвятства!

Но как же все-таки с рассказанным мною эпизодом? Верен ли он? И в чем его смысл. Вардин доказывает невозможность этой беседы с Лениным на том основании, что я будто бы отношу ее к первым неделям после переворота, т. е. к тому именно времени, когда Ленин пустил в оборот формулу о грабеже награбленного. Это единственное соображение Вардина, которое имело бы вес, если бы я действительно относил беседу к первым неделям октября. Но нигде я этого не говорю, и мне непонятно, из чего Вардин вывел свое хронологическое заключение. Наоборот, слова Ленина: «я как-то действительно это сказал, — сказал да и позабыл», свидетельствуют о том, что беседа могла относиться только к более позднему периоду. Я не определял и не пытался определить сколько - нибудь точно момент, когда происходил этот разговор. Привел я его, как уже сказано, не потому, что придавал ему политический вес, а просто, как осколок воспоминаний, хотя бы и малозначительный сам по себе, но связанный с Лениным. Никто не может думать или требовать, чтобы память передала через несколько лет каждое слово и выражение с буквальной точностью. Я это тщательно оговариваю в своей книжке, указывая кроме того, что при писании воспоминаний я сознательно не пользовался никакими пособиями, источниками, справочниками и пр., иначе это

*) Во ограждение себя от возможных филологических громов (такие громы бывают иногда очень полезны для оглушения читателя) отмечаю, что я к „латыни“ отношу здесь и слова греческоoo происхождения: надеюсь, что под интересующим нас углом зрения эта тонкость не имеет значения.

был бы совсем уж другой метод работы, который требовал бы других масштабов и налагал бы другую ответственность. «Материалом для биографа» я назвал свои воспоминания в том именно смысле, что они почерпнуты только из памяти и не подвергнуты об'ективной проверке через документы, сопоставления с другими воспоминаниями и пр. Все это относится полностью и к разбираемому эпизоду. Но раз рассказанный мною по памяти маленький диалог подвергается столь тяжеловесной принципиальной оценке, то нужно сделать это уж как следует быть и, прежде всего, установить необходимые политические и, следовательно, хронологические рамки.

Первый период бури и натиска длился, примерно, от октября 1917 года до февраля 1918 года. Это был период Смольного. Разговор же происходил, как явствует из смысла его, значительно позже. С этим вполне совпадает показание моей памяти о том, что самый разговор происходил в Москве, не в Смольном, а в Кремле. Переломным моментом от первого периода ко второму явился февраль. Сопротивление эксплуататоров к этому моменту сломлено. экспроприация вчерне произведена, но учет и организация ужасающе отстали от экспроприации. Теперь выдвигаются новые задачи, новые лозунги: контроля, самодисциплины, учета, производительности труда. В центре внимания становится декрет о личной диктатуре на железных дорогах. По этой новой линии идут бои. Меньшевики обвиняют нас в восстановлении только-что разрушенной свирепой дисциплины. Левые эсеры поворачивают фронт против нашей трезвенности и узкого практицизма. Левые коммунисты протестуют против измены заветам Октября. 29-го апреля Ленин писал: «Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции...» (Собр. сочин. том XV, стр. 224). Ленин не отрекается, конечно, от лозунгов дофевральского периода, в том числе и от «грабежа награбленного», но для него они уже относятся к прошлому, они уже исчерпали себя. Повторять их теперь значит не просто играть в бирюльки, но делать дело другого класса. В заседании ВЦИК 29-го апреля, защищая лозунги суровой дисциплины и хозяйственного контроля, которые, по мнению критиков, будто-бы будут не поняты массами и отвергнуты ими, Ленин сказал: «Беднота крестьянская, которая ничего не выигрывает от грабежей награбленного, она на нашей стороне. Там наши лозунги пройдут. Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг — грабь награбленное... Пролетариат, масса крестьянства, разоренного и безнадежного в смысле хозяйства, индивидуального, будет на нашей стороне, потому что прекрасно понимает, что простым грабежом Россию удержать нельзя. Нам всем это хорошо известно, и каждый у себя на месте видит это и чувствует это». (Собр. сочин. том XV, стр. 249). Как видим, и здесь речь идет о грабеже награбленного, но уже по другой, можно сказать, по противоположной линии. Кто пойдет с нами, с нашими лозунгами? — оказывается, те, которые ничего не выигрывают от грабежа награбленного. Стоять дальше на программе «грабежа награбленного» могут только кулаки и их идейные представители. «Мы превосходно знаем и наблюдаем, как в деревнях понимают лозунг грабь награбленное», — понимают по кулацки, т.-е. на место старого грабежа закладывают потихоньку да полегоньку новый. Но мы, передовые пролетарии, знаем: «простым грабежом России удержать нельзя». В натиске на богачей и их богатство мелкий буржуа шел рядом с рабочим и даже нередко дальше и неистовее его. Но когда встал вопрос учета, контроля и организации производства, мелкий буржуа, в лице хотя бы тех же левых эсеров, встал на дабы. Здесь дороги уже расходились. Взбесившийся мелкий буржуа и впредь готов был признавать только одну программу: грабь награбленное. А передовой рабочий стал его за это понемножку расстреливать. Меньшевистская и полуменьшевистская печать злорадно показывала изо дня в день большевикам язык: ведь это же вы выкликали — «грабь награбленное», — ведь это же ваше евангелие, ваша программа; теперь вы не можете справиться с вызванным вами духом. А с другой стороны, левые эсеры и отчасти левые коммунисты говорили: завладевши властью, вы уже отказываетесь от «пламенных» лозунгов революции, а переходите снова на латынь: контроль, дисциплина, организация. Очень вероятно, к тому же, что некоторые благомыслящие, но не в меру усердные журналисты нашей собственной печати, продолжали трескотню на тему «грабь награбленное», тогда как задачи партийной политики успели уже радикально передвинуться в другую плоскость. Вот перед лицом всех этих явлений, разнообразных, но друг друга дополняющих, Ленин должен был с бешенством или, по меньшей мере, с ироническим отчаянием говорить о лозунге «грабь награбленное»: да, было в известный момент... сказал, и сказал правильно, но это — не евангелие, не на вечные времена, — не повторяйте, как попугаи... надо переучиваться; сейчас другие задачи...

Если представить себе, что приведенный у меня разговор происходил после только что намеченного знаменательнейшего перелома нашей революционной политики, то все окажется на месте, и все станет ясно, и политически и психологически, и даже лингвистически. Ленин не раз, с такой же вот досадой, с полуироническим отчаянием, с особым этаким выразительнейшим покряхтыванием отмахивался обеими руками от тех друзей и врагов, которые ему полемически преподносили его же собственные лозунги, формулы или просто выражения, в известных условиях и на известный предмет сказанные, но ходом вещей уже до дна исчерпанные. Словом, чем тщательнее и детальнее я сопоставляю расказанный мною эпизод с тогдашней обстановкой и с нынешними протестами недугов латинщины, тем больше я убеждаюсь в том, что моя память меня не обманула.

Единственное, что, на первый взгляд, непонятно в этом эпизоде и что, к слову сказать, критиком вовсе не замечено, состоит в том, что я не знал тогда (иначе не приходилось бы спрашивать) тех речей Ленина, в которых он говорил о «грабеже награбленного». Как это могло случиться и могло ли? Думаю, что

вполне могло. Времени на чтение газет совершенно не хватало. Сколько раз в те дни приходилось с изумлением убеждаться, что не знаешь фактов первостепенной важности. Помню, как жаловался однажды Владимир Ильич: «Если успеешь заголовки прочесть — и то хорошо!».

Таковы главные, принципиальные, программные возражения Вардина. Мы видели, чего они стоят. За вычетом этих трех моментов: «метафизического закона», «разницы в степени риска» и «переоценки нашего прошлого» (через латынь) — остаются совершенно неоформленные выпады, умысел которых гораздо яснее их обоснования. Так, Вардин находит у меня в книге «довольно прозрачные намеки, основная тенденция которых создать представление, что в решающие моменты только он, Л. Д. Троцкий, был с Лениным, что все, кроме него, колебались, ошибались, заблуждались». В этой небольшой фразе несколько неправд. Моя книга не есть ни история Октябрьского переворота, ни биография или материал для биографии всех руководящих участников Октябрьского переворота. Эта книга — о Ленине. О других, в том числе и о себе, я говорю постольку, поскольку мне это необходимо, чтобы выделить или оттенить ту или другую сторону деятельности Ленина или его личную черту. В этом без труда убедится всякий внимательный и непредвзятый читатель. В главах «Перед Октябрем» и «Переворот» речь идет о таком периоде, когда у меня не было никаких разногласий с Лениным. Выдумывать их задним числом для удовольствия т. Вардина, мне кажется, нецелесообразным. Мнимое разногласие насчет срока восстания, порожденное отсутствием Ленина из Петрограда, раз'яснилось в ходе событий полностью и целиком. Неправда, будто на основании моей книги можно сделать тот нелепый вывод, что я один (!) шел в этот период с Лениным: с ним шло подавляющее большинство партии и большинство Центрального Комитета. О борьбе Ленина с меньшинством ЦК я говорю лишь постольку, поскольку мне это безусловно нужно для характеристики ленинской работы того периода. Думаю, к слову сказать, что было бы более, чем своевременным, собрать и издать все важнейшие документы, характеризующие эту эпоху, и, прежде всего, протоколы апрельской конференции 1917 года. Думаю также, что пора теоретически проработать эту эпоху, — не для того, разумеется, чтобы показать, кто и как в Октябрьской революции путал, ошибался и уклонялся — такая цель была бы столь же мизерна, как и стремление «не касаться» Октября только для того, чтобы не напоминать о старых ошибках, — проработать Октябрьскую революцию на основании полного собрания материалов, нам нужно прежде всего для того, чтобы облегчить иностранным партиям совершение и х Октября.

В главе о Брест-Литовске я говорю о своих разногласиях с Лениным, о том, как они возникли, и какие изменения претерпели, опять-таки лишь в той мере, в какой мне это нужно для того, чтобы обрисовать путь ленинской мысли и ее напор. В главе о разгоне учредительного собрания я упоминаю о моменте, когда я, вместе со всеми остальными членами ЦК, голосовал против Ленина, оказавшегося в единственном числе по вопросу об отсрочке учредительного собрания. И хотя сам Ленин позже и говорил, что т а к вышло лучше и чище, тем не менее я думаю и сейчас, что Ленин был прав против всего ЦК, когда требовал отсрочки учредительного собрания. Незачем было в той трудной обстановке увеличивать риск и создавать необходимость второй дополнительной революции в виде разгона учредилки. По вопросу о переезде правительства в Москву, я ничего не говорю в книге о личных группировках и, следовательно, вообще не даю никакого материала для выводов в интересующем Вардина направлении. Но я действительно поддерживал предложение Ленина о переводе правительства в Москву.

Остается, наконец, еще один вопрос, последний по счету, но не последний по значению. «Если книгу тов. Троцкого прочтет человек, незнакомый с прошлым нашей партии,—так пишет Вардин, — то он придет к убеждению, что никогда никаких разногласий между Лениным и Троцким не было... Почему из истории этих «боев» тов. Троцкий не привел «для биографа» ни единой строчки»? На это отвечу. Для читателя, незнакомого с историей нашей партии, в книге моей останется непонятным многое и многое из того, что относится к политике, т. е., по крайней мере, три четверти книги. Это верно, что книга моя предполагает у читателя знакомство с основными моментами истории партии и революции. Почему я писал прежде всего о тех периодах, когда я близко соприкасался с Лениным, работая с ним рука об руку, а не о тех, когда расходился с ним? Вопрос этот уже заключает в себе ответ или, по крайней мере, значительную часть ответа. Желая дать не по книгам и цитатам, а по личному живому общению характеристику известных сторон, этапов и черт деятельности Ленина, — прибавить материал для биографа, — я, конечно, должен был взять те периоды, когда я теснее всего работал с Лениным. Период старой «Искры» я взял в первую голову потому, что об этом периоде уже почти некому рассказывать. Об этом основном мотиве я говорю в самой книге. Почему я далее взял период Октября? Думаю, что и этот вопрос заключает в себе ответ: именно потому, что это — период Октября, т. е. важнейший из всех периодов, через которые проходила не только наша партия, но и рабочий класс и все вообще человечество. Я уже предупреждал, что намерен над этой книгой работать и впредь. Мне, несомненно, придется говорить о Ленине и тех периодов, когда я расходился с ним по частным или второстепенным, или же по глубоко принципиальным вопросам. И к таким периодам я собираюсь подходить под углом зрения освещения личности и деятельности Ленина: исправлять историю задним числом у меня нет никакого побуждения, несмотря на то, что в основном вопросе долголетних разногласий — о путях развития партии — правота была полностью и целиком на стороне Ленина. Работа революционных годов, в которой тоже были свои разногласия, но уже чисто эпизодические, до такой степени отодвинула старые внутрипартийные разногласия в историю, что к ним, мне кажется, можно подходить без всякой предвзятости, т. е. именно, как к историческому материалу. Однако, у меня нет основания упреждать — да еще в связи со статьей т. Вардина — не написанные главы моей книги. Довольно и того, что сказано выше.

Главный вывод из всего написанного ясен: избыток усердия не доводит до добра. Можно, однако, почти не сомневаться, что

по поводу моих раз'яснений непродуманной и неряшливой статьи т. Вардина критик наш приведет, примерно, еще сто одно соображение, совершенно не относящееся к тем вопросам, которые он же поднял и которые мне пришлось разбирать. Существуют литературные стратеги, которые считают, что лучшим выходом из неприятного полемического положения является увеличение радиуса путаницы. У меня есть все основания думать, что т. Вардин принадлежит к этим стратегам.

По поводу статьи тов. Троцкого.

(Ответ редакции).

Помещая статью тов. Троцкого «Излишек усердия», редакция не считает нужным особо останавливаться на том «излишке запальчивости», который обнаруживает тов. Троцкий в своих выпадах по адресу тов. Вардина. Мимо этой стороны дела нужно поскорее пройти, так как эти выпады не делают чести их автору и ни в коей мере не уясняют вопроса по существу. Между тем, вся партия заинтересована именно в анализе этого существа, а вовсе не в изысканных словесных упражнениях, как бы блестящи они ни были.

Остановимся, прежде всего, на пункте о пропущенных сроках восстания. Если бы тов. Троцкий утверждал только одно, а именно, что нельзя зевать, что нужно использовать до конца революционную ситуацию, и когда она достигла своего наивысшего выражения, бросаться в бой, вводя в него все силы революции — тогда не о чем было бы спорить. Это был бы политический трюизм, истина, известная даже школьникам от революции. Однако, вовсе не об этом в действительности идет спор. Вопрос стоит совсем не в такой абстрактной, формальной и поэтому довольно пустой формулировке. Речь идет о последствиях германского поражения в октябре месяце тысяча девятьсот двадцать третьего года, т.-е. о последствиях совершенно конкретного факта, об его оценке. И в связи с этим, речь идет о той совершенно конкретной международной ситуации, которая сложилась после октябрьского поражения германского пролетариата и в известной мере под непосредственным влиянием этого поражения.

Следовательно, спор идет вовсе не «вопче», а по совершенно конкретному поводу.

В чем здесь теоретически неправильная и политически вредная тенденция тов. Троцкого? В том, что тов. Троцкий переоценивает результаты тяжкого поражения германской революции, недооценивает революционные перспективы, а потому создает концепцию «всеамериканского мира», представляя дело таким образом, что уже образовался единый мировой трест, который всю Европу сажает на паек, регулирует все отношения, почти

устраняет все противоречия и открывает всерьез начало новой эры грабительского, но все же пацифизма. Эту концепцию тов. Троцкий защищал в целом ряде своих выступлений. Как логическая схема, как закругленное построение, эта концепция привлекала кое-кого своей стройностью. Но беда-то в том, что она, к сожалению, представляет собой в значительной степени одно умствование, «перистальтику мозга», а не отражение об'ективной действительности. Она — надуманная схема, в которой и по отношению к буржуазному миру проявляется переоценка того же «планового начала», которое тов. Троцкий так переоценивал при обсуждении вопросов практической политики нашей партии. А так как партия пролетариата не может строить своей политики на иллюзиях, то нетрудно понять, почему эта тенденция тов. Троцкого — политически вредна. Она чрезвычайно легко может сбиться на своеобразное ликвидаторство по отношению к революции, в особенности, если тов. Троцкий, из любви к кричащим формулировкам, заявляет, что проигравши сражение, «мы ее (власти) не взяли бы совсем». Вся эта оценка международного положения (погибшая революция в Германии, пан-американский мир, «пайки» для Европы и т. д.) уже безжалостно разбита жизнью. Она уже лопнула, как мыльный пузырь. Она уже обанкротилась, будучи опровергнута фактами. Высокие слова о новой, так сказать, американской «эре» оказались таким преувеличением, которое превращает их во фразу, самое опасное для глубоко реалистической по существу политики коммунистической партии.

Второй пункт разногласий — оценка «Бреста» и «Варшавы». В своей брошюре тов. Троцкий пытался доказать, что «между Брестом и Варшавой принципиальной разницы нет, но есть разница в степени риска». Другими словами, разница между ошибкой левых коммунистов и тов. Троцкого—с одной стороны, и просчетом Ленина—с другой, не так уж велика: «разница в степени риска». Получивши раз'яснение о принциальной разнице, тов. Троцкий в ответ приводит, поистине, курьезную аргументацию: «В одном случае—пишет он: рисковали головой, в другом случае только рукой или ногой». «Это же и есть разница в степени риска!»

Ну, что можно сказать на такой «довод»?! Ведь, с этой точки зрения вообще никогда не бывает «принципиальной разницы». Нет такой разницы между больным и здоровым, а есть разница «в степени здоровья»; нет разницы между глупым и умным, а есть разница «в степени ума»; нет принципиальной разницы между толстым и тонким, и даже нет разницы—как это ни странно—между живым и мертвым. Это чудовищное утверждение содержится... в сравнении тов. Троцкого, который великолепно побивает сам себя. Ибо риск головой есть риск жизнью. Здесь стоит вопрос: «быть или не быть». Риск «только рукой» не

есть вопрос о том, «быть или не быть». Если утверждать, как делает тов. Троцкий, что здесь нет «принципиальной разницы», это и значит признавать абсурдное положение, что нет разницы между живым (безруким) и мертвым («без головы»). Неужели это не ясно? И неужели нужно настаивать на такой всем видимой, всем понятной, в высшей степени элементарной, ошибке?!

В этом пункте, как и в предыдущем, сквозит тот же формальный, метафизический, рационалистический подход к вопросу, который свойственен тов. Троцкому, и который так резко отличается от диалектического, в высшей степени гибкого, а потому и глубоко жизненного, практического, действенного подхода тов. Ленина. Для Ленина, человек, который не видит разницы между потерей жизни и потерей руки, который так — мы бы сказали: «астрономически-надзвездно»—подходит к проблемам современности, есть именно звездочет, а не политик. Разве не ясно, что, сделай мы ошибку во время Бреста, вся история пошла бы по другому пути на целый ряд лет! Вспомним, как высмеивал Ленин одну лево-коммунистическую резолюцию, которая предлагала пожертвовать советской властью («головой»), ради интересов международной революции»! Об'ективно такая постановка вопроса была нелепой игрой, которая именно не понимала всей глубины, всего значения разницы между «рукой» и «головой».

Для руководящих политиков нашей партии необходимо, прежде всего, уменье связывать широту взгляда с анализом конкретного, детального, особого, оригинального. Ибо если частный предприниматель делает просчет в своих расчетах, он терпит убыток в масштабах одного хозяйства, маленькой единицы. Если делается ошибка руководителем советского корабля, то эта ошибка вырастает в той же мере, в какой государство больше частного предприятия. Вот почему нам нужна величайшая конкретность, а не такая «принципиальность», которая не отличает головы от руки, у которой «все кошки серы».

Если «углублять» данный вопрос дальше, то без труда можно найти корень ошибки тов. Троцкого: он забывает, что количество («степень») переходит в качество. Он мыслит метафизически. В этом основа почти всех ошибок тов. Троцкого и, в частности, той ошибки, которую мы разбираем здесь.

Переходим к третьему пункту возражений тов. Троцкого, пункту о лозунге: «Грабь награбленное».

Об'яснения тов. Троцкого, которые он приводит в вышенапечатанной статье, — очень кстати, но появляются, к сожалению, слишком поздно. В прежней формулировке рассказа как раз был опущен такой важный для характеристики Ленина и большевистской политики момент, как уменье связывать партию с массами через и посредством лозунгов, наиболее понятных в данной обста-

новке самым широким—и даже самым отсталым — слоям. У Ленина не было никогда и нигде преклонения перед «словесностью», «формой» и т. д. Ему важно было лишь, чтобы получилась нужная сцепка с массовой психологией, и он частенько не стеснялся в выражениях, которые «коробили» с точки зрения книжного интеллигентного языка. И в этом смысле лозунг «грабь награбленное» типичен. Нечего изображать его поэтому какой-то случайностью и абсолютным пустячком. Он целиком укладывается в ту характеристику большевизма, которая отмечает связь с массами.

Тов. Троцкий совершенно правильно, на наш взгляд, об'ясняет, почему лозунг «грабь награбленное» был «изжит», почему он потерял на определенной ступени развития революции свое значение, почему он даже превратился в свою собственную противоположность. Но беда тов. Троцкого в том, что он совершенно не примечает, как этими рассуждениями он опять целиком бьет самого себя, бьет беспощадно, до тла уничтожает свою аргументацию и—о, ужас! — поддерживает позицию своего противника.

В самом деле, что либо одно из двух:

Либо лозунг «грабь награбленное» был случайной обмолвкой, ляпсусом, язык у Ленина «оступился», и никакого значения этот «лозунг» не имеет, т.-е. это вовсе и не лозунг.

Либо это действительно лозунг, имевший определенное историческое значение, двигавший массы, но, как и всё на этом грешном свете, относительный и потому, в конце концов, изживший самого себя.

В книге тов. Троцкого мы имеем первый вариант. В статье тов. Троцкого мы имеем защиту этого первого варианта. Но в этой «защите» тов. Троцкий, об'ясняя историческую смену лозунгов, рассказывая, как и почему лозунг «грабь награбленное» был изжит и т. д., по сути дела выставляет эти два слова именно как лозунг, а не случайную обмолвку, то-есть, защищая первый вариант, по существу защищает второй, прямо противоположный. Ибо было бы верхом курьёза распространяться на тему о том, как и почему была «до дна исчерпана» пустяковая обмолвка!

И здесь тов. Троцкий скользит по поверхности, хотя и весьма виртуозно, красиво, даже великолепно, как искусный конькобежец по льду. Только беда в том, что все это одни узоры, далекие от практического существа.

Наконец, мы вынуждены остановиться еще на одном—последнем—пункте.

Тов. Троцкий признает, что «в основном вопросе долголетних разногласий — о путях развития партии — правота была полностью и целиком на стороне Ленина». Но тов. Троцкий не считает обязательным рассказывать о периодах своих столкновений с Лениным.

Это большая ошибка.

В самом деле, даже в формулировке тов. Троцкого о ленинской правоте сквозит неполное понимание сути дела, ее одностороннее понимание. Ибо обозначать разногласия только как разногласия «о путях развития партии» (какой партии? ведь, «развилось» две партии?), тогда как речь идет о развитии борьбы между большевизмом и меньшевизмом, коммунизмом и социал-демократией, коммунистической «Горой» и «социалистической» «Жирондой», между пролетариатом и буржуазными агентами в среде пролетариата,—так обозначать эти разногласия, значит уменьшать их, недооценивать, смазывать, затушевывать вопрос. На определенной ступени борьбы она (эта борьба), действительно, развертывалась, прежде всего, на внутрипартийных вопросах. Но в зародыше уже здесь были предвосхищены такие проблемы, которые потом развели людей навсегда и поставили их по разные стороны баррикады.

На ошибках надо учиться. И если теперь есть время на ученье, то, конечно, тов. Троцкий должен был бы сам воспроизвести для партии тот урок, который он извлек для себя, хотя и не в достаточной степени. Это тем более, ведь, возможно, что, по мнению самого-то тов. Троцкого, все «долголетние разногласия» отодвинуты в историю и к ним «можно подходить без всякой предвзятости». Мы надеемся, что это положение будет у тов. Троцкого не случайной обмолвкой, а настоящим лозунгом, который долго не будет «исчерпан до дна».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«РОССИЯ». ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, № 2—1924 г.

Одному «тихому человеку» по фамилии—Лежневу, по должности—редактору «России» попался в руки впервые после долгого отсутствия серебряный полтинник. Совсем новый, блестящий, полновесный!.. Почтенный редактор «брякнул» его о стол и мелодичный звон металла вызвал приятные воспоминания—воспоминания о тех временах, когда этот «презренный» металл бывал более частым гостем в карманах нашего публициста (чай и гонорары тогда были не то, что теперь, и попадали то они исключительно благородной касте служителей литературы, а не каким-нибудь рабкорам!).

Но неприятно резнул глаз лирически-настроенного писателя, вычеканенный на новом полтиннике герб, и радужное настроение мгновенно сменилось угрюмым раздумьем. Не воскрешает современный полтинник старых времен, недаром двухглавый хищник сменился серпом и молотом, недаром старый серебряный унизился до котировки в ⅓ советского и не дерзает отстаивать свои демократические права. Между ними пропасть. Однако через пропасть можно также перекинуть мостик.

И подобно ржанию молодой лошади (см. патетический диалог между писателем и политиком: «Радуги земли» в том же номере журнала), серебряный полтинник породил в голове Лежнева ряд глубокомысленных и достопримечательных размышлений о прошлом, о современности, о путях будущего. Они то нас и интересуют больше всего, поскольку представляют гвздь второго номера «России» и наиболее четко выявляют ее классовую сущность.

***

Как подобает всякому серьезному исследованию, статья Лежнева: «О чем звенел полтинник» начинается историческим обзором.

> «Девять месяцев февральской революции, великой и бескровной, три года военного коммунизма, три года НЭП'а совзначного, три месяца НЭП'а твердого серебряного,—как уложить эти противоречивые меж собою этапы в один обобщающий образ? Как охватить внутренний, интимный и единосущный лейт-мотив совершений?».

Этот «единосущный лейт-мотив» революции, оказывается, заключается по Лежневу: в «убиении нулей», в уничтожении «склерозных, окаменелых и тормозящих частей социального тела, дегенеративных и рахитичных, слабых и лишних».

> «Февраль скостил царизм и распутиновщину. Октябрь мечем гражданской войны костил белую кость дворянства (только-ли? Случайно ли Лежнев забыл буржуазию, или она, может быть, не принадлежит к рахитичным частям социального тела?), белую армию, белую вошь... Все белое или рядом с белым лежащее, лишнее или казавшееся лишним—например, белую булку, чтобы не итти дальше этого».

Больше всего нулей было уничтожено, конечно, с введением благословенного НЭП'а.

> «Стали закрываться одно за другим бездельные предприятия, стали отметаться хозяйственные нули, которые на бумаге значились хозяйственными единицами, какое спасительное убиение нулей! Госснабжение отменено. Хлебная карточка—этот символ хлеба и продуктовая—символ продуктов—сброшены в мусорный ящик вместе с другими нулями. Вся многозначная символика нулей низложена. Скошен весь потусторонний и умопостигаемый платоновский мир идей (как изящно пишет наш редактор!—его образы подчас также живописны, как изделия владимирских богомазов), где покоились первообразы—Главрыба, Главстекло, Главсоль»...

Словом, военный коммунизм не больше, как один круглый нуль. Отсюда слава и трижды слава НЭП'у. Рассуждения достойные всякого порядочного сменовеховца.

Посмотрим теперь, какие же перспективы рисует нам наш талантливейший журналист в связи с хозяйственными успехами и стабилизацией рубля. Прежде всего предлагается воздержаться «от чрезмерных восторгов»..., ибо мы находимся в самом начале длительного и тяжелого пути „изрезанного вдоль и поперек коварными и неприметными для глаза волчьими ямами».

Здесь необходимо прежде всего сделать следующие замечания: Лежнев во всех своих писаниях упорно и непрестанно употребляет местоимение: «мы». Этим приемом он старается убедить доверчивого читателя в том, что именно «Россия» и ее спутники и сотрудники являются вернейшими защитниками диктатуры пролетариата, что он, Лежнев и компания, лучше и правильнее многих, а, может быть, и всех коммунистов понимают интересы и задачи революции, а затем под прикрытием максимальной революционности и лойяльности протащить идейки, не совсем лойяльные, и не совсем революционные. Вкрадчивое сменовохвостье (выражение Троцкого) сменяется, верней, дополняется здесь чисто нэпманской наглостью.

У нас с вами, господин Лежнев, однако, имеются все-таки «маленькие» разногласия, которые по терминологии неогегельянства (так в свое время именовал марксизм редактор «России», повествуя о крахе идей дарвинизма и неогегельянства) называется противоречием классовых интересов, каковое сейчас же и обнаруживается при дальнейшем разборе статьи.

> «Чтобы удержать рубль нам (?) неизбежно продвигать вперед стабилизацию хозяйства».

Святая истина! Но какими путями, с использованием каких методов?—вот основной вопрос, кардинальной важности.

По Лежневу оказывается, что единственным спасительным средством ведущим прямо к стабилизации, является ни что иное, как неограниченная свобода конкуренции, неограниченная рыноч-

ная стихия, ибо «нет любви без ревности и нет хозяйственного роста без конкуренции».

«Конкурентное начало чем дальше, тем все больше будет утверждать себя. Легкая жизнь за счет казенной субсидии вечно длиться не может, а серебряный полтинник будет подторапливать и подгонять».

Только конкуренция оказывается может произвести отбор «наиболее жизненных и полнокровных» предприятий, и заставить закрыться технически-рутинные, экономически нерациональные предприятия, и тем самым произведет оздоровление нашего хозяйства. Вот видите, как все просто! К чему Наркомвнуторг, Госплан и все прочие «искусственные рогатки и шлагбаумы?». Дайте полный простор конкуренции и все будет прекрасно! Кстати: проповедуя жестокое сокращение промышленных предприятий, Лежнев оговаривается, что это сокращение не должно было бы распространяться на ВУЗ'ы, так как «ВУЗ'ы все таки не нули, а единицы». Конечно, увеличение безработицы—это не существенно, но вот уменьшение баласта в нашей высшей школе может, по разумению нашего благожелательного нэпа-сменовеховца, принести значительный вред без сомнения, особенно, если в числе уволенных окажутся поклонники и последователи «России» и редактора ее. Расчет скрывающийся под этим выпадом, довольно тонок—попытаться нащупать себе почву среди активной части вычищенного студенчества, как наиболее восприимчивого к всякой нэпманской идеологии; ведь недаром тот же Зиновьев, на которого так любит ссылаться Лежнев, говорил о зарождении нового меньшевизма среди некоторой части учащейся молодежи.

«Мы знаем: в неравной борьбе, которую ведут между собой дотация и конкуренция, победа суждена последней. Это христианская мораль проповедует жалость к малым сим и равнение по слабейшему. Революция в грозе и буре вскрывает сокровенные тенденции и дает первенство подлинно сильным. Равнение по сильнейшему и убиение нулей—вот завет революции, воплощаемый в хозяйстве через НЭП».

В этом рассуждении характерно, главным образом, то, что г-н Лежнев не допускает организованного, планового хозяйства без дотации. Или конкуренция или дотация. Третьего не дано. Здесь наиболее ярко выявляется затаенная вражда к зачаткам социализма в нашем хозяйстве, которые обрекаются на неизбежную гибель перед лицом всесильной конкуренции—психология типичнейшего буржуазного интеллигента и интеллигентного буржуа, прикрывающегося и приспособляющегося к советскому «этикету», но в то же время всеми фибрами души приветствующего лозунг: «назад к капитализму!».

О подобных же чаяниях и мечтаниях свидетельствуют и дальнейшие рассуждения автора.

Нам рисуется застой советского хозяйства, безработица в городе, «лишние люди» в деревне, наростающий антагонизм между пролетариатом действующим и пролетариатом потенциальным и прочие страшные вещи.

«В чем же выход?».—чревовещательно вопрошает наш публицистствующий маг и волшебник и выход, конечно, находится, исключительно, в... привлечении иностранного концессионного капитала.

«С подлинно футуристическим ускорением пойдет тогда индустриализация страны. Небывало усилится в стране хозяйственное кровообращение, возрастает покупательная способность, увеличится емкость внутреннего рынка»... и т. д. и т. п. «Нужно ли еще прибавлять, что в обрисованной обстановке рубль наш будет тверд, как гранит и не будет нуждаться в орошении ни слез утраты, ни казенной монопольки отчаяния».

Преклонение перед иностранным капиталом переходит здесь уже в чисто верноподданническое раболепство. Но восторгом дело не ограничивается, в подданство к иностранному капиталу под разными страшнейшими угрозами, зовут также и нас.

«Два года назад мы (??) Уркварту отказали. И правильно (!)... должны отчетливо представить себе тенденции нашей экономической и всей социальной (Ой как страшно!) жизни и ясно видеть какие открываются перспективы в случае сговора и в случае его срыва».

Итак, всесильная неограниченная конкуренция и открытие двери для иностранного капитала—вот два кита, на которых должна строиться наша экономическая политика.

«Отказаться от этих последних возбудителей энергии (не порекомендует ли нам г-н Лежнев в качестве «предпоследнего возбудителя энергии»—восстановить частную собственность в полном размере?), значит выхолостить в хозяйственном творчестве все непосредственное и живое и обратиться вновь, как во время военного коммунизма (г-н Лежнев вероятно и своих детей пугает вместо «буки»—военным коммунизмом), к алгебраически-ходульной и резонерской агитке об общей пользе и об артельном котле».

«Маленькие» разногласия между «Россией» и... РКП теперь достаточно ясны. Куда должно идти дальнейшее развитие—к социализму или капитализму? РКП скромно содействует первому; «Россия» всячески поощряет второй путь. Укрепление и развитие начал капиталистического неорганизованного хозяйства в нашей экономике, поощрение чуждых экономических образований—вот тот мостик, которым провиденциальное воображение господина редактора соединяет пропасть между двумя полтинниками, как символом двух эпох.

***

Тяжеловесными рассуждениями из области экономики нить размышлений нашего уважаемого автора однако не ограничивается. Журналистская бойкость немедленно выводит его в более соответствующую область социально-политических экскурсов. Эзоповски осторожные экономические выкладки все время перемежаются с необдуманно- задорными выпадами на легкомысленный мотив песенки: «Когда уйдут большевики».

Почти половина статьи посвящена т. н. малой «гражданской войне»,—войне между отдельными советскими ведомствами. Яркими красками г-н Лежнев рисует ожесточенные стычки различных учреждений, при чем коммунисты и спецы одного наркомата, хозоргана и т. д. оказываются на одной стороне баррикады против коммунистов и спецов другого административного или хозяйственного учреждения. Конечно; «гражданская война» и «барри-

кады» заключены в иронические кавычки, как образные выражения. Однако под этими профессиональными ужимками заправского журналиста скрывается и нечто более серьезное. Из дальнейшего изложения следует, что иронические кавычки должны неизбежно исчезнуть.

«Стычки между промышленниками и финансистами представляют собою один из участков разветвленной линии боев. Интересы фиска и производства всегда противоположны друг другу... обычно в буржуазных государствах интересы ее (промышленности) представительствует особая партия».

Серьезные конфликты имеются у нас по примеру капиталистических государств не только между фиском и производством, но и в самой советской государственной промышленности.

«Первый и наиболее серьезный из них—между тяжелой и легкой индустрией. Это противоречие также не новое. Оно повсеместно, во всех странах, так сказать, почетное и потомственное, а у нас в России даже исконное. На подпочве этих экономических усобиц мы имели в Англии две могущественные политические партии: виги и тори. У нас в России, как ни был хил наш отечественный капитализм, мы наблюдали такое же столкновение интересов двух промышленных групп. У нас, как и в Англии; экономическое противоречие давало свой рефлекс в политике. Легкая индустрия была либеральна (... левое кадетов), тяжелая — реакционна (монархична)».

При чтении подобной тирады читатель, несмотря на убедительнейшие исторические аналогии, может быть захочет возразить, что отожествление нашего хозяйства с капиталистическим во всех его деталях несколько, мягко выражаясь, ... беспардонно, теоретически безграмотно. Ведь, как ни как, а все же в НКФ и в ВСНХ, в ГОМЗА и в ВТС у нас сидят не виги и тори, а члены пролетарской партии. К тому же и наше хозяйство по своей структуре чуточку отличается от капиталистического, хотя бы тем, что у нас имеются единые, регулирующие органы, подчиняющие интересы промышленности, «алгебрически-ходульной агитке об общей (т.-е. государственной) пользе», наконец, и в стране господствует у нас не тот класс, что в Англии и в царской России.

Но нет! Все эти возражения никчемны и неубедительны.

«Не будем тешить себя праздными, вздорными иллюзиями — могущественно признается Лежнев—будто противоречия эти падают, благодаря политическому единомыслию руководителей госпромышленности... возбудить в кругу ответственных перед государством хозяйственных работников крепкие положительные, «прогрессивные» производительные и организаторские инстинкты, не возбуждая одновременно отрицательных инстинктов собственничества... задача безмерно трудная».

Приведенная цитата легкомысленно выдает с головой «Российских» мудрецов. Под лапидарно — благонамеренными рассуждениями здесь скрывается та же сущность, что и под злобными выкриками эмигрантских экс-политиков. Страстное желание вызвать раскол в партии, если не удалось свалить большевиков в открытой вооруженной борьбе, — вот что об'единяет и черносотенных борзописцев «Нового Времени» и лойяльнейшего редактора «почти-советской» «Россия» (впрочем, если Лежнев очень шокирован этой компанией, сюда можно прибавить еще, например, меньшевистский «Социалистический Вестник», кадетский «Руль» и т. д.). Разница лишь в том, что пропаганда «России» значительно опасней, чем бредни политических мертвецов из эмигрантского кладбища. Об'единяя вокруг своей платформы известные слои советских специалистов, занимающих часто виднейшие посты, находящихся в непрерывном общении с коммунистическими хозяйственниками и оказывающих на них, не будем закрывать на это глаза, некоторое влияние, наши переодетые нэпо-сменовеховские идеологии, могут серьезно способствовать усилению капиталистических тенденций в нашей экономике. А там, даст бог, к всеобщей радости «тори», Серебровские окажутся на баррикаде против «вига» Таратуты, (вот на какой стороне будет Сокольников— пусть решит сам Лежнев). Заграничная контр-революция в настоящее время усиленно ищет себе союзников на легальной советской арене, перетасовывая и подновляя для этой цели свои тактические лозунги и теоретические платформы. Социальное назначение вдохновителей «России» в том и заключается, что они играют роль как бы «русских агентов» этой обновляющейся эмиграции. Ихней специальностью является, в частности, завоевание «работающей под Советами» интеллигенции, на которую возлагается особенно много надежд и упований.

На оценке литературно-беллетристической части номера мы останавливаться не будем, т. к. наша рецензия и без того чрезмерно растянулась. Отметим лишь то любопытное и знаменательное явление, что именно вокруг нэпо-сменовеховского журнала с особенной охотой группируются крупнейшие «звезды» «попутнической литературы.—«Своя своих познаша».

В. Богданов.

О НОВОЙ КНИГЕ ГЕОРГА ЛУКАЧА «ЛЕНИН» [1].

> **„Было бы, конечно, глубоко печально, если бы „левые" стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризованного марксизма".**
>
> *Н. Ленин* („О брошюре Юниуса").

Процесс большевизации коммунистических партий есть одновременно процесс изживания ими с.-д. предрассудков, наследия их недавнего прошлого. Совершается он одновременно по двум направлениям: по линии организационного размежевания с оппортунистическими, меньшевистскими элементами типа Леви, Фроссара или Транмеля и по линии внедрения большевистской теории во все более и более широкие круги партии. В этом отношении западное коммунистическое движение наверстывает теперь, в новых условиях, тот же самый опыт, который накопила наша партия в двадцатилет-

[1]) Georg Lucács. Lenin. Malik—Verlag Berlin. 1924.

ней организационной и идейной борьбе с меньшевизмом, в огне и испытаниях двух революций.

Чистота теоретического знамени партии играет в борьбе пролетариата важнейшую роль. Ленин писал, что «без революционной теории не может быть и революционного движения». Одной из отличительных черт оппортунизма всех мастей была всегда беззаботность по части теории, терпимость к теоретическим уклонам внутри партии. Урезывая свои революционные задачи, оппортунизм всегда был врагом неурезанного марксизма. Наоборот, никто так не настаивал на роли теории-руководства к действию, как Ленин. Самые абстрактные, философские споры неразрывно связаны с самой земной человеческой практикой. Уже само пренебрежение к теории есть теория, и при том весьма вредная. «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим, и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» [1]).

Беззаботность по части теории представляет собой политическую опасность даже в том случае, если в данный момент она соединяется с правильной политической линией. На почве такой беззаботности к этой линии примыкают неустойчивые, теоретически шаткие элементы, беззаботность в теории неизбежно приводит к теоретически ошибочным построениям и от них к политическим промахам. Мы, к сожалению, до сих пор еще не всегда умеем видеть в политических ошибках отражение ложной теории, уклон от марксисткого метода, не всегда умеем додумывать до последних практических выводов теоретически ошибочные положения. Можно сказать, что воспитать в коммунистических партиях бдительность в области теории, составляет одну из важнейших политических задач нашего времени.

**
*

Лукач принадлежит к той группе зап.-европ. марксистов (Лукач, Корш, Фогараши и др.), которая, примыкая к коммунистическому движению, ревизует в марксизме его философию. Разрабатывая вопросы диалектики в нашем мировоззрении, исходя главным образом из Гегеля, Лукач и др. отрицают в философии марксизма ее материализм, пытаются истолковать ее на идеалистический лад.

Уже одно это заставляет нас отнестись к новой книге Лукача—к тому же первой книге о ленинизме в зап.-европ. литературе—особенно внимательно. И действительно. Наряду с подчас блестящими характеристиками применения Лениным диалектики к вопросам тактики и политики, мы находим у Лукача положения, которые свидетельствуют о непонимании им не только некоторых отдельных деталей учения Ленина, но и самых основ ленинизмаа.

Разобрать две такие ошибки и составит нашу задачу.

---

[1]) Мысль, 1910 г., № 3, статья Ленина „Наши упразднители", стр. 48.

**
*

Первая ошибка т. Лукача, на которой мы хотели бы несколько подробнее остановиться, заключается в выяснении вопроса о характере и движущих силах нашей революции. Уже на ее разборе мы сможем иллюстрировать в чем заключается недостаток метода Лукача.

Разбирая предпосылки нашей революции, Лукач задается такими двумя вопросами: «Какой характер эта революция будет иметь? И в тесной связи с этим: какой класс будет в ней играть руководящую роль? (стр.7).

Если правы народники, если Россия сможет перейти непосредственно от сельской общины к коммунизму, то движущим классом революции должно быть крестьянство, то ее идеологическим знаменем не может быть исторический материализм, как теория пролетариата. Если Россия должна пройти через период капиталистического развития, то тогда руководящую роль в революции будет играть пролетариат, тогда революция сама будет пролетарской.

Таков ход мысли Лукача, такова историческая проблема, которая, по его мнению, стояла перед Россией в начале этого века.

Ленинская тактика была расчитана на рост пролетариата, на близость революции, на руководящее в ней значение пролетариата, в то время, как тактика меньшевиков исходила из рассмотрения революции не как вопроса дня, а как далекой конечной цели. Ленинская перспектива оказалась правильной, хотя остается под вопросом: была-ли бы правильна меньшевистская тактика даже в том случае, если бы была принята меньшевистская историческая перспектива.

В чем ошибки во всех этих рассуждениях Лукача?

Основная ошибка заключается в смешении вопроса о характере революции с вопросом о ее движущих силах. Ленин на этот счет высказывался в недопускающих никаких сомнений выражениях, в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», против Плеханова:

«Ошибка Плеханова — смешение «общего характера» революции в смысле ее общественно-экономического содержания с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросв, не могут даже непосредственно выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа» [1]).

Формула большевиков в резолюции 1905 г. гласила: «движущая сила революции — «пролетариат, ведущий за собой крестьянство». Но означала ли эта формула социалистический характер осуществляемой под руководством пролетариата революции? Ни в малой степени. Именно в смешении этих различных вопросов и заключалась ошибка в 1905 г., в данном случае, недалекого от Лукача т. Троцкого с его «теорией перманентной революции». — «Основная ошибка т. Троцкого,—писал в 1909 г. Ленин,— игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической» [2]). Провозглашение в тогдашних условиях социалистической революции было бы лишь обратной стороной мень-

---

[1]) Н. Ленин, собр. сочин,, т. XI, ч. 1, стр. 230. [2]) Там же, стр. 226.

шевистского и экономистского преклонения перед стихийностью, чего никак не может понять Лукач. Именно сюда были направлены возражения Ленина, когда он писал: «Нельзя смешивать демократический и социалистический перевороты—борьбу за республику (включая сюда и всю нашу программу—минимум) и борьбу за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделение демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота *отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью* (курсив наш Н. К.), но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию в таком положении взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей». Преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь... не основательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше» [1]). Значит ли это, что *социалистический* переворот откладывается на веки вечные? Нет, не значит.

Победоносная демократическая революция в России 1905 г. могла вызвать социалистическую революцию в Европе и эта последняя своим отраженным светом перевести и нас в более высокий исторический класс. Об этом «мечтал» Ленин [2]) но не это было конкретной задачей, программой сегодняшнего дня.

Не прав Лукач, когда он думает, что может возникнуть хоть какой-либо вопрос о правильности меньшевистской тактики. Размах и *демократической* революции зависел прежде всего от поведения социал-демократии, от ее активности и самостоятельности. «Двигать революцию вперед» ни при каких условиях нельзя было поддержкой буржуазии и соглашениями с ней, а лишь самостоятельной борьбой рабочего класса во главе крестьянства против царизма и против шатающейся буржуазии. Во всех случаях большевистская тактика оставалась единственно правильной.

Но в чем же важный для нас в данном случае методологический корень ошибки Лукача? Он заключается в понимании им диалектики.

Как известно диалектика издавна являлась красным платком, который дразнил быков оппортунизма. Еще Бернштейн все беды революционности Маркса выводил из пристрастия учителей марксизма к диалектике. В противоположность недиалектической, нереволюционной точке зрения ревизионизма левое крыло социал-демократии всегда настаивало на значении диалектики исторического развития. Но и здесь есть диалектика и диалектика. И Мартов себя называл диалектиком, когда ставил в упрек большевикам, что

[1]) Н. Ленин, собр. сочин., т. VI, стр. 134—5.
[2]) См. там же, стр. 129.

они хотят воспитывать пролетариат, позабыв, что воспитатель сам должен быть воспитан. Чисто формальное рассуждение, т.-к. и воспитатель и воспитываемые одинаково находятся во взаимодействии друг с другом, вместе воспитываются на опыте борьбы и строительства нового мира. У Мартова мы имеем только диалектическую словесность. Но зато в добавление к нему у многих ультралевых мы находим только диалектическую форму, без анализа конкретного содержания вопросов, диалектическую внешность. У Лукача она вытекает из его общефилософских идеалистических предпосылок. Уже в выше приведенном рассуждении Лукача, легко видеть, как формально он ставит вопрос об историческом материализме, как теории пролетариата, полагая, что если это так, то теория исторического материализма не может быть применена к непролетарскому движению. Мы все прекрасно знаем, как хорошо теория Маркса об'ясняет и буржуазные революции, как хорошо она может служить руководством к действию и в демократическом перевороте. Ошибка Лукача в том, что диалектика для него не закон жизни, который надо изучать на конкретном материале самой жизни, а закон человеческого сознания. Лукач—идеалист. Диалектика же, лишенная материалистического базиса, есть пустая форма, пустая схема. Именно материализм требует руководиться при исследовании вопроса не ко всему пригодными схемами, а изучением всех конкретных особенностей положения, его материальных движущих сил. Как раз этого мы и не находим у Лукача. У него есть схема—буржуазная революция—руководит класс буржуазии, пролетарская—пролетариат—и вопрос решен. Раз революцию делает пролетариат, борящийся за социализм, то значит, она должна стать социалистической. Точно также как Лукач навязывает Ленину в споре с народниками основной аргумент в такой формулировке, что в России *должен* быть капитализм, в то время, как Ленин настаивал прежде всего на том, что он уже *есть*.

Так методологическая ошибка ведет в конце-концов и к ошибке политической. Это не значит, конечно, что всегда и всюду формальное понимание диалектики непременно соединяется с идеализмом в таком же виде, в каком мы встречаем это у Лукача. Но всегда и всюду этот формализм сочетается именно с неумением давать совершенно конкретный анализ положения, с подменой организационной, административной, технической задачей, задачи изучения содержания явления, его движущих классовых сил.

**
*

Та же самая ошибка встречается нами во втором положении Лукача, на котором мы хотели остановиться.

Описывая роль Ленина во время войны, Лукач уделяет несколько страниц вопросу о характеристике империализма. Признавая за Лениным крупные теоретические заслуги и в этом отношении, Лукач видит их, однако, не там, где их привыкли искать мы. Для него заслуга Ленина заключается в ленинской практической революционной постановке проблемы империализма. Экономическую же теорию империализма Ленина Лукач считает «не выдерживающей никакого сравнения с удивительным развитием Розой Люксембург марксовой теории воспроизводства» (стр. 37).

Разберем подробно, что утверждает в данном случае наш

автор. Уже с самого начала весьма странно, что Лукач, настаивающий везде и всюду на связи теории с практикой, видит заслугу Ленина в установлении этой связи при наличии неправильного исходного теоретического положения. Что Ленин не был согласен с Розой в теории империализма, — общеизвестно (см. его ранние статьи против народников и прямые указания в библиографическом указателе марксистской литературы в словаре Граната и в статье «О восхождении на высокие горы»). Каким же образом человек, непонявший во всей глубине проблему империализма, смог быть глубочайшим теоретиком рабочего класса именно в условиях империалистической эпохи? И почему, наоборот, Роза Люксембург, по Лукачу, давшая самую глубокую теорию империализма, именно в вопросе, связанном теснейшим образом с ним, в национальном вопросе, — заблуждалась?

Вот проблема, подлежащая нашему анализу. Мы должны, однако, оговориться, что нашей целью ни в какой степени не является давать полную оценку деятельности Розы; вслед за Лениным о ее ошибках нужно сказать, «что если орлам случается и ниже кур спускаться, то курам никогда под небо не подняться».

Нас интересует лишь выяснение методологических корней того, что в Розе было тленного с точки зрения пролетарской борьбы, ее тактических и теоретических промахов.

Это тем более важно, что кое-где среди западных коммунистических партий делаются иногда попытки противопоставления Ленина и Розы Люксембург [1]).

Нам кажется, что все ошибки Розы увязываются в эту одну общую теоретическую ошибку в теории империализма. Попробуем хотя бы в самых кратких чертах нарисовать эту их взаимную связь [2]).

Как известно, исходным пунктом теории империализма Розы Люксембург является признание невозможности реализации в чистом капиталистическом обществе, необходимости для него иметь внешний некапиталистический рынок отсталых и колониальных стран. Отсюда с капитализмом неразрывно связывается империалистическая политика. Однако, если империализм есть необходимый спутник капиталистического развития, если без эксплоатации колониальных и отсталых стран вообще невозможно капиталистическое общество, то в таком случае, само по себе вовлечение в сферу влияния капитала все новых и новых областей и стран, давая необходимую пищу для его существования, готовит ему же гибель. В тот же самый момент, когда капитализм восторжествует окончательно на всем земном шаре — он станет невозможен. Внешне как будто бы чисто диалектическая постановка проблемы. Но только внешне. Теория крушения капитализма при этих условиях приобретает чисто абстрактный характер. Если сравнить ее с теорией империализма как *новейшего* этапа капитализма Ленина, то все ее недостатки сразу станут очевидными. Прежде всего из нее вытекает недооценка роли национальных освободительных движений.

---

1) См. статью К. Корша „*Ленин и Коминтерн*" в „Internationale" № 10—11 за этот год.

2) В нашу задачу совсем не входит теоретико-экономическая критика Розы по существу; в этом случае мы целиком исходим из работы тов. Бухарина „Империализм и накопление капитала", печатаемой в журнале „Под Знаменем Марксизма" за этот год.

По Ленину империализм — *особый* этап в развитии капитализма, который в самой основе своей подрывается национальными движениями, имеющими таким образом прогрессивный характер. В своей же известной брошюре о кризисе с.-д., разработанной Лениным, Роза утверждала, что в наше время «не может быть больше национальных войн». Еще тогда Ленин писал, что «только софист мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила—и в истории греческой философии— мостом к софистике. Но мы останемся диалектиками, борясь с софистами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного*, в его обстановке и в его развитии [1]).

Наоборот, Ленин уделял такое большое внимание национальному и колониальному освободительным движениям именно потому, что они, ударяя по империалистическим гигантам, лишают их излишков той сверхприбыли, на которую они имеют возможность подкупать верхушки рабочего класса, и с помощью оппортунистов поддерживать свое господство у себя в метрополии. Отсюда же у Розы из непонимания природы империализма и методов его господства вытекало непонимание социальной природы социал-демократического шовинизма. Ленин пишет, что выдвигая во время войны против нашествия врага классовую борьбу, Роза применила «марксову диалектику лишь на половину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия — это верно и по отношению к буржуазии, свергающий феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко *всякому* классовому угнетению, это слишком *обще* и потому *недостаточно* по отношению к данному особому случаю. Гражданская война против буржуазии *есть* тоже один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествия. «*Велико-Германская республика*», *если бы она существовала в 1914—1916 г.г. вела бы такую же империалистическую политику*» (курсив наш Н. К.) [2]).

Ленинская критика в данном случае била прямо в цель. Она показывала именно *недостаточность метода* Розы.

Из абстрактной же теории капиталистического крушения вытекало у Розы и недостаточное понимание роли партии в пролетарской революции, организации революции.

Во внутренно-присущем капитализму развитии, заканчивающемуся его гибелью, в построении Розы как-то скрадывается роль пролетариата, как активного борца за новый строй. Капитализм сам по себе стихийно должен погибнуть, разрушив все отсталые, предшествовавшие ему хозяйственные формы. В теории революции Роза не дооценивает роль ее организации. В своей «Всеобщей стачке и немецкой социал-демократии» она пишет, оценивая революцию

---

1) Р. Люксембург „Кризис социал-демократии" с приложением статьи Ленина. „Красная Новь"; 1924 г., стр. 118.

2) Там же, стр. 126—27.

1905 г.: «Короче говоря, в России элемент стихийности играл такую преобладающую роль в массовых стачках не потому, что российский пролетариат« не воспитан», а потому, что революции не поддаются воспитанию» [1]).

Мы знаем, что из событий 1905 года, Ленин делал как раз обратный вывод о необходимости организовать революцию. Или в другом месте: «Итак, если русская революция нас чему-нибудь учит, то прежде всего тому, что массовую забастовку нельзя искусственно «делать», что ее нельзя «постановлять» на ветер, или «пропагандировать», а что она историческое явление, которое в известный момент с исторической неизбежностью вытекает из общественных отношений» [2]).

Таким образом и у Розы мы находим непонимание того основного, что еще со времени «Что делать?» внес Ленин в рабочее движение—установления правильного соотношения между стихийностью и сознательностью в классовой борьбе пролетариата. Отсюда же вытекали и все ошибки Розы по организационному вопросу во время II с'езда РСДРП.

Итак, ошибка Лукача в определении роли ленинской теории империализма очевидна. Ленин был не только гениальным практиком, но и гениальным теоретиком нашего времени. То, что Лукач в данном случае противопоставил его Розе, тем более странно, что сам Лукач, как «левый» идеалист, иногда склонен был переоценивать роль сознательности. Но не даром говорят, что крайности сходятся.

Ленинская теория империализма остается непревзойденным по размаху и глубине анализом всей современной эпохи заката капитализма. Только поняв ее, можно понять и саму эпоху и задачи, которые она ставит перед пролетариатом. Усвоить ее со всеми ее выводами — важнейшая очередная задача западного коммунистического движения по пути его большевизации, по пути изживания в нем социал-демократических предрассудков и по пути уразумения роли самой современной социал-демократии. И лишь элексир этого познания может дать верное противоядие против всяких рецедивов в коммунистических партиях оппортунистического яда, под каким бы соусом—ультра-левым или правым—он не подавался.

Ник. Карев.

Е. ПЕТРОВА. — УЧЕБНИК ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ. (Вторая ступень политграмоты). Для школ фабр.-зав. уч. и старших классов трудовой школы I ст. Допущено научно-педагогической секцией Гос. Уч. Совета. ГИЗ. Ленинград. 1924.

«Смотри в оба»

(из рецензируемой книги).

Составление учебника обществоведения для школ фабзавуча и I ступени дело, действительно, настолько деликатное, что приходится «смотреть в оба» и в буквальном, и в переносном смысле. Учебник Е. Петровой является попыткой построить популярный курс обществоведения в согласии с новыми программами и методическими требованиями, модными сейчас в наших школах. В виде особого приложения «Указания для учителя» она дает даже описание своего нового метода, лабораторного.

Этот метод представляет из себя попытку построить преподавание исключительно на активной самодеятельности учащихся, путем комбинации экскурсий, самостоятельного чтения, беседы, письменных работ и пр. Относительно этой части работы, а также относительно конкретных методических указаний и пособий, помещенных в начале книги перед изложением предмета мы здесь не имеем возможности с достаточной полнотой высказаться, т. к. вопросы методики преподавания остаются до сих пор спорными, требуют специального обсуждения. Остановимся только на самом «содержании курса».

Изложить материал курса обществоведения для популярной аудитории — чрезвычайно ответственная, сложная задача. С одной стороны здесь необходима максимальная простота, ясность, даже примитивность изложения — истину, конечно, приходится давать не всю — и с другой стороны нельзя упрощать материал до такой степени, чтобы хотя в малейшей степени эту истину исказить, дать неверное представление учащимся об общественных явлениях. Многое, конечно, предопределяется порядком изложения, предопределяется стало быть программой, но все же основная доля ответственности за содержание курса ложится, несомненно, на автора учебника.

«Учебник обществоведения» Е. Петровой страдает такими промахами и недочетами, которые никак нельзя отнести за счет об'ективных трудностей написания популярного курса обществоведения.

Чтобы выяснить сущность капиталистической эксплоатации Е. Петровой захотелось дать вкратце и вчерне теорию прибавочной ценности. Здесь популяризаторские способности ей изменяют и вместо теории прибавочной ценности Маркса мы видим следующий шедевр:

> «И в использовании рабочего времени вся эксплоатация и заключается. Каждый выпускаемый товар оценивается количеством затраченного на него труда. За труд капиталист тратит сейчас же, наличными, это в общем обороте самый крупный расход и капиталист тем дороже расценивает товар, чем больше на него затрачено труда. Так расценивает не только капиталист. Каждый организатор производства необходимо будет вынужден признать труд мерилом ценности своего товара, мерилом ценности всякого товара... Мы убедимся, что каждый товар требует над собой работы целого общества; мы узнаем точно общественно-необходимое время для производства данной вещи. И вот перед нами встает вопрос, оплачивает ли капиталист все общественно-необходимое время полностью, все часы работы каждому из тех рабочих, в руках которых перебывала вещь?.. При сделке с покупателем товара, капиталист кладет в основу расценки именно время труда над каждым товаром, его трудовую стоимость, конечно, прибавляя

---

[1]) Р. Люксембург „Всеобщая стачка и немецкая с. д.". Петоград 1919 г. стр. 43.

[2]) Там же, стр. 8.

сверх того, смотря по обстоятельствам рынка. Иногда рыночная стоимость чуть не вдвое превышает трудовую»... (ст. 47—48. Курсив наш, И. К.).

В этой большой цитате вся суть учения Е. Петровой о ценности и прибавочной ценности и значительная доля промахов и путаницы, которыми в изобилии уснащено все изложение. Петрова здесь сказала по меньшей мере три неправды: 1) Всякому сколько-нибудь марксистски грамотному известно, что ни капиталист, ни «каждый организатор производства» не расценивают товара по трудовым затратам, не признают труд мерилом ценности. И здесь дело не только в упущении теоретических тонкостей, здесь скрытая апология капитализма и одновременно грубое извращение его природы. Ведь, если капиталист расценивает товар по трудовым затратам, то как возможна эксплоатация? Она должна выступать или в виде открытого, всем ясного грабежа рабочих, путем прямой недоплаты им, или в виде надувательства покупателей. Если дело в надувательстве капиталистами покупателей, то какое дело рабочему классу до капиталистической прибыли? Если капиталист у всех на виду нагло обсчитывает рабочих, то стоит лишь им быть пограмотнее, заняться подсчетами и капиталист будет прижат к стене. По Е. Петровой прибыль проистекает из обоих этих источников. Мы уже видели, что капиталист продает товар по трудовой ценности, «конечно, прибавляя сверх того» — в этом и заключается вторая ошибка нашего автора. Дальше, однако, мы находим, что и другой метод получения прибыли имеет свои права гражданства в «Учебнике обществоведения»:

> «Рабочий производит ценность, но он получает за свой труд не всю ту ценность, которую он произвел. Капиталист из вырученной суммы дает ему лишь прожиточный минимум, а остальное тратит: часть на покрытие прежних расходов по оборудованию фабрики, подвоза сырья и т. д., а самую крупную часть он оставляет себе на расширение предприятия и на свою роскошную жизнь» (стр. 48).

Не будем говорить о новой путанице, будто часть созданной рабочим ценности идет на «покрытие прежних расходов», будто «самую крупную часть вырученной суммы он оставляет себе» и пр. Эта цитата должна доказать, что все дело эксплоатации кроется в гнусном, открытом обсчитывании рабочих капиталистами. Как же, однако, они не раскрыли этого обмана, почему не восстановили справедливости? (кстати, Е. Петрова большой любитель подобных сентиментально-филистерских терминов) Петрова отвечает:

> «И не правы те, кто скажет, что рабочий получил свое и может уходить; рабочий никогда не получает полностью своего труда (?)... Но рабочий не понимает этого. Он не видит всей сложности производства, не умеет вычислить его» (стр. 49).

Извращать картину капитализма перед подрастающим поколением рабочих, не видевшим на практике всей системы капиталистической эксплоатации, подпускать розовой водички относительно справедливости и умения «высчитать» эксплоатацию, слишком опасное, слишком вредное занятие.

Е. Петрова считает своим долгом посвятить учеников I-й ступени во все тонкости капиталистического оборота. Мы видели во что превращается у нее «общественно-необходимое время», мы видели, что по ее мнению, капиталист должен бы (если делать «по справедливости») оплатить «все общественно-необходимое время полностью, все часы работы каждому из тех рабочих, в руках которых побывала вещь». При чем, тут «все общественно-необходимое время» и почему хозяин красильной мастерской должен оплатить все часы хлопководу, рабочему хлопкоочистительных заводов, прядильщику, ткачу и т. д. — об этом знает — да и то вряд ли — только Е. Петрова. Здесь уже второй раз пахнет чем-то знакомым. Прудон с его правом на полный продукт труда выглядывает из-за спины автора. Немного ниже этот отец мелко-буржуазного филистерства выступает совсем открыто:

> «Рабочий имеет право на полный продукт своего труда, он должен распоряжаться им сам, отдавая часть на развитие производства и на удовлетворение прочих общественных нужд. Продуктом труда должен пользоваться лишь тот, кто сам трудится. Это чувствует и сознает каждый рабочий» (стр. 89).

К счастью, «каждый рабочий» еще не подвержен анархически-мелкобуржуазной утопии о том, что продуктом труда должен распоряжаться он сам и если Е. Петрова своим «Учебником» помогает превращению пролетария в трясущегося за «получение полностью своего труда» мелкого буржуа, то она делает трижды вредное архи-опасное дело, ни грана не понимая в революционном учении Маркса.

Но Е. Петрова отнюдь не думает посягать на марксистскую теорию. Пусть эта теория изложена настолько безалаберно, что не только ученик фабзавуча, но и сам Маркс ничего не поймет. Пусть одна ошибка упирается в другую — внешность марксистской терминологии соблюдена; чтобы выяснить суть капиталистического обращения, она разражается следующим каскадом премудрости:

> «Из вырученных при продаже товара сумм, из прибавочной ценности капиталист покрывает свой постоянный капитал, и он остается лежать в основе всего предприятия — составит основной капитал. Он ему нужен для возобновления помещения, орудия производства, поставленных в начале (?) предприятия. Помещения, орудия производства обеспечены (?) основным капиталом. Оставшаяся (!) же часть (??) прибавочной ценности является прибылью (!!) капиталиста. Часть прибыли, самую большую часть, капиталист пускает в оборот, закупает новое сырье, оплачивает вперед (?) рабочую силу; оборотный капитал возвращается ему, он снова пускает его в оборот и чем быстрее оборот совершается, тем больше предприниматель получает прибавочной ценности». (Стр. 52).

Что сей сон значит? У нетерпеливого читателя, вероятно, уже навертываются досадливые, не совсем цензурные слова. В числе лозунгов, методически облегчающих работу учителя в «Учебнике», мы читаем: «Смотри в оба» и затем, учись не только глазами и ушами, но и пальцами». Используя оба эти приема, попытаемся осилить несосветимую премудрость политграмоты. Итак. Вырученная сумма, которую назовем «прибавочная ценность», должна покрыть постоянный капитал, который в лежачем положении будем называть «основной капитал». Остальная часть прибавочной ценности называется «прибыль», которая, если ее пустить в оборот, называется оборотным капиталом — в нем и заключается источник увеличения прибавочной ценности. Непонятно? Пожалуй, авторы «раз'яснения циркуляра» в «Джетысуйской образованности» пишут проще.

Если путаница и извращение марксизма в анализе капитализма вредна и опасна, то ошибки в рассуждениях о строе Советского Союза прямо портят молодое поколение рабочих, затрудняют текущую работу партии и Советского государства. Е. Петрова ровнехонько ничего не понимает, в особенностях строя пролетарской диктатуры.

> «Вся эксплоатация заключается в увеличении прибавочной ценности. Прибавочная ценность получается и в Советском государстве». (Стр. 49).

Или:

> «У нас капитал подчинен государству, мы не могли его изгнать совсем, но заставили подчиняться законам трудящихся... Так медленно приближаемся мы к обществу будущего, где все противоречия нашего современного мира будут уничтожены. Одним из главных противоречий нашего общестенного строя является несправедливость в производстве и в распределении» (Стр. 53).

Чего заслуживает распространение подобных «ученых идей» среди наших рабочих подростков — ясно и без комментариев.

Кампания за повышение производительности и интенсивности труда, захватившая на длительный промежуток времени все наше внимание, является кампанией за упрочение и развитие пролетарской промышленности, кампанией за вытеснение частного капиталиста, частного посредника, кампанией за утверждение основ коммунизма. А. Е. Петрова, чтобы найти качества, отличающие Советское государство от капитализма в выгодную сторону, пишет:

> «Прибавочная ценность получается и в Советском государстве... Но у нас прибавочная ценность не так велика сравнительно с заработной платой, а главное, прибавочной ценностью распоряжается не частный капиталист, а наше правительство». (Стр. 49).

И дальше:

> «Советская страна не может так (!) эксплоатировать рабочих, как это делает капиталист, не может увеличивать прибавочной ценности». (Стр. 58).

Облыжное приравнивание всякого прибавочного продукта к прибавочной ценности и, таким образом, к эксплоатации заставляет Е. Петрову говорить эту вредную чепуху о том, что мы хоть и эксплоатируем рабочих, но «не так», как капиталисты — помягче — что мы не хотим повысить «прибавочную ценность», то-есть увеличить производительность наших предприятий. Такие заключения вполне, конечно, вяжутся с общей мелко-буржуазной концепцией автора, но они вредны, когда преподносятся рабочему молодняку, хотя бы и в форме методически-продуманного сюсюканья о том, что вот, мол, какое у нас хорошее государство. По сути дела здесь подрыв доверия к системе Советского Союза; подрыв доверия к текущей работе партии.

Зато капиталисты в «Учебнике» выступают подчас в совсем невинном виде, почти что благодетелей рабочих. Заработную плату капиталист дает достаточную для приобретения средств существования и это вовсе не потому, что так поступать его заставляют стихийные факторы рынка,—нет, здесь сознательный расчет:

> «Его (рабочего) охотно берут и, чтобы он не ослабевал, не терял этой драгоценной для производства силы, поддерживают его существование, существование его семьи... Даже самый жадный собственник-капиталист будет поддерживать жизнь рабочего, потому что рабочий ему нужен... И он заработную плату определяет по прожиточному минимуму». (Стр. 46).

Капиталист (особенно, если он не «самый жадный») выглядит совсем ангелом, если мы посмотрим, чем же в этой области отличается Советский Союз. Оказывается:

> «Уже в Советском государстве стараются установить одинаковый уровень заработной платы в зависимости от того, как дорога жизнь, от прожиточного минимума местности». (Стр. 46—47).

Таким образом, то, что в капиталистических государствах проделывают «самые жадные собственники - капиталисты», является, по-Петровой, идеалом для Советской России.

Не менее благоразумно и гуманно капиталисты поступают и в определении условий труда:

> «Врачи (!) точно установили, что в условиях машинного производства работать больше восьми часов в сутки губительно для здоровья человека... (Длинный рабочий день) изнуряет рабочего, влияет, особенно, если это женщина или подросток, на его умственные способности; в конце концов, изнуряющий труд сможет лишить и капиталиста нужных ему сил». (Стр. 47).

Очевидно поэтому:

> «Он начинает понимать, что в погоне за выгодой обсчитал самого себя. Он начинает подсчитывать и убеждаться, что постоянный 12-часовой день менее выгоден, чем 10-часовой; то же относительно питания, острой нужды в одежде, особенно вредных условий жилища, отсут-

ствие врачебной помощи и т. д. Поэтому капиталистические страны часто идут на ограничение эксплоатации рабочего класса, создают фабричное законодательство, вырабатывают правила рабочего дня (от 10 до 12-ти), об охране труда женщин и детей...» и т. д. (Стр. 83).

Смотрите, какие капиталисты хорошие, — и зачем только их свергать было! Конечно, мы не подозреваем ни на минуту автора «Учебника» в желании привести к такому выводу, но из некоторых ляпсусов и ошибок его, такой вывод, несомненно, следует.

В главе о диктатуре пролетариата розовенькая мелко-буржуазная водица также дала себя знать. Советское государство охарактеризовано так:

> «Это—организация трудящихся, охраняющая права трудящихся на общественные средства производства и общественное равноправие». (Стр. 96).

И сколько страшных слов о революционном насилии ни будь написано, — это «общественное равноправие» останется ядом мелко-буржуазно-демократических иллюзий.

Дальше автор стремится доказать, что мы — самая демократическая страна в мире. И это, конечно, правильно, если не сбиваться на воспевание демократии самой по себе, а этим, нам кажется, страдает наш «Учебник». Е. Петрова почти извиняется, что мы не осуществляем целиком избирательной четыреххвостки.

> «Косвенные выборы дешевле и скорее, особенно в условиях нашего напряженного труда по восстановлению страны... В переходное время борьбы приходится некоторые слои общества лишить избирательных прав, как раньше их лишали полной свободы». (Стр. 99).

Зачем такой виноватый тон? Разве теперь все еще 17—18 год, когда мы возились с Учредилкой, когда мы должны были считаться с конституционными иллюзиями широких масс? Надо сказать, эти рассуждения попадают в тон другим ошибкам того же автора.

Только концентрация такого количества ошибок в учебнике заставила нас так подробно на них остановиться. Учебник допущен ГУС'ом, разойдется в десятках тысяч экземпляров и будет отравлять молодые головы подрастающего поколения рабочих тонко, незаметно, под видом преподавания и усвоения официально-коммунистической дисциплины — обществоведения.

Мы не остановились на ряде мелких промахов по существу и методических. Например, автор в своем увлечении техническим прогрессом, колоссально переоценивает увеличение производительности труда при введении машин; в качестве методического пособия к отделу «Товар», он рекомендует тему: I. «Как доисторическое дерево стало товаром?» (стр. 105). Вообще, курьезов в рецензируемой книжке — хоть отбавляй, но смеха они отнюдь не вызывают.

По отношению к популярным книжкам по обществоведению, особенно претендующим на роль учебника, по-неволе хочется повторить слова т. Ленина, взятые Е. Петровой в качестве эпиграфа к своей книжке:

«Лучше меньше, но лучше».

И. Капитонов.

П. ЗАЛУЦКИЙ.—ЧТО ТАКОЕ МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫЙ УКЛОН ОППОЗИЦИИ? 52 стр. Ленинград, Прибой, 1924 г. Тираж 10.000.

Нет никакого сомнения в том, что партийный молодняк можно и следует воспитывать на критическом анализе мелко-буржуазных уклонов в нашей партии.

Понятно поэтому, что анализ платформы оппозиции по внутрипартийным вопросам, осужденной последней Всероссийской Партийной Конференцией и 13 с'ездом партии, имеет значительный политико-педагогический смысл. Неудивительно посему и то обстоятельство, что тов. П. Залуцкий решил написать именно для партийного молодняка брошюру «Что такое мелко-буржуазный уклон оппозиции».

Однако, признание важности и своевременности такой темы, конечно, еще не решает вопроса о том, сколь эта брошюра полезна, насколько ценна она с точки зрения политической, какую педагогическую ценность она из себя представляет. Именно сугубая политико-педагогическая важность темы делает автора брошюры особенно ответственным за ее содержание, построение, форму изложния.

С точки зрения теоретико-политической повергает в некоторе сомнение центральное положение автора: «Ставка оппозиции — не рабочий класс, а идеальный госаппарат». (Так озаглавлен специальный абзац на стр. 6-ой). Заметьте: «не рабочий класс, а идеальный госаппарат».

Оппозиция — по мнению тов. Залуцкого — «классовую суть политики оставила в стороне и упустила из виду, выплеснула ее из ванны вместе с классом и ставила свою ставку, видела спасение от всех бед и напастей в «идеально построенном, в приглаженном и подстриженном госаппарате: на деле оппозиция явилась поборником идеализированной аппаратчины, романтиком всемогущества разума».

Боязно подумать, что молодой партиец может понять сие превратно.

«Идеальный» госапарат — вещь не совсем плохая. Не его ли образ представлялся тов. Ленину, когда он писал свои знаменитые статьи о рабкрине?

Но тов. Залуцкий настроен весьма решительно.

«В чем — вопрошает он — суть ленинизма в переживаемый нами ныне исторический и политический момент? *)

Во-первых, в том, что наша партия продолжает политическую борьбу в направлении развития и углубления революции, как революции рабочего класса, как пролетарской революции. Учитывая

---

[1], На счет сути ленинизма вообще не мешало бы формулировать точнее и осторожнее. Когда после такого большого вопроса о сути следует ничего не говорящий ответ об углублении революции и т. под., то, право, неловко становится.

реальную революционность рабочего класса в настоящее время, наша партия это свое движение вперед совершает совместно с рабочим классом, как движение рабочего класса, не подменяя его никаким (?! А. С.) госаппаратом, руководя этим движением в каждый данный момент, умея, находить и выдвигать те вопросы, которые лучше всего выражают интересы рабочего класса.

«Не подменяя его никаким госаппаратом».

Это противопоставление партии и рабочего класса «никакому госаппарату» — по меньшей мере неосторожно.

Это «никакое государство» — есть рабочее государство, руководимое нашей партией.

Противопоставлять партию, рабочий класс и Советское государство нельзя. Это различные круги одного и того же концентра.

Партия руководит рабочим классом, который представляет руководящую силу рабочего государства.

Мы тоже за идеальное рабочее государство.

Центр тяжести борьбы с оппозицией в вопросе о государстве лежал в критике неправильного политического курса, намечаемого оппозицией для этого рабочего государства.

Таким образом, в центральном критическом положении тов. Залуцкий скатывается к неправильной, не-ленинской постановке вопроса.

Но, может быть, т. Залуцкий дал хороший анализ платформы оппозиции по организационно-партийному вопросу? Может быть, он показал, как много ошибок переплетается у вождей оппозиции в вопросах о принципах большевистской организации, о партийных поколениях и т. под.

Нет, это т. Залуцкого интересует мало. Об этом в брошюре не пишется совсем, в брошюре, именуемой: «Что такое мелко-буржуазный уклон оппозиции!» Таким образом, подходя к брошюре с точки зрения теоретико-политической, мы обнаруживаем, что критика по основной линии отсутствует, а по линии производной дается критика теоретически и политически неверная.

С точки зрения педагогической мы вправе требовать от автора брошюры известной слаженности различных глав, определенной целостности.

Брошюра посвящена анализу уклона. — Значит, все части брошюры должны быть подогнаны к освещению именно уклона.

Этому требованию брошюра не отвечает.

Странным образом, после неудачной критики уклона, мы попадаем со стр. 33 в полосу рассуждений «вообще».

Автору захотелось поговорить о задачах РЛКСМ в деревне. Это он обещает в оглавлении. Однако, глава трактует с удивительной всеоб'емлемостью обо всем. — только не о задачах Союза Молодежи.

Автор констатирует в этой главе господство капитализма в мировом масштабе и крупный удельный вес мелкой буржуазии внутри Союза С. С. Р. и предлагает партии «обезвредить (!) эту уязвимую ахиллесову пяту нашей действительности».

После столь точной характеристики наших задач т. Залуцкий говорит о смычке, о кооперации, о борьбе за низкие цены, о внешней политике и распроклятом II Интернационале и т. д. «У дедушки Якова товару про всякого».

Брошюра заключается главой «Пролетарская молодежь непобедима». В этой главе мы встречаем еще более точное определение наших задач.

«В нашей классовой партийной политике мы сейчас должны иметь две стороны, два направления: во-первых — аппаратскую, как средство для достижения наших целей, во-вторых — партию в классе, партию в массах, как суб'ект, как класс, борющийся за эти цели». Мнится нам, что этих определений не поймет и сам тов. Залуцкий.

Тем не менее из этих положений «с неумолимой логикой» автор выводит заключение о росте силы комсомола и его блестящих перспективах.

Мы скромно отнесли эту цепь ляпсусов к недостаткам педагогическим. И все это богатство мыслей спресовано менее чем на 2 печатных листах.

На критике уклонов можно и следует воспитывать партийный молодняк, но на всякой ли критике?

Нам представляется, что не на всякой, и, во всяком случае, не на критике т. Залуцкого.

А. Слепков.

ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ (СИБИРЯКОВ).—СУНЬ-ЯТ-СЕН. ОТЕЦ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Изд. «Кр. Новь», Москва, 1924 г. Стр. 182.

«Настоящая работа, — говорит автор в предисловии, — есть сгусток подготовляемой нами большой работы о китайской революции, а равно представляет собой выдержки некоторых глав из подготовляемых нами к печати сочинений Сунь-Ят-Сена».

Всем известно, как трудно бывает автору избежать излишнего суб'ективизма при оценке собственных произведений. Не избежал этого недостатка и Вл. Виленский (Сибиряков), утверждая, что «настоящая работа... равно представляет собой выдержки», когда на самом деле «выдержки» составляют более четырех-пятых его работы, приблизительно, сто сорок, сто пятьдесят страниц из ста восьмидесяти двух.

Впрочем, это не столь уже важно, ибо, если 150 страниц «выдержек» являются ценным материалом, а 30 страниц, плод оригинального творчества, — ценными комментариями и дополнениями, то всем изучающим Китай остается только благодарить автора за то, что он дал, а не требовать от него невозможного.

Итак, начнем с «выдержек». Вероятно, большая половина этих выдержек есть перевод с китайского, а потому ценность их в значительной степени зависит от знания и способности переводчика. В своем предисловии В. Виленский-Сибиряков чистосердечно признается: — «ученых китаеведов (синологов), говорит он, мы, вероятно, огорчим нашей книжкой, ибо мы допускаем, что приводимые нами переводы документов с китайского имеют те или иные неточности. Китайская грамота мудрена, она полна даже в политической литературе древними изречениями, которые трудно переводимы. Но (утешает себя автор) это более формальная сторона, что же касается существа передачи переводимых основных идей и мыслей, мы склонны думать, что мы не грешим против них».

Посмотрим, так ли это? Вот несколько образчиков даваемых переводов:

«И почему они желают стрелять в нас, когда мы справедливо требуем таможенные доходы, собранные на территории моего правительства по уплате, надлежащей доли иностранных долгов, лежащих на таможенных доходах всего Китая»...

«С момента начала гражданской войны количество солдат в Китае во много раз увеличилось; эти солдаты вышли все из народа, но не добровольно, а принужденные этой незаконной военной силой. Однажды мы лишили их силы, многие поплатились жизнью — но это не хорошо».

«Действительно не хорошо, ибо подобные переводы есть не только клевета на китайский язык, но и на «Отца китайской революции», который, смеем заверить, пишет по-китайски ясно и вразумительно. Вл. Виленскому-Сибирякову, может быть, и следует «выразить свою признательность советским китаеведам-синологам... за их труды по переводу некоторых из рукописей Сунь-Ят-Сена», но мы не думаем, чтобы самому Сунь-Ят-Сену было за что благодарить «китаеведов-синологов», для которых и русская грамота, повидимому, столь же «мудрена», как и китайская.

Несмотря, однако, на убийственность некоторых переводов, нужно отдать справедливость Вл. Виленскому - Сибирякову: 150 страниц печатаемых им «выдержек» и документов заслуживают внимания всех желающих ознакомиться с историей китайского революционного движения. Так, отрывки из книги Сунь-Ят-Сена «Записки о китайской революции», затем письма последнего к президенту Вильсону, японскому военному министру Танака и, наконец, Карахану, как и оценка Сунь-Ят-Сена, даваемая одним из видных членов Гоминдана, бесспорно представляют значительный интерес. К сожалению, желание автора втиснуть во что бы то ни стало обширные документы в тощие главы своего оригинального творчества, неблагоприятно отражается на композиции книги. Книга значительно выиграла бы, если бы все свои рассуждения о Сунь-Вен'е и китайской революции автор об'единил в одно целое и поместил в виде предисловия. Совершенно, например, непонятно для чего ему понадобилось разорвать одну из своих старых статей, появившуюся еще во втором номере «Нового Востока» на несколько частей и рассовать между документами, как отдельные главы.

Посмотрим, однако, что дает Вл. Виленский-Сибиряков помимо выдержек. Вот глава первая: «Отец китайской революции»; под заголовком в виде эпиграфа цитата из речи Троцкого, в средине письма в десять страниц одного из лидеров Гоминдана, на остающихся девяти автор пытается дать характеристику Сунь-Ят-Сена, пуская в ход все краски своей палитры.

«Китай, это — безбрежное людское море. Всколыхнуть это море, вызвать революционный тайфун, это значит вывести из равновесия огромную людскую стихию, волны которой могут захлестнуть какое угодно судно мореплавателя революции. Еще труднее овладеть этой революционной стихией, заставить ее успокоиться и найти свое новое русло. Поэтому мы должны удивляться не тому, что Сунь-Ят-Сен на тридцать девятом году своей революционной деятельности (он начал ее в 1885 году), на тринадцатом году китайской революции не только не погиб в волнах бушующей страстями гражданской войны, стихии китайской революции, не вышел в политический тираж, но продолжает борьбу революционера за свои идеи» и т. д. в том же духе на продолжении всех девяти страниц. Впрочем, есть места еще более любопытные, например:

«Все это делает Сунь-Ят-Сена идеологом реформации Китая, который, выдвигая грандиозные планы реформации, является вместе с тем политиком, который борется за создание таких политических условий в Китае, которые обеспечили последнему возможность этой реформации».

Видите, как просто и в то же время точно выражает автор самые сложные и глубокие мысли!..

Вл. Виленский-Сибиряков — большой поклонник Сунь-Вен'я и в этом, нет разумеется ничего плохого, плохо только то, что в своих панегириках ему не удается сохранить ни хладнокровия, ни чувства меры.

«Сунь-Вень, несомненно, должен быть назван одним из крупнейших людей нашей эпохи. Имя его будет вписано в историю, как одного из крупнейших революционеров начала XIX века»...

...«Великий китаец-революционер, мало имеющий себе подобных даже в истории европейских революций».

«Сунь-Ят-Сен сочетал в себе и практика и теоретика революции. Вместе с тем, он обнаружил исключительные способности политика».

«Читатель увидит, обещает автор,—каким опытным и дальновидным политиком является Сунь-Ят-Сен на всем протяжении своей политической деятельности»; но обещаний своих автор не держит, ибо в тех редких случаях, когда он пытается доказывать свои утверждения, получается не совсем убедительно.

«Когда в 1911 году, читаем мы, в У-чане вспыхивает восстание, Сунь-Ят-Сен находится в Америке. Весь мир облетает известие о победоносной китайской революции и о том, что президентом новой Китайской Республики намечается Сунь-Ят-Сен. Вероятно, это было бы достаточным основанием, чтобы Сунь-Ят-Сену спешить в Китай. И другой на его месте, вероятно, так бы и сделал. Сунь-Ят-Сен обнаружил здесь исключительную дальновидность политика, который взвесил международную обстановку и поехал в Лондон для того, чтобы предпринять ряд шагов, которые должны были укрепить международное значение китайской революции».

Вл. Виленский-Сибиряков, повидимому, крепко верит в то, что поездка Сунь-Ят-Сена в Лондон имела решающее значение для судеб китайской революции!

Далее. Сунь-Ят-Сену «вменяется в вину его соглашательство с Юань-Ши-Каем, когда в 1912 г. он уступил президентский пост будущему китайскому Бонапарту».

Вначале автор как будто соглашается, что в данном случае Сунь-Вень ошибся: «Допустим, говорит он — что такое соглашательство есть, действительно, роковая политическая ошибка. И это так, если взять этот эпизод абстрактно, вне зависимости от соотношения революционных сил». Если же принять во внимание это соотношение, то «уступка власти и соглашательство больше являются вынужденными, чем ошибкой в истинном смысле этого слова». Несколькими строками ниже мы узнаем, что Сунь-Вень «отнюдь не видел в этом капитуляции, ибо он исходил из интересов китайской революции и рассчитывал этим соглашением утвердить Китайскую Республику на базе об'единения юга с севером Китая». Таким образом, никакой ошибки Сунь-Вень как будто и не совершил. В конце концов оказывается, что роковую политическую ошибку он все-таки совершил, но что в этом, главным образом, виноват не он сам, а китайская революция: «История,— заявляет автор, — восстановит в свое время полную картину ошибки китайской революции, — мы подчеркиваем ошибки китайской революции, а не одного Сунь-Ят-Сена».

Говоря о том, что Сунь-Ят-Сен «не понял значения классовой борьбы и ее исторического значения», Вл. Виленский-Сибиряков приводит следующие, смягчающие вину обстоятельства: «Возможно, — говорит он, — что Сунь-Ят-Сен не дооценил значение рабочего класса потому, что в начале своей революционной деятельности, он не видел в Китае рабочего движения, которое началось позднее и с которым «Отец китайской революции» в последнее время начинает серьезно считаться». (Т.-е. приблизительно, на тридцать девятом году своей революционной деятельности!).

«Он еще не заявил себя сторонником советской системы, но мы отнюдь не удивимся, если его интерпретация и принципов и конституции получит тот или иной советский уклон».

«Почему? — спрашивает Вл. Виленский-Сибиряков и тут же, как истый марксист, отвечает: «Да потому, что Сунь-Ят-Сен — революционер. Его историческая роль для Китая, — роль революционера, бунтаря, который ломает тысячелетнюю косность Китая для того, чтобы построить новый Китай. Он—вечная оппозиция китайской реакции, он—кипучая, неукротимая борьба. Но ведь это нужно для того, чтобы всколыхнуть до самых глубин страну Конфуция, чтобы привести в движение это безбрежное людское море и не дать ему вновь погрузиться в спячку. Эту роль Сунь-Ят-Сен выполняет с честью». К сожалению, мы не можем сказать, чтобы сам автор выполнил с честью ту роль, за которую он добровольно взялся. Его характеристика «Отца китайской революции» по существу ничего, как вы видите, кроме витиеватых фраз и напыщенных похвал, не заключает. А между тем, отнесись Вл. Виленский-Сибиряков несколько более серьезно к своей задаче, проанализируй более внимательно, хотя бы собранные им в книге материалы, он сумел бы, мы в этом уверены, дать более реальный, более живой образ знаменитого китайского революционера. Сунь-Вень не образец совершенства, но все же он настолько крупная фигура, что ни в каких ходулях, на которые пытается взгромоздить его Вл. Виленский-Сибиряков, не нуждается. Что же касается советской молодежи, для которой автор предназначает свой труд, то и она, вероятно, больше нуждается в точных сведениях о Китае и его деятелях, чем в приукрашенных и фальсифицированных.

Но может быть автор лучше справился с задачей «познакомить широкого читателя с основными идеями китайской революции и вкратце рассказать историю борьбы китайского народа за утверждение республики?». И этого мы сказать не можем. Правда, главы: «12 лет гражданской войны», «Борьба классов в современном Китае», «Задачи китайской революции»—выгодно отличаются от разобранной нами главы своим более простым и удобопонятным языком, но все же удовлетворительными и их назвать нельзя. Отметить здесь все погрешности автора не представляется возможным, ибо каждая, положительно каждая страница свидетельствует о неполном знакомстве автора с излагаемыми им фактами. Идет ли дело о клубе Ань-фу или о том, как «Сунь-Ят-Сен не побоялся угрозы иностранного вмешательства и наложил свою руку на излишек таможенных доходов в Гуандуне», или, наконец, о таком избитом сюжете, как китайские «дуцзюны» и «генерал-инспекторы»—всюду автор обнаруживает лишь приблизительное знание предмета. Точно также утверждения, что Цао-Кунь «крепко сросся с буржуазией Срединного Китая» и что «борьба между Чжан-Цзо-Лином и У-Пей-Фу, это есть по существу борьба между двумя фракциями китайской буржуазии за гегемонию над Китаем», суть не более, как поспешные заключения, сделанные на основании весьма незначительного количества, притом мало изученных автором, данных. Почитайте китайские буржуазные органы, и вы увидите насколько «крепко сросся» теперешний президент с буржуазией. В самой столице, Пекине, торговый квартал Цьенмэн охраняется специальной милицией, организованной китайскими коммерсантами, и охраняется, главным образом, от солдат Цао-Кун'я!

Вопрос о «сращивании милитаризованного мандарината с буржуазией» — вопрос весьма любопытный, но в то же время гораздо более сложный, чем то думает Вл. Виленский-Сибиряков. Не изучив предварительно экономики Китая, не уяснив себе истинных взаимоотношений торгово - промышленных и финансовых групп, как между собой, так и с «дуцзюнами», губернаторами, генерал-инспекторами и самим «центральным правительством», пускаться в какие либо обобщения относительно характера и темпа эволюции «милитаризованного мандарината», не приходится. Иначе может получиться лишь один конфуз, «потеря лица»—сказали бы китайцы, как это и случилось с нашим автором, открывшим (ведь вот какой Колумб!), что Чилийско-Фэнтьенский конфликт был,

главным образом, вызван желанием манчжурских буржуа захватить гегемонию над всем четырехсотмиллионным Китаем!

Впрочем, rira bien qui rira le dernier и, может быть, в подготовляемой Вл. Виленским-Сибиряковым «большой работе о китайской революции» он документальными данными докажет всему миру существование столь черных замыслов у подданных Чан-Тсо-Лина. Что-же? Поживем — увидим, а пока пожелаем автору удачи в его трудном предприятии!

А. Ивин.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Ил. Вардин, Л. Каменев, А. Слепков.**